

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Донской государственный технический университет»

На правах рукописи

Речевой жанр «биография» в контексте PR-дискурса

Бондаренко Юрий Борисович

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Ковтуненко Инна Викторовна,
доктор филологических наук, доцент

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Речевой жанр «биография» в его отношении к различным дискурсам.....	11
1.1 Речевой жанр «биография»	11
1.1.1 Понятие речевого жанра в современной лингвистике	12
1.1.2 Жанр биографии в европейской культуре и словесности.....	17
1.1.3 Стандартность построения как признак биографии и его источники	21
1.1.4 Многообразие модификаций жанровой формы биографии	24
1.1.5 Номинация «биография» как свидетельство общезначимости биографической модели в европейской культуре	28
1.2 Жанр биографии в контексте различных дискурсов	37
1.2.1 Дискурс как объект лингвистических исследований	37
1.2.2 Дискурс и частные дискурсы	41
1.2.3 Дискурс и жанр.....	45
1.2.4 Биография как «наддискурсный» речевой жанр.....	55
Выводы по 1 главе.....	63
Глава 2. PR-дискурс и биография как его жанр	67
2.1 Связи с общественностью и PR-дискурс	67
2.1.1 Формирование имиджа как основная цель PR-дискурса.....	70
2.1.2 Особенности коммуникативной структуры PR-дискурса	72
2.1.3 PR-дискурс как проявление социального института.....	79
2.2 PR-биография как компонент жанровой системы PR-дискурса	82
2.2.1 Основные признаки и структурно-содержательные особенности PR-биографии в современной теории связей с общественностью.....	84
2.2.2 Статус биографии в PR-дискурсе	88
2.2.3 Недооценка потенциала PR-биографии в теории связей с общественностью	92
Выводы по 2 главе.....	97
Глава 3. Полиморфность PR-биографии.....	100
3.1 Неоднородность «жанрового канона» PR-биографии.....	102
3.1.1 Биография-конспект, биография-рассказ, биография-повествование: Закрепившиеся формы PR-биографии в контексте жанровой системы.....	102
3.1.2 Нарушение жанрового канона PR-биографии	112
3.2 Связность и фрагментарность как характерные черты PR-биографии	116

3.2.1 Незавершенность как жанрообразующий признак PR-биографии.....	118
3.2.2 Проявления жанрообразующего признака незавершенности в текстах PR-биографии.....	121
3.3 Формы биографии и автобиографии в контексте PR-дискурса	131
3.3.1 Смещение номинаций «биография» и «автобиография» в контексте PR-дискурса.....	132
3.3.2 Совмещение биографического и автобиографического повествования в рамках PR-биографии	135
3.3.3 Переосмысление биографической и автобиографической форм изложения в контексте PR-дискурса	140
Выводы по 3 главе.....	142
Глава 4. Квазиавтобиографичность PR-биографии	146
4.1 Сочетание биографического и автобиографического в PR-биографии	146
4.2 Паратекстовая категория авторства в PR-биографии.....	153
4.2.1 Имя автора как элемент паратекста	153
4.2.2 Фигура автора в PR-биографии	155
4.2.3 Фигура автора: PR-биография в сопоставлении с панегириком.....	163
4.3 Система средств выражения положительной оценки в PR-биографии.....	170
4.3.1 Прямая положительная оценка и ее метонимическое смещение в PR-биографии.....	172
4.3.2 Достижения героя как средство характеристики героя PR-биографии.....	174
4.3.3 Соседство со значимыми объектами и персонами	182
4.3.4 Оценки лидеров мнений: «Чужое слово» как средство выражения оценки	183
Выводы по 4 главе.....	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	199

ВВЕДЕНИЕ

Социально-политические и экономические изменения в России оказали огромное, многостороннее воздействие на русский язык и речевые практики российского общества. Осмысление результатов этого воздействия является одной из важнейших задач современных наук о языке и коммуникации. Возможным направлением таких исследований является рассмотрение языковых фактов в перспективе теории речевых жанров и теории дискурса. Значимое место в PR-дискурсе занимает жанр биографии.

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что PR-биография представляет собой новый, активно развивающийся жанр связей с общественностью, который, несмотря на его анализ в ряде работ (преимущественно практической направленности), остается недостаточно изученным. Всестороннее исследование данного жанра с точки зрения его коммуникативно-прагматических свойств, грамматических, стилистических, композиционных признаков в контексте теории речевого жанра и теории дискурса отражает общую направленность современной лингвистики на комплексный анализ речевых произведений, учитывающий достижения отдельных частных областей науки о языке.

Степень разработанности темы. Биография как особый жанр PR-коммуникаций упоминается в большинстве работ, затрагивающих систему жанров связей с общественностью. Прежде всего, это касается работ практической направленности (например, [Гундарин, 2008; Данилина и др., 2008; Егорова-Гантман, Плешаков, 1999; Игнатъев, Бекетов, 2004; Кривоносов, 2001; Кривоносов и др., 2012; Чумиков, 2001] и др. работы). PR-биография упоминается в теоретически ориентированных исследованиях, посвященных системе жанров PR и PR-дискурсу (см., например, [Аксенова, Анисимова, 2014; Кочетова, 2010; Огнева, 2014; Хахалева, 2013] и другие работы). Также имеется ряд работ, посвященных частным аспектам PR-биографии. Например, данный жанр изучался в аспекте практической стилистики [Костомаров, 2019; Широкова, 2015], в контексте теории воздействия [Култышева, 2014]. Однако, несмотря на наличие

обширного числа работ, в которых выявляются основные признаки PR-биографии, проблемы жанровой природы данного типа текстов, их типологии, стилистических

и грамматических особенностей не могут считаться решенными. Прежде всего, анализ PR-биографии как особого жанра носит либо сугубо практический характер, либо оказывается поверхностным, поскольку содержится в работах, предлагающих общие теоретические модели. В силу этого необходимость анализа PR-биографии в более широком теоретико-лингвистическом контексте, в частности, с точки зрения теории речевого жанра и теории дискурса, остается актуальной задачей современных наук о языке.

Объектом исследования является жанр PR-биографии как дискурсно-обусловленная модификация общей биографической жанровой модели.

Предметом исследования являются коммуникативные, языковые, композиционные и стилистические признаки PR-биографии, которые возникают в результате адаптации биографической модели к PR-дискурсу.

Цель исследования заключается в комплексном описании и анализе формальных и прагматических трансформаций традиционного жанра биографии в контексте PR-коммуникаций.

Цель исследования определила его **задачи**:

- выявить место и роль биографической модели в российской и европейской культурах и различных дискурсах;
- определить структуру, цели и существенные признаки PR-дискурса;
- провести комплексный анализ биографических текстов различных сфер применения (научной, общественно-политической, транспортной, сельскохозяйственной, муниципальной и др.);
- установить и описать формальную сторону PR-биографии с точки зрения ее языковых, стилистических, композиционных признаков;
- выявить и охарактеризовать трансформации традиционного жанра биографии;

- проанализировать PR-биографию с точки зрения коммуникативного контекста, в котором она функционирует, и отражения этого контекста в языковом воплощении PR-биографии.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что PR-биография является особой модификацией общей биографической жанровой модели, которая возникает в контексте PR-дискурса под воздействием его целей, правил и установок. Подтверждение данной гипотезы не может базироваться только на выявлении признаков, которые отличают PR-биографию от других вариантов воплощения общей биографической модели, характерных для научного, делового, художественного, публицистического дискурсов. Для подтверждения гипотезы должна быть обнаружена корреляция между специфичными признаками PR-биографии и целями, установками и коммуникативными особенностями PR-дискурса.

Материалом исследования послужили тексты PR-биографий, полученные через персональные сайты публичных личностей (музыкантов, писателей, кинорежиссеров, журналистов, политиков) и организаций (муниципальных, общественно-политических, транспортных, сельскохозяйственных, научных, образовательных и др.). Выбор источника PR-биографий обусловлен тем, что распространение биографических текстов через персональные сайты однозначно свидетельствует об их включенности в PR-коммуникации. В процессе исследования был проанализирован 141 биографический текст.

Методологической и теоретической основой работы являются исследования в области

- теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Кибрик А.А., Н.И. Клушина, Ковтуненко И.В., Е.С. Кубрякова, П. Серио, Ю.С. Степанов, Т.А. ван Дейк, Е.В. Чернявская);
- функциональной семантики (Н.А. Арутюнова, Т.В. Маркелова, А. Вежбицка, Ю.С. Степанов);

- стилистики (М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, Н.В. Любимова, Н.В. Толева, Е.В. Широкова, Е.С. Щелкунова, Ян Жуй);
- лингвопрагматики (Н.Ф. Алефиренко, Н.А. Гріднева, Д.А. Казиева, Э.А. Китанина, Д.С. Скнарєв, Г.Г. Хазагерєв);
- PR-дискурса (А.Д. Кривоносєв, Г.Г. Почєпцов, Л.В. Сєлезнева, Д.Л. Уилкокс, Г.Г. Хазагерєв, А.Ю. Хахалева);
- работы о речевом жанре как коммуникативном формате (М.М. Бахтин, В.В. Дементьев, Л.Р. Дускаева, К. Ф. Сєдов, О.Б. Сирєтєнина, Т.В. Шмєлева).

В процессе исследования были использованы следующие **методы**: описательный метод; метод контекстуального анализа; методы грамматического, стилистического, коммуникативно-прагматического анализа, выявляющие систему языковых средств и приемов, репрезентирующих жанр PR-биографии.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые описываются важные характеристики нового речевого жанра – PR-биографии, выявляются признаки, позволяющие определить положение PR-биографии в ряду других модификаций общей биографической жанровой модели, выявляются, описываются и анализируются языковые средства, в которых эти свойства прямо или косвенно проявляются.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в работе выявляются особенности взаимодействия двух ключевых категорий современных исследований речевой деятельности – речевого жанра и дискурса, характеризуются пути и формы трансформации, развития и обогащения системы речевых жанров, формы взаимодействия между различными жанровыми моделями.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные в результате исследования выводы и положения могут использоваться в образовательном процессе при преподавании следующих дисциплин: теории речевого жанра, теории текста и дискурса, лингвистики текста, стилистики

русского языка, спичрайтинга и копирайтинга, теории массовых коммуникаций, теории и технологии журналистики, современной медиапублицистики. Результаты исследования могут быть учтены при создании учебных пособий, в частности, при уточнении существующих классификаций PR-биографий, а также в плане описания возможностей и альтернатив, имеющихся в распоряжении PR-специалиста при создании различного вида PR-биографий.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. PR-биография представляет собой разновидность биографического речевого жанра, её коммуникативная цель заключается в хронологическом изложении социально значимых событий в жизни человека (какой-либо организации), направленном на формирование его положительного имиджа. PR-биография системно соотносится с деловой, научной, художественной биографиями, а также с резюме и *curriculum vitae*, в том числе мыслится не только как жанр, но и как ментальный внетекстовый объект.

2. Композиционные особенности PR-биографии состоят в её полиморфности- комбинировании различных элементов построения текста (конспективное и развернутое повествование) и различных вариантов общей биографической модели (смежные разновидности этого жанра).

3. Стилистические характеристики PR-биографии сочетают в себе признаки традиционной биографии (изложение от 3-го лица) и автобиографии (изложение от 1-го лица) и в этом плане такой текст является квазиавтобиографией. Автор PR-биографии может проявляться в трех ипостасях: базисный субъект PR, комментатор, авторитетное лицо в глазах целевой аудитории (модель панегирика). В последнем случае правомерно говорить об особом подтипе PR-биографии.

4. Положительная оценка героя PR-биографии осуществляется посредством системы средств, основанной на метонимическом смещении: а) через его действия и достижения (что позволяет аргументировать его исключительность, профессионализм, успешность и другие значимые качества), б) за счет его изображения в соседстве со значимыми публичными персонами и культурными

объектами, в) посредством высказываний «лидеров мнений», содержащих прямые положительные оценки.

5. Для отдельных PR-биографий характерна фрагментарность построения, заключающаяся в нанизывании относительно самостоятельных смысловых блоков. Такое построение обусловлено как общими тенденциями современного медиадискурса, так и соотнесенностью PR-биографии с живым, активно действующим публичным лицом и необходимостью постоянного обновления биографических текстов.

Достоверность результатов и выводов исследования подтверждается исходными методологическими позициями; широкой исследовательской и теоретической базой, учитывающей данные, накопленные отечественными и зарубежными учёными; использованием терминологического аппарата и научных методов, соответствующих целям, задачам и предмету исследования; последовательной аргументацией; репрезентативным объемом исследуемого языкового материала.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены на международных научных и научно-практических конференциях: I Международной научно-практической конференции «Вопросы искусствоведения, философии, культурологии, истории и лингвистики» (Таганрог, 30 ноября 2015 г.), II Международной научной конференции «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» (Белгород, 5-7 октября 2016 г.), VII Международной научной конференции «Actual problems of the theory and practice of philological researches» (Прага, 25-26 мая 2017 г.), V Международной научно-практической конференции «Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации» (Ростов-на-Дону, 14-15 сентября 2017 г.).

Положения диссертационной работы отражены в 6-ти статьях, опубликованных в изданиях из перечня изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1) «Полиморфность биографии как жанра связей с общественностью» (Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Том 6. №4 (21) С. 42-46.); 2) «Квазиавтобиографичность PR-биографии» (Журнал «Litera». 2018. №1. С. 49-62.); 3) «К вопросу о соотношении категорий «речевой жанр» и «дискурс» (на примере жанра биографии)» (Журнал «Известия Южного федерального университета. Филологические науки». 2018 №2. С.112-120.); 4) «Жанровые особенности и медиапотенциал PR-биографии» (Журнал «Вестник филологических наук». 2024. Том 4. №2. С.89-93.); 5) «Формы PR-биографии в контексте жанровой системы» (в соавторстве) (Журнал «Филологические науки. Вопросы теории и практики». 2024. Том 17. №3. С. 999-1004.); 6) «Коммуникативные стратегии лидера мнений: «чужое слово» как средство выражения оценки в PR-биографии» (в соавторстве) (Журнал «Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика». 2024. Том. 13. № 2. С.67-73.)

Всего было опубликовано 14 работ общим объемом 5,95 п. л., по теме диссертации - 12.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование общим объемом 231 страница включает введение, 4 главы, заключение. Список литературы содержит 314 наименований на русском и английском языках. В списке источников исследуемого материала – 36 наименований.

Глава 1. РЕЧЕВОЙ ЖАНР «БИОГРАФИЯ» В ЕГО ОТНОШЕНИИ К РАЗЛИЧНЫМ ДИСКУРСАМ

1.1 Речевой жанр «биография»

По нашему мнению, наиболее важным для определения жанра биографии следует считать два признака: 1) соотнесенность текста (высказывания) с реальным конкретным лицом, рассматриваемым в целостности его жизненного пути, и 2) хронологический принцип изложения. Два указанных выше критерия представляют собой инвариант, который может быть обнаружен в любом биографическом тексте. Такие моменты, как выбор объекта изображения и повод для создания биографии, целиком зависят от конкретного дискурса, в рамках которого создается биографический текст. Подобный подход позволяет не только охватить все модификации биографии, но и вписать биографию в систему речевых жанров.

Как показывает анализ языкового материала и научных исследований, остальные признаки биографии, обладающие высокой степенью универсальности (например, преимущественно прозаическая форма биографических текстов [Андреюшкина, 2013]), являются периферийными. Хотя подобные признаки могут быть интерпретированы содержательно и в некоторой степени способствуют определению места биографии в жанровой системе, они все же не отражают сущностных, релевантных форм биографии.

Такое общее понимание рассматриваемого речевого жанра позволяет отнести к нему большое количество разнородных текстов, которые не всегда принято называть биографиями. Тем не менее, подобное решение представляется оправданным, поскольку термин «биография» применяется к широкому кругу текстов, которые принадлежат к различным сферам коммуникации и обладают чрезвычайно разнородными формально-смысловыми и прагматическими признаками. Кроме того, нельзя не учитывать чрезвычайно богатой истории «биографического дискурса» в европейской культуре, а также важности этого

жанра, вытекающей из пристального интереса европейской культуры к уникальности отдельной личности.

1.1.1 Понятие речевого жанра в современной лингвистике

Основы принятого современной отечественной наукой лингвистического понимания речевого жанра были заложены М. М. Бахтиным в его работе «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 1997].

Для концепции М. М. Бахтина представляется важным противопоставление высказывания и жанра как типа высказывания. Для начала рассмотрим понятие высказывания, которое в концепции М. М. Бахтина выступает в качестве основной единицы речевого общения (диалога).

М. М. Бахтин считал определяющими для высказывания и использовал для отграничения высказывания от других единиц (прежде всего, предложения) следующие признаки:

1) высказывание имеет четкие границы, определяемые сменой речевых субъектов [Бахтин, 1997, с. 172-174];

2) высказывание отличается от предложения, поскольку функционирует «перед лицом действительности (внесловесного контекста речи) и других чужих высказываний» [там же, с. 175], предполагает «ответ или ответное понимание другого говорящего» [там же, с. 176]; предложение «лишено способности определять непосредственно активно-ответную позицию говорящего» [там же, с. 185];

3) в силу этого высказывание обладает «специфической завершенностью», выражающейся в возможности реакции на него [там же, с. 178]; эта завершенность выражается в таких признаках, как предметно-смысловая исчерпанность, наличие речевого замысла или речевой воли говорящего и использование говорящим типичных композиционно-жанровых форм завершения [там же, с. 179].

В случае со сложными высказываниями вроде научной статьи или романа эти признаки не всегда выражаются также отчетливо. Например, в романах и драматических произведениях, которые сами являются высказываниями, обнаруживаются высказывания, которые принадлежат разным лицам (персонажам, автору); в сложных высказываниях часто используются вопросно-ответные формы, в которых и вопрос, и ответ исходят от одного лица, то есть автора. Согласно М. М. Бахтину, в таких случаях мы имеем дело с процессом вбирания первичных (простых) речевых жанров вторичными (сложными). Вопросно-ответные ходы, по мнению М. М. Бахтина, представляют собой «условное разыгрывание речевого общения и первичных речевых жанров» [там же, с. 174], а «сложные по своему построению и специализированные произведения различных научных и художественных жанров... так же четко отграничены сменой речевых субъектов... благодаря тому, что речевой субъект... проявляет здесь свою индивидуальность в стиле, в мировоззрении, во всех моментах замысла своего произведения» [там же, с. 177].

М. М. Бахтин не дал окончательного, исчерпывающего определения речевого жанра, в его работах жанр определяется как бы вскользь, по мере изложения. Тем не менее, в его ключевой работе «Проблема речевых жанров» мы находим ряд утверждений, которые могли бы претендовать на роль определений. Речевые жанры М. М. Бахтин определяет как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [там же, с. 164], «относительно устойчивые и нормативные формы высказывания» [там же, с. 184]. Жанр, согласно Бахтину, воплощается как группа сходных высказываний, родственных «по теме, по композиции, по стилю» и соответствует «типическим ситуациям речевого общения» (т. 5, 191). В другом месте М. М. Бахтин пишет, что жанр, представляя собой «композиционно определенное (в сущности – застывшее) целое», одновременно «определяется предметом, целью и ситуацией высказывания» [Бахтин, 2002, с. 371].

Из этого следует, что высказывание, которое всегда конкретно, привязано к контексту и ситуации, с точки зрения концепции М. М. Бахтина, должно быть

противопоставлено речевому жанру как единице абстрактной, идеальной и надличностной. Если высказывание формируется говорящим, то речевой жанр, наоборот, как бы довлеет над ним: «Речевые жанры, по сравнению с формами языка, гораздо более изменчивы, гибки, пластичны, но для говорящего индивидуума они имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» [Бахтин, 1997, с. 183].

Это положение было учтено в последующих исследованиях. В научной литературе мы можем найти утверждения о том, что речевой жанр как идеальная модель представляет собой «горизонт ожиданий для слушающих и модель построения для говорящих» [Гайда, 1986, с. 24], речевому жанру присуща узнаваемость [Бацевич, 2005]. По большому счету, указанные признаки представляют собой иные формулировки, указывающие на надличностную, социально-языковую природу речевых жанров, которые эффективно выполняют свои функции именно потому, что известны носителям языка.

Особенность подхода, предложенного М. М. Бахтиным, заключается в том, что в результате мы имеем дело с чрезвычайно обширным и неоднородным арсеналом речевых жанров. На это обращает внимание сам М. М. Бахтин, указывая, что к речевым жанрам следует отнести такие разнородные речевые образования, как реплики бытового диалога, бытовой рассказ, письмо (во всех его разнообразных формах), короткую стандартную военную команду, развернутый и детализованный приказ, довольно пестрый репертуар деловых документов, публицистические тексты, многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры от поговорки до многотомного романа [там же, с. 159-160].

Это ставит проблему описания конкретных речевых жанров, решение которой в работах М. М. Бахтина лишь намечено. Сам Бахтин осознавал наличие этой проблемы, на что указывает следующее его суждение: «номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» [Бахтин, 1996, с. 182]. Бахтин высказал ряд идей, которые, судя по современным работам, оказались продуктивными. В частности, это касается уже упомянутого противопоставления первичных (простых) и вторичных

(сложных) речевых жанров, разграничения монологических и диалогических жанров [Бахтин, 1997 (б), с. 235], стандартизированных и более свободных жанров [Бахтин, 1997, с. 181-182]. Последнее разграничение представляется интуитивно ясным, и довольно последовательно проявляется в разных речевых жанрах: «Речевые жанры, входящие в военный и деловой дискурс, характеризуются жесткой степенью нормативности. Менее стандартизованы, но все же достаточно жестко нормативны жанры научного общения» [Седов, 2011, с. 39]

В настоящее время можно назвать ряд работ, в которых намечаются возможные подходы к проблеме классификации речевых жанров [Арутюнова, 1992; Вежбицка, 1997; Дементьев, 2010, с. 155-245; Ейгер, Юхт, 1974; Месеняшина, 2010; Хомутова, 2006]. Выработан ряд общих разграничений, которые могут претендовать на определяющую роль при построении типологии речевых жанров: противопоставление риторических и нериторических жанров [Анисимова, 2000; Седов, 2007; Сиротина, 1999], классификация жанров в зависимости от их ориентации на адресата (индивидуального, коллективного, неопределенного) [Богин, 1997], противопоставление фатических и информативных жанров [Дементьев, 1995], типология жанров на основе соотношения социальных ролей коммуникантов [Крысин, 2015] и т. д.

Однако наибольшую популярность получила модель («анкета») речевого жанра, предложенная Т. В. Шмелевой. Эта модель включает такие параметры, как коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого и образ будущего (связь данного жанра с тем, что было сказано ранее, и с тем, что должно быть сказано после), диктумное (событийное) содержание, языковое воплощение речевого жанра [Шмелева, 1997]. Популярность этой модели вызвана, по всей видимости, тем, что она компактна, носит более системный, упорядоченный характер, чем отдельные наблюдения М. М. Бахтина, и одновременно опирается на его разрозненные наблюдения.

Разумеется, эта модель не может стать основанием для исчерпывающего описания речевого жанра. Как отмечает С. В. Волошина, автобиографический

рассказ в диалектной коммуникации – это речевой жанр, который, как правило, является спровоцированным [Волошина, 2012, с. 60], то есть высказывание-биография создается не по инициативе самого рассказчика, а по инициативе другого лица, которое с большой долей вероятности становится адресатом автобиографического рассказа. Можно предположить, что в диалектной коммуникации речевого жанра биографии не существует вообще – он возникает как следствие просьбы рассказать о своей жизни. Подобные моменты существенны при описании речевых жанров, поскольку они позволяют выявить их значимые или уникальные свойства. Тем не менее, модель, предложенная Т. В. Шмелевой, вполне может служить точкой отсчета при описании любого речевого жанра.

Речевые жанры очень часто связывают или сопоставляют с теорией речевых актов [Вежбицкая, 1997; Иркабаева, 2010; Кожина, 1999; Комлева, 2011; Сидорова 2003, с. 159; Федосюк, 1997]; существует также мнение, что теория речевых жанров – это русский аналог теории речевых актов [Вежбицкая, 1997; Федосюк, 1997]. При этом исследователи практически единодушно приходят к выводу, что отождествление речевого жанра и речевого акта представляется неверным. Поэтому для разграничения речевого акта и речевого жанра часто используется противопоставление «простота/сложность»: если речевой акт – это отдельная реплика, которая имеет определенную иллокутивную силу, то есть является речевым действием, то речевой жанр – это сложная единица, которая включает в свой состав несколько речевых актов [Федосюк, 1997]. Действительно, отношения между речевыми актами и речевыми жанрами часто допускают иерархическое осмысление: «один и тот же речевой акт может быть структурным элементом нескольких речевых жанров, и, наоборот, в одном речевом жанре встречаются разные речевые акты» [Комлева, 2011, с. 299]. Однако такой подход представляется чрезмерно упрощающим. Хотя речевой акт уместно отождествить с отдельной репликой, представление о том, что речевой жанр всегда представляет собой более сложное образование, вряд ли способно выдержать критику. Нет никаких оснований не считать речевыми жанрами (в бахтинском

смысле этого слова) такие бытовые высказывания, как вопрос, просьба или приветствие, границы которых вполне могут совпадать с отдельным предложением. В качестве компромиссного решения предлагалось осмысление речевого акта как субжанра [Горелов, Седов, 2001, с. 162].

В силу сказанного можно согласиться с мнением М. Н. Кожиной, что речевые акты формально соответствуют первичным (простым) речевым жанрам [Кожина, 1999]. С другой стороны, нельзя отрицать и тот факт, что у сложных текстов, формально состоящих из множества разнородных речевых актов, имеется интенция, то есть иллокутивная сила. В случае сложных текстов, включающих несколько простых речевых жанров (или речевых актов), эта иллокутивная сила оказывается ведущей, иерархически самой важной. В этом отношении довольно показательное исследование Л. С. Дускаевой, в котором она сводит все существующие жанры газетной публицистики к трем основным интенциям: информировать, дать оценку, выработать решение (последнюю интенцию автор осмысляет как волеизъявление или побуждение) [Дускаева, 2014]. Другими словами, речевым жанрам также присуща интенциональность, однако, по всей видимости, эта интенциональность во вторичных речевых жанрах реализуется более сложным образом, посредством ряда разных речевых актов.

1.1.2 Жанр биографии в европейской культуре и словесности

В европейской культуре жанр биографии восходит к античности, от которой осталось множество жизнеописаний. В античности биография испытала сильное влияние риторики, что нашло отражение в унифицированности схемы описания жизни человека, рассматриваемой с точки зрения особой топики, то есть набора «общих мест» [Аверинцев, 1996, с. 164].

В Средние века биография также играла важную роль в ряду жанров, особенно в виде житийной литературы. Впрочем, в науке существует мнение, что агиография реализует не биографическую модель, а модель панегирика, то есть текст хвалебной направленности [Еремин, 1987, с. 17]. С другой стороны,

некоторые исследователи осмысливают жития как биографические тексты [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 92] и даже включают панегирик в «биографический дискурс» [Тюпа, 2011, с. 39], основанием для чего служит, видимо, допустимость хронологической организации материала в хвалебной речи, а также ее ориентация на изображение личности.

Средневековая агиография вряд ли представляет собой антипод или параллельное явление по отношению к канонам, выработанным в античной традиции. Ю. М. Лотман отмечает «риторичность» средневекового жизнеописания святого, которое, по его мнению, состоит из «топиков», то есть общих мест [Лотман, 1997, с. 804], что прямо пересекается с суждениями С. С. Аверинцева о схематизме античной биографии. Кроме того, житийная литература впитала античную традицию, хотя одновременно активно полемизировала с ней: «...едва только за житие принимался настоящий церковный литератор, едва только на амвон выходил проповедник с образованием ратора, сейчас же начиналось “состязание”: у агиографа – с античной биографической традицией, у проповедника – с античными моделями эпидейктического красноречия и нравоучительной диатрибы» [Аверинцев, 1981, с. 11].

В полной мере расцвет жанр биографии переживает в Новое время, когда биографизм становится основной формой осмысления человеческой индивидуальности – процесс, начало которому положил европейский роман [Бахтин, 2012; Дубин, 2001]. Биографическое повествование и роман связаны самым тесным образом. М. М. Бахтин относит биографию (наряду с исповедью, дневником, описанием путешествий и т.д.) к жанрам, которые «могут не только входить в роман в качестве существенной конструктивной части его, но и определять форму романа как целого» [Бахтин, т. 3, с. 75]. По всей видимости, это влияние следует считать двусторонним. Так, Б. В. Дубин добавляет, что и сам роман «задает структурную матрицу и риторические стандарты биографического портретирования и самопортретирования, автобиографического повествования, изложения истории» [Дубин, 2001, с. 103]. Вряд ли может вызывать сомнение то, что на определенном историческом этапе в Европе именно художественная

литература и роман как важнейшие литературные жанры задавали стандарты самоосмысления для огромного количества людей, то есть выполняли функцию, которую в наши дни берут на себя СМИ, а также кино.

Этот перелом в понимании биографии является чрезвычайно значительным. В настоящее время автобиографические тексты признаются самостоятельной ценностью. Значимость подобного рода материалов емко выражает А. Алексеев: «Порождение автобиографических повествований (нарративов), создание и накопление “историй жизни” и “семейных хроник”... есть задача не только гуманитарно-научная, но и общекультурная. В конечном счете, это задача продления памяти человечества — ее сохранения не “на скрижалях истории”, а в мельчайших “капиллярах” и “клеточках”, в самой толще социальной жизни» [Алексеев, 2007, с. 48].

В силу культурно-исторического перелома, приведшего к появлению идеи уникальности человеческой личности и ее жизненного пути, исторические истоки биографии осмысляются учеными по-разному. В соответствии с первой точкой зрения, жанр биографии восходит к античности, когда и возник сам термин «биография». Этот подход представлен в работах М. М. Бахтина, который, в частности, писал, что «биографический принцип построения образа героя, организующий различные виды биографий, автобиографий, исповедей, обладает глубокой древностью» [Бахтин, т. 3, с. 191]. При этом М. М. Бахтин исходил из понимания биографии как стандартизирующего жанра: «Биографическая форма, в отличие от романа странствований и романа испытания, строится не на отступлениях от нормального и типического хода жизни, а именно на основных и типических моментах всякого жизненного пути: рождение, детство, годы учения, брак, устройство жизненной судьбы, труды и дела, смерть, т. е. как раз на тех моментах, которые лежат до начала или после конца романа испытания» [Бахтин, т. 3, с. 192].

Однако существует и другая точка зрения, в соответствии с которой подлинное рождение биографии приходится на XVII-XVIII в., тогда как предыдущие биографические тексты предлагается рассматривать как

предысторию данного жанра. Эта точка зрения мотивируется тем, что биография в полном смысле слова – это жанр секулярной и постсословной эпохи [Дубин, 2001, с. 100].

Это касается не только европейской, но и русской литературы. В русской, в том числе переводной, литературе первой трети XVIII века светская биография практически отсутствует, однако уже со второй трети столетия начинают появляться переводные жизнеописания таких исторических личностей, как Кир, Петр Великий, Френсис Бэкон, королева Елизавета. Эти произведения часто имеют авантюрный характер и содержат элементы психологизма [Буланин, 1995, с. 126]. В середине 1750-х годов на русский язык переводят произведения Плутарха [там же, с. 105], а в конце 80 – начале 90-х гг. XVIII века – «Характеры» Лабрюйера [там же, с. 223].

Содержательное осмысление данного изменения в специфике биографического жанра и значимости биографии для культуры в целом предлагает Ю. М. Лотман. Рассуждая о разнице между «человеком с биографией» и «человеком без биографии», он пишет: «...жизнеописание человека, с современной точки зрения, еще не является биографией, а представляет собой лишь свод общих правил поведения, идеально воплощенных в поступках определенного лица. Нам естественно противопоставить такое жизнеописание биографиям в нашем привычном значении» [Лотман, 1997, с. 804]. В целом Ю. М. Лотман отождествляет биографию с отклонением от нормы, нарушением нормы, в результате которой рождается личность, индивидуальность, и именно эта индивидуальность фиксируется в биографии (в отличие от жизнеописания, которое отражает нормативную точку зрения на жизнь человека).

Таким образом, на основании анализа литературы мы можем противопоставить две традиции в понимании биографии. «Древняя традиция» – будь то античные биографии или средневековые жития – в огромной степени является стандартизированной, что можно трактовать как риторичность или опору на канон. «Новая традиция», наоборот, исходит из уникальности личности, неповторимости ее опыта и жизненного пути.

Впрочем, разграничение этих двух традиций как «древней» и «новой» относительно, поскольку отклонение всегда мыслится на фоне нормы. Кроме того, если не ограничивать трактовку биографии произведениями художественной или религиозной словесности, то необходимо признать, что стандартизация жизнеописания – это довольно типичная черта не только древних, но и многих современных биографических форм (ср. биографические формы, функционирующие в рамках официально-делового общения, а также биографические статьи в энциклопедиях и словарях). По большому счету, оба начала, и схематизирующее, и индивидуализирующее, представлены в биографических текстах в разных пропорциях. Регламентированность / нерегламентированность, объективность / субъективность – это два полюса, между которыми колеблется любое биографическое описание. На значимость этих двух полюсов обращает внимание С. В. Волошина: «С одной стороны, существует регламентированный порядок, объективная композиционная структура и смысловое наполнение жанра автобиографии, а с другой – индивидуальная неповторимая жизнь человека, рассказ о которой пропущен сквозь призму субъективного восприятия» [Волошина, 2012, с. 56].

1.1.3 Стандартность построения как признак биографии и его источники

Наличие «перелома» в восприятии личности и смещение внимания с типичного на индивидуальное и уникальное ведут к сосуществованию различных и во многих отношениях несовместимых представлений о биографии как речевом жанре. В рамках данной работы принимается максимально широкое понимание биографии, которое позволяет синтезировать биографические тексты независимо от преобладания в них стандартизирующего либо индивидуализирующего начала. Однако особого обсуждения требует вопрос о самой природе стандартизирующего начала биографического текста.

Согласно мнению многих исследователей, для биографии в той или иной степени характерна смысловая стандартизация, то есть построение в соответствии с некоторой устойчивой, общей схемой. Например, С. В. Волошина так описывает это свойство биографического повествования применительно к диалектной коммуникации: «Основными элементами речевого жанра... считаются наиболее частотные, маркирующие данный РЖ единицы и информационные блоки, которые... повторяются в автобиографических рассказах у разных авторов: личное местоимение «Я», место и год рождения, “мои” родители, учеба, армия / рождение детей, моя семья (муж/жена), работа» [Волошина, 2012, с. 55].

С. С. Аверинцев чрезвычайно емко и ярко описывает специфику античной биографии, а потому позволим себе привести обширную выдержку из его работы: «Как разъясняет античная теория, составителю биографии надо было прежде всего вычленить рубрику «происхождение»... и затем разделить ее на подрубрики «народ»..., «отечество»..., «предки»... и «родители»..., чтобы трактовать каждую подрубрику обособленно; далее, в рубрике «деяния» должны быть выделены подрубрики «душа», «тело» и «судьба»...; в первой из них в свою очередь различаются отдельные добродетели или пороки, во второй — отдельные телесные качества, в третьей — наличие или отсутствие благоприятных обстоятельств, каковы власть..., богатство и обилие друзей, и т. п.» [Аверинцев, 1996, с. 164]. По мнению С. С. Аверинцева, такое стандартизированное представление о личности подчинено приему синкрисиса, то есть сопоставления, описания явления в сравнении с другим явлением: «Каждый из этих пунктов несет в себе самом потенцию синкрисиса: “происхождение” для того и разбито на четыре составляющих, чтобы сразу же усмотреть, что такой-то герой превосходит такого-то по признаку “народа” или “отечества”, но уступает ему по признаку “предков” или “родителей”; и то же самое можно сказать и о дальнейших рубриках. Если Светоний описывает нрав и поведение своих цезарей по унифицированной схеме, вся предлагаемая им панорама просматривается как синкрисис: любая рубрика любой биографии логикой композиции сопоставлена с соответствующей рубрикой других биографий» [там же].

По этой причине возникает вопрос о том, каким образом следует осмысливать эту стандартизацию, а точнее, является ли она явлением текстовым или же отражает реальную структуру действительности.

По нашему мнению, стандартные рубрики биографии, такие как рождение и смерть, происхождение, стандартные этапы жизни (обучение, брак, дети и т. п.), не создаются ни автором, ни традицией. В конечном счете, стандартизация, проявляющаяся в формировании схем и канонов изложения, – это не столько влияние традиции, сколько реальное отражение того общего, что присуще жизням всех людей. Концепция личности, выражаемая в биографических повествованиях, не является искусственной: она представляет собой результат познания действительности, как природной, так и социальной, то есть создаваемой самими людьми. Другими словами, основания такой стандартизации не обязательно культурные, они отражают объективное положение вещей. Не случайно С. В. Волошина видит в автобиографических рассказах развертывание концепта «жизнь» [Волошина, 2012, с. 57-58]. Значимость биографического жанра обусловлена тем, что этот жанр отражает представления не только о человеке как конкретной, уникальной личности, но и человеке вообще. При этом вряд ли эти два момента можно противопоставить друг другу – в биографии эти два аспекта присутствуют одновременно. Точка зрения, предполагаемая биографическим жанром, скорее типизирует, чем индивидуализирует: для биографии характерно внимание к определенным «параметрам» жизни человека, и даже если эти «параметры» позволяют индивидуализировать человека, они неизбежно принадлежат к некоторым типичным категориям (происхождение, образование, карьера, семья и т.д.).

В этом отношении суждение С. С. Аверинцева о стандартности схем построения античной биографии, которое было приведено ранее, верно лишь отчасти: рубрики, которые использовали античные авторы, отражают не только особенности античного рационализма, но и реальные закономерности человеческой жизни, обусловленные как социально, так и природно. Разумеется, в биографии может делаться акцент не на стандартных этапах жизни человека,

а на том, что делает его опыт уникальным; изложение информации, относящейся к стандартным рубрикам, может сводиться к нулю. Такое решение автора может диктоваться как его личными ценностными установками, так и особенностями культуры, к которой он принадлежит. Однако это не отрицает того факта, что стандартная биографическая канва представляет собой объективное явление, не детерминированное культурными установками.

1.1.4 Многообразие модификаций жанровой формы биографии

Биография имеет множество разновидностей, причем при выделении этих разновидностей необходимо опираться на разнородные признаки.

1. Одним из таких признаков является принадлежность к той или иной коммуникативной сфере или функционирование в составе того или иного дискурса. Например, в составе книжной словесности исследователи выделяют научную, художественную, академическую, популярную биографию [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 92; Наркевич, 1962, Электронный ресурс]. При этом отмечается, что жанровые тенденции иногда вступают во взаимодействие, порождая такие формы, как научно-популярные биографии или художественные биографии с элементами научности и документальности [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 92].

Помимо этого, нельзя не учитывать функционирование биографии и биографических форм в других дискурсах и коммуникативных сферах, в частности, в официально-деловом общении. Например, как разновидности биографии рассматриваются такие жанры, как некролог и *curriculum vitae* [Ашукин, 1925, Электронный ресурс]. С некоторыми оговорками в этот ряд можно также включить резюме.

Такие речевые жанры, как резюме и *curriculum vitae*, обслуживают дискурс трудоустройства и принадлежат к частному деловому общению [Евграфова, 2009; Савенкова, 2013; Стеблецова, 2009]. В современных деловых коммуникациях *curriculum vitae* и резюме считаются в целом тождественными жанрами,

а различие между ними сводится главным образом к объему и детализации. Если *curriculum vitae* является более объемным и детализированным жанром, то резюме предполагает более сжатое и лаконичное изложение информации и в идеале по объему не должно превышать одной страницы [Барбашева, Волова, 2013, с. 60-70; Евграфова, 2009, с. 1545-1546]. А. О. Стеблецова указывает, что *curriculum vitae* является жанром английским, тогда как резюме – это жанр, который используется в рамках других лингвокультур, в частности, американской [Стеблецова, 2009, с. 44]; согласно данным, которые приводятся Т. В. Косолаповой, выражение *curriculum vitae* применяется в Великобритании, Ирландии и Новой Зеландии, термины *resume* и *résumé* – в Канаде и США, тогда как в Индии и Австралии они используются как равнозначные [Косолапова, 2012, 109]. Некоторые специалисты вообще не противопоставляют эти жанры [Савенкова, 2013; Шестакова, 2012].

Существует ряд очевидно биографических текстов, которые, не принадлежа к научному функциональному стилю, обслуживают научный дискурс. Нельзя не согласиться с выводом Г. Г. Хазагерова и Е. Ю. Щемелевой о том, что «очерк о жизни ученого, помещаемый во всевозможные юбилейные сборники и на сайты, представляет собой особый жанр со своей собственной функцией – запечатлеть образ ученого как личность, как индивидуальность» [Хазагерова, Щемелева, 2015, с. 205]. Хотя в таких текстах возможно усмотреть некоторые имиджевые (то есть PR-) функции, в целом в них преобладает дидактическая направленность, поскольку одной из аудиторий, которым они адресованы, являются молодые ученые или молодые люди, которые потенциально могут избрать науку как форму жизненной реализации. И в биографиях ученых на первый план выступает не столько положительный образ («имидж») конкретного ученого, сколько положительный образ ученого вообще.

Таким образом, биографическая модель может воплощаться в самых разных речевых жанрах, обслуживающих разные сферы жизни общества.

Наконец, некоторые жанровые формы или их разновидности, имеющие явные признаки биографии, можно рассматривать как гибридные образования.

В настоящее время понятие «гибридность» применяется преимущественно к дискурсу и трактуется как способность сочетать элементы разных стилей и языков, а также разные жанры и их признаки [Анисимова, 2013, с. 9], однако иногда исследователи прямо говорят о гибридности жанров [Букеева, 2014], а также о гибридности жанров как проявлении взаимодействия между дискурсами [Календр, 2015; Любимова, 2012]. В целом вряд ли можно поставить под сомнение, что гибридные жанровые образования воплощают жанровые модели, а потому могут служить основанием для их изучения, хотя в таких случаях жанровая модель функционирует в нетипичных для нее условиях.

Так, нельзя считать биографическим жанром в полном смысле этого слова резюме. По большому счету, интенция, стоящая за резюме, отличается от интенции изложить биографию, поскольку резюме представляет собой «краткое описание всего, что кандидат (нанимаемый) может предложить в своём лице потенциальному нанимателю» [Евграфова, 2009, с. 1544]. В силу этого представляется закономерным, что резюме подразделяются на две основных разновидности: хронологические, в которых в качестве основы берется последовательность событий трудовой карьеры, и функциональные, в которых личность представляется через ее способности, успехи и навыки [Евграфова, 2009, с. 1544-1545; Косолапова, 2012, с. 109; Полунова, 2009, с. 19-20; Шестакова, 2012, с. 92]. Иногда указанные разновидности дополняются другими, но именно эти виды резюме являются основными. Биографические (хронологические) резюме правомерно осмыслять как взаимодействие между двумя жанровыми моделями, то есть гибридные образования.

Другой пример – речевой жанр, который можно охарактеризовать как биографическое интервью. В рамках данного жанра биографическая модель реализуется в полном виде, это касается и хронологического принципа изложения, и соотнесенности с конкретным лицом в перспективе его жизненного пути. Особенность данного типа текстов заключается в том, что формально они имеют вопросно-ответную форму, то есть строятся как последовательность реплик интервьюера и интервьюируемого.

2. Другое важное различие, которое продуцирует дифференциацию частных форм биографического жанра, связано с фигурой рассказчика. Разумеется, имеется в виду противопоставление биографии и автобиографии. При этом необходимо обратить внимание, что некоторые жанры, отнесенные чуть ранее к биографическим (например, резюме и *curriculum vitae*), в строгом смысле являются автобиографическими, поскольку в них автор и лицо, жизнь которого излагается, совпадают.

Собственно лингвистические исследования автобиографии, а также ее отличий от биографии довольно немногочисленны. Например, биография и автобиография анализировались с точки зрения коммуникативной грамматики [Соловьева, 2009; 2014]. Среди относительно недавних работ также можно назвать работы Л. М. Бондаревой [Бондарева, 1994; 2006], С. В. Волошиной [Волошина, 2010; 2012; 2013], в том числе в соавторстве с А. В. Литвиновым [Волошина, Литвинов, 2016], Е. А. Ковановой [Кованова, 2015] и др.

Биографию и автобиографию на первый взгляд естественно рассматривать как два чрезвычайно близких и практически тождественных жанра. В значительной части случаев определения автобиографии ограничиваются тем, что данный тип текстов представляет собой описание жизни человека, создаваемое им самим, ср.: автобиография – «описание своей жизни, собственная биография», «жанр документально-художественных произведений, преимущественно в прозе» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 16], см. также [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 12].

Однако более внимательный анализ показывает, что между этими жанрами обнаруживается немало существенных и глубоких различий. В частности, утверждается, что биография и автобиография принадлежат к разным сферам деятельности человека: автобиография в большей степени тяготеет к художественной литературе [Соловьева, 2009]. Не случайно автобиографию естественно поставить в один ряд с таким жанром, как исповедь. С литературоведческой (нарратологической) точки зрения утверждается, что в автобиографии совпадают три инстанции: автор, нарратор (рассказчик)

и персонаж [Черкашина, 2014, с. 197]. Исследователи также обращают внимание на то, что биография – это более сложный жанр по сравнению с автобиографией, поскольку она предполагает трех действующих субъектов (герой, биограф и читатель), тогда как автобиография – только двух (герой-биограф и читатель) [Дивисенко, 2011, с. 48]. Чрезвычайно емкую формулировку различия дает А. Ю. Наркевич: «Основа А. — работа памяти, основа биографии — реконструкция, использование печатных, архивных и устных источников. Жанр А. близок мемуарам, часто неотделим от них; в наиболее определенно выраженных формах А. сосредоточена на психологических переживаниях, мыслях и чувствах автора» [Наркевич, 1962, Электронный ресурс]. А. Н. Поляков приводит ряд выводов, вытекающих из этого различия и значимых с точки зрения исторического исследования, и приходит к заключению, что биография и автобиография в контексте истории как науки должны рассматриваться как самостоятельные, независимые жанры [Поляков, 2013, с. 41].

1.1.5 Номинация «биография» как свидетельство общезначимости биографической модели в европейской культуре

Одним из важных методов изучения речевых жанров является анализ их номинаций [Балашова, 2009; Гольдин, 1997; Покровская, Дудкина, Кудинова, с. 29-31]. Номинации речевых жанров довольно полно отражают стихийно сформировавшиеся представления об этих жанрах в сознании носителей языка, хотя терминологическую точность они обретают только в рамках специальных научных и практических дискурсов (филологического, лингвистического, издательского, официально-делового и т. д.). В силу этого необходимо обратиться к анализу использования термина «биография» в современной речи.

Согласно толковым словарям русского языка, слово биография имеет два основных значения:

1) «описание чьей-н. жизни» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 48]; «описание наиболее значительных фактов чьей-л. жизни и деятельности в хронологическом

порядке; жизнеописание» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 78]; «сочинение, в к-ром излагается история жизни и деятельности какого-н. лица» [Ушаков, 2014, с. 38];

2) «чья-н. жизнь» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 48]; «жизнь, жизненный путь кого-л.» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 78]; «чья-н. жизнь» [Ушаков, 2014, с. 38]. Последнее значение иллюстрируется такими выражениями, как *рассказать случай из собственной биографии, трудная биография у кого-л., испортить биографию кому-л.*

Стоит обратить внимание, что в исторически предшествующем словаре Д. Н. Ушакова второе значение фиксируется как переносное, хотя в более современных словарях такой пометы нет (что, по всей видимости, свидетельствует о распространенности и закреплении данного значения в русской речи). При этом в «Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова в качестве новых, производных фиксируются следующие значения: «об отдельном периоде или направлении деятельности кого-л.» (*творческая, трудовая биография*), «об истории создания, существования чего-л.» (*у каждого музея своя биография, биографии вещей причудливы*) [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 78].

Приведенные словарные толкования и материалы являются чрезвычайно общими и не учитывают многообразия форм (жанровых разновидностей) биографии. В большей степени эти моменты учитываются в специализированных источниках, где мы находим определения, которые тяготеют к какой-либо сфере или области коммуникации: «жанр жизнеописания; предполагает художественное или научное осмысление истории жизни личности, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 91]. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона биография трактуется как особый жанр словесности, обладающий научными и художественными чертами: биография – это «изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки. Как произведение

научное, Б. не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 1891, с. 33].

Однако такой подход следует признать ограничивающим и оправданным только в контексте литературоведения. В частности, авторы «Литературной энциклопедии терминов и понятий» пишут: «Предпосылкой создания биографии служит признание значимости данной личности для истории, культуры, политической жизни или быта в национальном или мировом масштабе» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 91]. Представляется очевидным, что этот признак применим к биографиям как формам научной или художественной словесности, однако полностью исключает биографические формы, обслуживающие деловое общение, а также автобиографические формы, в том числе устные (о последних см. [Волошина, 2012]). Дело в том, что поводом для создания автобиографического изложения может стать необходимость представления человека, например, в ситуации трудоустройства. Текст, который обслуживает эту потребность, совершенно удовлетворяет всем основным, определяющим свойствам биографии.

Впрочем, нельзя не отметить, что такой критерий, как номинация речевого жанра, в случае с биографией вообще не является абсолютно надежным. Можно выделить три категории случаев, в которых имеют место отклонения от строгого понимания биографии как жизнеописания. Во-первых, это нестандартное, отклоняющееся использование термина «биография», особенно с целью характеристики жанровой природы текстов, описывающих не людей, а другие (культурные, социальные, природные) объекты. Как показывает актуальный языковой материал, эти отклонения могут быть довольно заметными. Во-вторых, существуют речевые жанры, которые не принято называть биографиями, хотя они, несомненно, реализуют биографическую модель. Наконец, в-третьих, как следует из приведенных выше словарных дефиниций, биография осмысливается как

«ментальный объект», существующий вне текста, а потому допускающий описание в разных текстах. Рассмотрим эти случаи последовательно.

1. Биография в качестве основного объекта изображения типично имеет конкретного человека, хотя иногда этот жанр соотносится с другими явлениями. В таком употреблении слово «биография» нередко соотносится с единичными или индивидуализированными объектами и явлениями, причем это может быть Вселенная [Громов, Малиновский, 2011], конкретное научное учреждение или его подразделение [Коваль, 2011; Кузнецова, Куленко, 2011], дорога [Белогурова, 2011], улицы и площади города [Хачиков, 2010], литературный и мультперсонаж [Веселова, 2010] и т. п. В этом же ряду можно упомянуть и художественное произведение – роман В. Вульф «Флаш: Биографический очерк», который представляет собой жизнеописание кокер-спаниеля поэтессы Элизабет Браунинг.

Довольно распространенным является представление о биографии города, причем оно встречается как в художественной литературе (ср. роман П. Акройда «Лондон: биография» [Шубина, 2009]), так и в научных исследованиях. И. А. Полякова в содержательной статье, посвященной биографии города как конструкту культурологических исследований, отмечает, что данный подход предполагает признание за городом не только особого, отдельного бытия в качестве самостоятельной сущности, но и индивидуальности [Полякова, 2011, с. 25]. В этом отношении показательно суждение И. Г. Дройзена о том, что лишь некоторые города обладают ярким своеобразием, а потому биографический подход может быть применен в полной мере только к ним [там же, с. 26], что в целом применимо и к отдельным личностям. В то же время необходимо подчеркнуть метафорическую, образную природу биографии города как культурологического конструкта.

Представляется очевидным, что такие конструкты, как биография города, предполагают персонификацию изображаемого явления. При данном подходе логичными и необходимыми оказываются выделение таких элементов и аспектов, как анатомия, физиология, психология города, «душа» города, облик города, обстоятельства его возникновения и существования и т. д., а также осмысление

истории города через призму жизни человека, через схему «рождение – становление – зрелость – смерть». Но именно такой подход позволяет увидеть глубинное сходство между стадиями бытия разноплановых явлений действительности от человека до городов, народов, государств.

С другой стороны, модификация смысла слова «биография» может быть более глубокой, и в ее результате данное слово может применяться не к единичным, индивидуальным явлениям, а к категориям явлений. Например, в журнале «Мир транспорта» на протяжении многих лет (с 2003 по 2012 гг.) публиковался цикл статей, которые были озаглавлены с использованием слова «биография», но фактически повествовали об истории развития вида транспорта или другого явления, связанного с транспортом, ср.: «Биография автобуса» [Туровская, 2006 а, б], «Биография велосипеда» [Козлова, 2009], «Биография вокзала» [Овчинникова, 2012], «Биография фуникулера» [Тихонова, 2010] и др. В подобных случаях мы также имеем дело с общей схемой «рождение – становление – смерть», которая оказывается общей не только для отдельных индивидуальных явлений действительности, но и для их родов, категорий.

Аномальность заголовков указанных статей обусловлена двумя причинами. Во-первых, она связана с олицетворением, рассмотрением неодушевленного объекта как живого, причем подобного человеку, а не живому существу вообще (животное с общепринятой точки зрения вряд ли может иметь биографию). Во-вторых, причина аномальности кроется в том, что объектом биографии является не конкретный объект (например, московское или лондонское метро), а тип объекта, категория в целом. Фактически такой точке зрения должна соответствовать биография не конкретного лица, а человека вообще (как биологического вида).

Вряд ли можно утверждать, что такое (явно переносное) использование термина «биография» является абсолютно недопустимым. С одной стороны, оно позволяет акцентировать цикл «возникновение – развитие – прекращение существования», который является общим не только для конкретных сущностей, как одушевленных, так и неодушевленных, но и для родов, категорий сущностей

(хотя в указанных статьях речь о «смерти» описываемых категорий явлений не идет). С другой стороны, такое использование позволяет создать риторический эффект и как бы «оживить» объекты изображения путем их персонификации. Однако последний эффект в полной мере не воплощается и действует только на уровне привлекательности заголовка, потому что вряд ли существует возможность персонифицировать целую категорию (род) явлений.

В контексте данной работы приведенные примеры важны, поскольку они позволяют показать, что соотнесенность с конкретным человеком как живым существом, обладающим индивидуальностью, является конститутивным, сущностным признаком биографии. Любые отклонения от этого принципа оказываются значимыми и именно поэтому имеют риторический эффект, причем не всегда полноценный и удачный.

2. Другой источник недостоверности критерия номинации обусловлен очевидным фактом, на которой указывает Т. В. Шмелева: «одним именем могут обозначаться несколько жанров или разновидностей, или один жанр может иметь ряд наименований» [Шмелева, 1997, с. 90]. Сфера функционирования биографического принципа изложения, то есть биографической жанровой модели, несколько шире, чем совокупность текстов, которые принято называть биографиями.

Это проявляется, например, в том, что термин *биография* как обозначение типа текста типично используют в родовом значении, тогда как конкретные разновидности биографического жанра обозначаются либо путем прибавления атрибута, выраженного прилагательным (ср. *литературная, беллетризованная, научная биография*), либо при помощи специального термина (*житие, curriculum vitae*). При этом иногда замена названия жанра словом *биография* способна привести к смысловой аномалии (ср. *биография святого*). Тем не менее, биографический характер этих текстов или, по меньшей мере, присутствие в них основных черт биографической модели вряд ли могут вызывать сомнения.

Факты, подобные перечисленным, позволили В. И. Тюпа ввести представление о «биографическом дискурсе», который объединяет в себе сходные

жанры: «в пределах “биографического дискурса” обнаруживаются жанры похвального слова (некролог или поздравительный адрес – жанровые модификации все того же панегирика), обличительной речи, жития, собственно жизнеописания (в строгом значении этого термина), автобиографии, мемуаристики» [Тюпа, 2011, с. 39] (ср. также работы, в которых выделяется биографический дискурс современной периодики [Маркасов, 2012], автобиографический дискурс [Волошина, 2014]).

Ряд, который выстраивает В. И. Тюпа, скорее всего, не идеален и включает жанры, которые являются биографическими, если можно так выразиться, «в большей или меньшей степени». Так, например, похвальное слово и обличительная речь могут строиться на основе биографического принципа, но не обязательно строятся таким образом, поскольку в этом случае допустимы другие способы организации материала. Точно так же мемуаристика может ограничиваться фиксацией отдельных впечатлений мемуариста как о себе, так и о некотором лице и не давать представления о жизненном пути в целом, что выводит некоторые мемуарные произведения за пределы понимания биографии, принятого в данной работе.

Однако, если отвлечься от периферийности и ядерности некоторых жанров, то становится очевидно, что сам по себе этот ряд красноречив, поскольку он показывает признаки, которые важны для противопоставления частных жанров, формирующих жанровое поле биографии. Сопоставление указанных жанров показывает возможную значимость целого ряда признаков, создающих внутреннюю дифференциацию общей жанровой модели биографии. К ним относятся:

- оценка (похвальное слово предполагает положительную оценку, обличительная речь – отрицательную; здесь также можно добавить, что осмысление жития как формы панегирика, то есть хвалебной речи, опирается на характер оценки, оставляя без внимания структуру текста);

- принадлежность к определенной сфере жизни (жизне является жанром религиозного дискурса, тогда как термины «биография» и «жизнеописание» используются применительно к сферам внерелигиозной коммуникации);

- субъект речи (жизнеописание, биография создаются с внешней позиции, автобиография создается самим человеком);

- объективность/субъективность позиции внешнего «жизнеописателя», то есть степень выраженности личности автора высказывания (многие виды биографий предполагают полное, документированное, беспристрастное описание жизни и создаются с внешней позиции, причем личное начало в целом устраняется; биографическая мемуаристика, напротив, отражает личные впечатления и знания автора, то есть несет на себе сильный личностный, субъективный отпечаток).

3. Биография иногда понимается «ментальный конструкт», который существует вне текста. Об этом свидетельствуют устойчивые выражения современного русского языка вроде *делать себе/кому-то биографию, портить себе/кому-то биографию*. Этот ментальный конструкт может быть представлен текстуально, и такое представление для него естественно. Однако одновременно биография мыслится как внеязыковой объект, и именно поэтому она может быть описана. Реальность биографии как ментального объекта, существование которого не зависит от конкретного текста, подтверждается тем фактом, что биография часто рассматривается как объект исследования. Например, И. И. Гусева [Гусева, 2013] пишет о биографическом методе истории и биографии как жанре исторического исследования, которые, по сути, предполагают исследование жизненного пути конкретного человека и его отражение в текстах. Биографический метод существует также в литературоведении [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 91] и социологии [Дивисенко, 2009; 2011; Логунова, 2016; Чуйкина, 2004]. В социологии биография рассматривается как элемент идентичности и жизненного мира человека [Исаева, 2010; Мануильский, 2005].

Другое важное свойство заключается в том, что биография как «ментальный конструкт» может быть представлена во множестве текстов, как бы «рассеяна» в них. При этом довольно существенным представляется то, что данные тексты могут вступать друг с другом в противоречие, по-разному осуществляя подбор фактов, давая различные оценки и т. д. На основании этого можно сделать вывод, что биография как «ментальный конструкт» не обладает объективной изначальной определенностью, то есть конструируется в процессе порождения текста, хотя людьми это в полной мере не осознается.

Например, Г. А. Задорина считает возможным говорить о биографическом нарративе в рамках политического (предвыборного) дискурса, то есть нарративе, «который может быть представлен во множестве текстов дискурса одной избирательной кампании» и центром которого является «персонаж, вокруг которого в определенной последовательности выстраиваются события» [Задорина, 2006, с. 85-86]. Тексты, отражающие биографию, могут вступать в противоречие друг с другом как в плане фактов, так и в плане оценки: «в предвыборном дискурсе о каждом кандидате, как правило, складываются два нарратива с противоположной оценочной окраской: положительный нарратив в агитирующих за него текстах и отрицательно-оценочный нарратив в текстах, агитирующих за других кандидатов. Положительно-оценочный нарратив разрабатывается более подробно» [Задорина, 2006, с. 86]. (Довольно близкий подход принят в работе [Беляевская, 2012], где рассматривается специфика функционирования фрейма «Политик» в текстах СМИ, биографическом и автобиографическом дискурсах, причем под последними в цитируемой работе понимаются совокупности текстов, описывающих жизненный путь конкретного политика.)

Приведенные выше наблюдения и факты однозначно свидетельствуют о том, что биографическая модель является чрезвычайно важной и продуктивной для европейской культуры. Это подтверждается и ее использованием в качестве основы для метафорического осмысления явлений, не имеющих отношения к жизненному пути конкретной личности, и чрезвычайным многообразием

жанровых форм, которые представляют жизненный путь человека, и формированием особого представления о биографии как «ментальном объекте», допускающем различные описания в разных типах текстов.

1.2 Жанр биографии в контексте различных дискурсов

1.2.1 Дискурс как объект лингвистических исследований

Понятие «дискурс» является многозначным, что отчасти обусловлено особенностями его использования в контексте разных подходов и теорий, как лингвистических, так и философско-социологических, а отчасти – самой сложностью данного объекта лингвистического исследования.

С одной стороны, дискурсом иногда называют конкретный «квант» коммуникации, ср.: дискурс – «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская, 2006, с. 54]. Дискурс в таком понимании чрезвычайно сближается с высказыванием в теории М. М. Бахтина. Впрочем, абсолютного совпадения в этом случае, скорее всего, нет, поскольку если дискурс является коммуникативным событием, то необходимо учитывать наличие сложных коммуникативных событий (вроде митинга, конференции или совещания), которые представляют собой совокупности высказываний в бахтинском смысле.

С другой стороны, термин «дискурс» очень часто используется для обозначения совокупностей текстов или, точнее, коммуникативных практик, которые выражаются посредством совокупностей текстов. Например, такую позицию выражает В. И. Тюпа: согласно его определению, дискурс – это «интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило, разножанровое, полевая структура, ограниченная регулятивными границами социокультурных практик» [Тюпа, 2011, с. 41]; ср.: дискурс – «совокупность тематически объединенных текстов, каждый из которых воспринимается

и идентифицируется... как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2011, с. 92-93]. Если в предыдущем определении акцент падает на отдельный текст (высказывание), то в данном случае на первый план выступает то, что некоторым образом организует высказывания в особое пространство, для которого характерна регулярность, воспроизводимость и внутренняя связность.

Эти два подхода не противоречат друг другу, и опосредующим звеном между ними выступает тот факт, что «прототипический характер коммуникативных процессов обнаруживается в соотнесенности с той или иной инвариантной моделью текстопорождения и восприятия: текст существует как представитель определенного типа текста» [Чернявская, 2006, с. 54]. Другими словами, и за конкретным текстом, манифестирующим тот или иной дискурс, и за дискурсом как совокупностью текстов стоят общие модели, определяющие их порождение и восприятие.

Для понятия дискурса чрезвычайно важна детерминированность экстралингвистическими факторами: «Часто под термином “дискурс” понимают общую идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни» [Йоргенсен, Филлипс, с. 17]. На возможную трактовку дискурса как текста в его связи с контекстом и ситуацией, которые определяют то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, а также с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом, указывает В. Е. Чернявская [Чернявская, 2006, с. 54]. Именно этот момент позволяет противопоставить анализ дискурса и лингвистике текста, и лингвистике, ориентированной на изучение языковых единиц самих по себе.

В силу этого дискурс как особый объект лингвистического исследования включает говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации [Дейк, 1989]. В. В. Дементьев дает более исчерпывающий перечень экстралингвистических

параметров анализа дискурса, включая в их состав участников общения (их статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), условия общения, организацию общения (то есть его цели, мотивы и т. д.), а также способы общения, к которым он относит канал, режим, тональность, стиль и жанр [Дементьев, 2010, с. 81]. Связь с внеязыковым, экстралингвистическим контекстом, несмотря на некоторые расхождения в понимании устройства этого контекста, является общим моментом значительной части современных определений дискурса (см., например, [Арутюнова, 1990, с. 136-137; Васильева и др., 1995, с. 34; Карасик, 2004, с. 223; Красных, 2001, с. 194-195]). К подобному пониманию дискурса тяготеют также традиции дискурсивного анализа, далекие от лингвистики. Например, определения дискурса, предложенные М. Фуко и тяготеющие к философско-социологическому анализу, в целом тождественны традиции понимания данного явления в лингвистике, ср.: «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко, 1996 (а), с. 29].

Спаянность дискурса с социальным контекстом влечет за собой важное последствие в виде взаимного влияния речевой деятельности и социального контекста: дискурс конституирует социальную реальность и одновременно является конституируемым [Тичер и др., 2009, с. 48].

В некоторых определениях дискурса акцентируется его деятельностный аспект: «Дискурс – это такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова, 2004, с. 525]. В этом случае дискурс как деятельность в текущий момент времени («on-line») может противопоставляться

тексту как продукту речевой деятельности, то есть статичной («застывшей») сущности. Мы присоединяемся к мнению исследователей, которые рассматривают текст как непосредственную составляющую дискурса [Красных, 2001; Макаров, 2003, с. 89-90].

Как утверждают некоторые исследователи, термин «дискурс» не применяется к древним текстам, поскольку у таких текстов нет непосредственных живых связей с жизнью [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. Однако отделение текста как продукта от дискурса, в рамках которого он порожден, вряд ли является оправданным: текст несет в себе следы обстоятельств своего порождения, то есть того дискурса, в котором он был создан. По нашему мнению, это утверждение является слишком сильным, поскольку анализ самих текстов может дать достаточно данных об их связях с социальными практиками. Препятствием в данном случае является в первую очередь неясность и/или неактуальность этих связей, а не их отсутствие.

Закономерными представляются попытки осмысления дискурса в плане его соотношения с языком. С одной стороны, дискурс не является языком, он гораздо в большей степени тяготеет к измерению речи. С другой стороны, дискурс – это особый набор ограничений, которые накладываются на язык, используемый в определенной сфере социальной жизни. Эту мысль ярко выражает Ю. С. Степанов: «Дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир» [Степанов, 1995, с. 44-45], дискурс – «это... особое использование языка... для выражения особой ментальности» [там же, с. 38]. Ту же мысль, хотя и более образно, выражает и М. Фуко: «Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт» [Фуко, 1996 (б), с. 49].

В данной работе под дискурсом понимается коммуникативная практика, связанная с социальной практикой и обслуживающая потребности этой социальной практики. Эта коммуникативная практика реализуется в виде множества коммуникативных событий, которые могут быть представлены как отдельными высказываниями, так и их связанными совокупностями (выбор между этими двумя возможностями в значительной степени зависит от точки зрения, избираемой исследователем, и проблем, которые он ставит). За коммуникативными событиями, реализующими дискурс, стоит набор правил, обусловленный особенностями и целями социальной практики. При этом между экстралингвистическими обстоятельствами и социальными практиками, с одной стороны, и языковыми формами – с другой, обнаруживается довольно тесное взаимное соответствие.

1.2.2 Дискурс и частные дискурсы

Другое существенное противопоставление, которое обнаруживается в использовании термина «дискурс», связано с противопоставлением «дискурса вообще», то есть речевой деятельности, взятой в социальном и когнитивном аспекте, множеству частных дискурсов, соотносящихся с теми или иными сферами действия и/или социальными группами и институтами.

Оснований для выделения частных дискурсов существует очень много [Данилова, 2015; Селезнева, 2015; Тупикова, 2011, с. 150-151]. Эти разграничения могут опираться на собственно лингвистические признаки (ср. противопоставление устного и письменного дискурсов, а также любое выделение таких дискурсов, как биографический, аргументативный, повествовательный, фатический, ритуальный и т. д.), так и на экстралингвистические признаки (ср. такие дискурсы, как экономический, расистский, тоталитарный, буржуазный, экологический и т. д., которые выделяются на основе тематического, социологического и аналогичных признаков). В некоторых случаях, возможно, стоит говорить даже о смешанных

основаниях для разграничения. Примером может служить противопоставление персонального (лично-ориентированного) и институционального типов дискурса [Карасик, 2000, с. 5]. В первом случае имеется в виду бытовое общение, в котором люди выступают как самостоятельные личности, а во втором – коммуникация, в которую люди вступают как носители социальных статусов и ролей. Представляется, что, хотя в первом случае социальную детерминированность речевого поведения нельзя исключать из рассмотрения, во втором случае она является более сильной и более специфичной.

Заслуживает внимания рассмотрение связи дискурса с устной и письменной речью. В некоторых случаях дискурс отождествляется с устной речью, тогда как для письменной речи резервируется термин «текст». Отчасти это обусловлено влиянием ранней англо-американской традиции дискурс-анализа, в которой под дискурсом понимается устный диалог [Горбунова, 2012, с. 245-246; Чернявская, 2006, с. 53]. Однако такое разграничение не представляется перспективным. В данной работе термин «дискурс» трактуется расширительно и не отождествляется ни с устной, ни с письменной речью, поскольку может существовать в обеих формах (ср. [Красных, 2001, с. 199-200; Мальцева, 2002; Седов, 1999]). Чрезвычайно удачным представляется осмысление устной и письменной речи как модусов дискурса, которое содержится, например, в работах А. А. Кибрика, причем это разграничение не считается исчерпывающим и дополняется жестовым и мысленным модусами [Кибрик, 2003, с. 16-21; 2009, с. 5-9]. С этой точки зрения, устный дискурс – одна из разновидностей частных дискурсов, которая может быть выделена в контексте исследования. Использование термина «модус» при этом вряд ли является обязательным, однако представляется принципиальным, что выражения «устный дискурс» и «письменный дискурс» отсылают к частным дискурсам.

Одним из наиболее распространенных принципов выделения дискурса является институционально-тематический, в основе которого лежит отнесенность коммуникации к той или иной сфере социальной реальности. Так, в последние годы появились работы, посвященные политическому дискурсу [Артемова, 2002;

Бакумова, 2002; Ерилова, 2003; Желтухина, 2000; Руженцева, 2004; Шейгал, 2000], педагогическому дискурсу [Каратанова, 2003; Коротеева, 1999], научному дискурсу [Михайлова, 1999], спортивному дискурсу [Панкратова, 2005], компьютерному дискурсу [Галичкина, 2001], дискурсу печатных СМИ [Жуков, 2002], виртуальному дискурсу [Лутовинова, 2009], религиозному дискурсу [Анисимова, 2013; Чернобров, 2007; Ясиновская, 2011] и т. д. Распространенность такого подхода обусловлена его продуктивностью (в его рамках довольно легко выделяются корпусы высказываний), а также социологическими и социолингвистическими аспектами дискурсивного анализа, для которого существенна соотнесенность дискурса с социальными институтами. Согласно П. Серио, институты – это «любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата, типы содержания того, что можно и должно говорить, а также обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции» [Серио, с. 29]. Стоит добавить, что ограничения на действия «высказывательной функции» представляют собой одну из многих групп нормативных правил, которые устанавливаются социальными институтами.

Иногда высказывается мнение, что частные дискурсы организованы иерархически, по крайней мере, если они выделяются на основании одного признака. М. Л. Макаров классифицирует дискурс, выделяя род, который указывает на принадлежность дискурса к одному из социальных институтов, вид (или тип) и разновидность, которые организованы иерархически [Макаров, 2005]. Е. И. Голованова наряду с термином «дискурс» использует довольно удачный неологизм «субдискурс»: «В соответствии с таким пониманием разграничиваются, например, *медицинский, педагогический, юридический* виды профессионального дискурса, а также их частные разновидности (субдискурсы): в медицинском – *фармацевтический, клинический* и др.; в педагогическом – *учительский, академический* и др.; в юридическом – *судебный, законодательный* и др.» [Голованова, 2013, с. 32-33].

Однако более обоснованной представляется другая точка зрения, которая исключает строгую иерархичность в организации частных дискурсов. Множественность частных дискурсов обусловлена тем, что дискурс представляет собой исследовательский конструкт. Это убедительно показывает В. Е. Чернявская, сопоставляя такие категории, как дискурс и функциональный стиль. По ее мнению, функциональный стиль основывается на связи языка с формой общественного сознания, то есть объективно существующего явления, тогда как дискурс – это конструкт, создаваемый исследователем в целях анализа, и в его основе лежит содержательно-смысловая общность текстов, выделяемая интерпретирующим субъектом [Чернявская, 2011, с. 93]. При этом отсутствие соответствия между дискурсом и функциональным стилем доказывается тем, что термины «дискурс» и «функциональный стиль» не являются взаимно заменимыми: если мы можем говорить о публицистическом или официально-деловом дискурсе, то вряд ли правомерно говорить о «функциональном стиле химии» или «функциональном стиле фашизма», хотя подобные дискурсы, несомненно, существуют [там же, с. 94]. Хотя некоторые исследователи считают возможным рассматривать функциональный стиль как особую разновидность дискурса [Степанов, 1998, с. 640-641], это не отменяет того факта, что термины «дискурс» и «стиль» не являются взаимно заменимыми.

То, что дискурс выделяется исследователем-интерпретатором, не следует понимать как абсолютный произвол при выделении дискурса, поскольку такая процедура должна опираться на четкие содержательно-смысловые, коммуникативно-прагматические и социолингвистические критерии. Скорее, анализ некоторого дискурса предполагает включение в осмысляющую его теорию тех экстралингвистических факторов, без которых те или иные особенности порождаемых в рамках дискурса текстов остаются необъясненными. При этом набор таких факторов в каждом случае будет специфичным и уникальным.

В силу того, что дискурс выделяется исследователем на основании более или менее четких критериев, границы между отдельными дискурсами размыты, а дискурсивное пространство в целом может члениться на частные дискурсы

различными способами, в зависимости от посылок, которые принимает исследователь: дискурс выделяется при движении «снизу вверх», «от конкретно наблюдаемых, повторяющихся, типизирующихся коммуникативных сфер и ситуаций», когда за основу берутся «тексты, объединяющиеся на основе содержательно-смысловых и интенциональных критериев» [Чернявская, 2011, с. 92]. Это находит подтверждение в исследовательской практике. В качестве примера можно привести предвыборные коммуникации. Иногда их рассматривают как особую разновидность дискурса, то есть предвыборный дискурс [Бенуа, 2006; Гайкова, 2003; Голубева, 2009], хотя в других работах предвыборные политические коммуникации рассматриваются не как особый дискурс, а как разновидность политического дискурса [Филинский, 2002; Халатян, 2011]. При этом в рамках политических коммуникаций могут выделяться и другие разновидности дискурса, например, президентский [Атьман, 2009; Спиридовский, 2006; Худяков, 2015]. Очевидно, что предвыборный и президентский дискурсы не соотносятся напрямую, но при этом отчасти пересекаются, поскольку действующий президент, например, может участвовать в выборах в качестве кандидата или каким-то образом вмешиваться в ход предвыборной кампании.

1.2.3 Дискурс и жанр

Для современной лингвистики чрезвычайно типично осмысление частных дискурсов через призму речевых жанров. Например, Л. С. Дускаева анализирует с точки зрения жанрового состава журналистский дискурс [Дускаева, 2014], Е. В. Бобырева – религиозный дискурс [Бобырева, 2007]. С этой точки зрения рассматривались предвыборный дискурс [Ворожцова, 2010], туристический дискурс [Филатова, 2012], деловой дискурс [Кадимова, 2014], дискурс моды [Косицкая, 2014], педагогический дискурс [Городец, 2008], научно-фантастический дискурс [Рыльщикова, 2011], виртуальный (или интернет-) дискурс [Ахренова, 2009; Лутовинова, 2008; Федорова, 2014]. Не менее

характерны исследования отдельных жанров в составе дискурсов: жанра интервью в газетном дискурсе [Антонова, 2006]; жанра обещания [Стексова, 2011], новогоднего обращения [Ослопова, 2009] или гимна [Зотеева, 2013] в политическом дискурсе; жанра путеводителя [Розанова, 2014], интернет-отзыва [Терских, 2014] или экскурсии по городу [Донец, 2009] в туристическом дискурсе и т. п.

Использование категории речевого жанра в рамках анализа дискурса представляется абсолютно закономерным. При внимательном рассмотрении очевидно, что это вытекает из понимания жанра М. М. Бахтиным. В частности, он пишет: «Каждое отдельное высказывание... индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» (разрядка М. М. Бахтина. – Б. Ю.) [Бахтин, 1997, с. 159]. В этой цитате обращает на себя внимание то, что Бахтин соотносит со сферой использования языка не множество высказываний, а множество типов высказываний, а отдельный речевой жанр в его терминологии соотносится не со сферой, а с ситуацией. Если принять, что сфера использования языка в приведенной цитате – это некоторый частный дискурс, то с точки зрения концепции М. М. Бахтина жанр принадлежит к дискурсу.

В более широкой перспективе связь между теорией М. М. Бахтина и анализом дискурса обусловлена тем, что любой дискурс можно рассматривать как совокупность высказываний, объединенных между собой связями, которые имеют различную природу. Эти связи между высказываниями могут определяться тематикой, отношениями «стимул – реакция», принадлежностью к одной ситуации и т. п. Поскольку для речевой деятельности характерна регулярность и воспроизводимость, отдельные высказывания образуют ряды, которые могут быть осмыслены как речевые жанры. Более того, принадлежность к общей жанровой модели – всего лишь один из вариантов этих отношений, которые можно осмыслять как проявление интертекстуальности. Это вытекает из понимания интертекстуальности. Приведем следующее утверждение Р. Барта, которое можно соотнести с языковым выражением не только литературного,

но и любого текста: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры», интертекстуальность «представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Современное зарубежное литературоведение, 1996, с. 218], см. также [Дементьев, 2015].

В контексте вопроса о соотношении дискурса и жанра представляет интерес концепция дискурсивных сообществ, восходящая к идеям Дж. Суэйлса [Swales, 1990; Пастухов, 2008; Погосян, 2012]. По словам Н.И. Клушиной, «Дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль – философское и эстетическое. Дискурсивное сообщество – это группа людей, которые занимаются общей деятельностью, включающей обмен информацией между членами сообщества» [Клушина, 2014]. Особую роль в этом информационном обмене играют речевые жанры, вырабатываемые данным сообществом. При этом соотношение между речевыми жанрами, дискурсивными сообществами и их деятельностью является довольно сложным: жанр представляет собой совокупность коммуникативных событий, которые создаются представителями дискурсивного сообщества для реализации общих коммуникативных целей; в свою очередь, именно эти общие цели формируют основу (*rationale*) жанра, которая определяет структуру дискурса и оказывает влияние на содержание и стиль конкретных коммуникативных событий [Swales, 1990, с. 58]. А. А. Кибрик в этом контексте определяет речевые жанры как «атрибуты дискурсивных сообществ и... реализации типовых коммуникативных намерений, характерных для таких сообществ» [Кибрик, 2003, с. 21]. В качестве примера А. А. Кибрик приводит типовое коммуникативное намерение «обратиться к некоторой фирме с деловым предложением», которое существует в сообществе людей, занимающихся бизнесом. Для реализации этого намерения используется жанр «деловое письмо», который в конкретных культурноязыковых сообществах бизнесменов в высокой степени стандартизован [там же].

Рассмотрение речевого жанра в дискурсивной перспективе способно обогатить теорию речевых жанров, а также представления о конкретных речевых жанрах. Контекст дискурсивных исследований меняет или, лучше сказать, обогащает перспективу, с которой рассматривается речевой жанр. Исследование конкретного речевого жанра способствует тому, что жанровая модель рассматривается как целостность. Однако в контексте дискурсивного анализа не менее важными оказываются связи высказывания, реализующего жанровую модель, с непосредственным контекстом. Например, Ф. С. Бацевич пишет о необходимости поиска критериев выделения речевых жанров в дискурсе, к которым он относит такие сигналы, как смену стратегий или тактик общения, тематики разговора, изменение модели адресата и адресанта, модальности, тональности, ситуации и атмосферы общения [Бацевич, 2005, с.130-132].

В этом отношении показательны также наблюдения О. В. Лутовиновой над жанровой природой виртуального дискурса. Любой частный дискурс либо вырабатывает новые жанры, удовлетворяющие коммуникативным потребностям его участников, либо вбирает в себя уже существующие жанровые формы, в той или иной степени трансформируя их. О. В. Лутовинова показывает, что традиционные жанры в составе виртуального дискурса трансформируются, главным образом, под воздействием технических параметров, причем виртуальная среда определяет такие характеристики речевых жанров, как динамичность (изменяемость во времени) и размытость границ между жанрами (по сравнению с другими сферами общения) [Лутовинова, 2009, с. 18]. Этот процесс представляется естественным и закономерным, поскольку электронный канал коммуникации обладает целым рядом уникальных свойств, отличаясь одновременно и от устного, и от письменного общения, совмещая в себе черты обоих модусов существования дискурса и одновременно создавая условия для возникновения у высказываний качественно новых свойств, благодаря которым меняются и связи между ними, и формы их функционирования.

В зависимости от происхождения речевого жанра О. В. Лутовинова разграничивает дискурсообразующие и дискурсоприобретенные жанры: первые

возникли в виртуальной среде и отражают ее природу, вторые были перенесены из обычного общения. Необходимо отметить, что применение этого важного разграничения в упомянутой работе не всегда бесспорно. В частности, электронное письмо, по мнению автора, представляет собой дискурсообразующий жанр [там же], однако с этой точкой зрения вряд ли можно согласиться. По большому счету, обычное письмо является прототипом для электронного письма (на что указывают номинации *письмо* и *почта*, которые применительно к виртуальной среде являются метафорическими). Радикальные трансформации этого прототипа в виртуальной среде обусловлены спецификой канала, который создает условия для гораздо более быстрого, почти моментального обмена сообщениями, а потому переводит коммуникацию в режим, близкий к устному общению, что и оказывает влияние на самые разные аспекты писем-высказываний: на их объем, на их содержание и структуру и т. д. Тем не менее, если отвлечься от частностей, противопоставление дискурсообразующих и дискурсоприобретенных жанров представляется справедливым и чрезвычайно продуктивным, поскольку способно пролить свет и на процессы формирования конкретных дискурсов, и на генетический аспект функционирования отдельных речевых жанров. При этом данное разграничение потенциально применимо не только к виртуальному (электронному), но и к любому другому дискурсу.

Наконец, анализ дискурса и теорию М. М. Бахтина роднит учет связи между высказыванием и «внесловесной ситуацией». Связь высказывания с «внесловесной ситуацией» использовалась М. М. Бахтиным как один из главных признаков, позволяющих противопоставить предложение как значащую единицу языка высказыванию: «Если... предложение не окружено контекстом речи того же говорящего, то есть если оно является целым законченным высказыванием (репликой диалога), то оно оказывается непосредственно (и самолично) перед лицом действительности (внесловесного контекста речи) и других чужих высказываний; <...> за ним ожидается ответ или ответное понимание другого говорящего» [Бахтин, 1997, с. 175]. Рассмотрение единиц, на которые делится

речь, в их связи с «внесловесной ситуацией», является общим местом дискурсивных исследований.

Впрочем, прямолинейное сближение жанра и ситуации вряд ли является плодотворным для теории речевых жанров и анализа дискурса. Этот момент представляется важным в силу того, что в последнее время получило широкое распространение определение речевого жанра как вербального (вербально-знакового) оформления типической ситуации социального взаимодействия людей [Дементьев, Седов, 1998, с. 6]. Дискурсивная перспектива подобного понимания жанра очевидна, однако сближение жанра и ситуации часто приводит к недооценке вербально-знаковой стороны речевого жанра.

Например, Т. В. Анисимова [Анисимова, 2000, с. 26] приводит в своей докторской диссертации цитату из пособия В. И. Андреева, справедливо отмечая, что ее автор перечисляет не жанры, а ситуации делового общения: «Деловая риторика включает в себя различные виды (жанры) делового общения: деловая беседа, ведение заседаний, публичные выступления, ведение дискуссий, споров, ведение переговоров, телефонные переговоры, деловая переписка, разрешение конфликтов и др. виды» [Андреев, 1993, с. 7-8]. Очевидно, что коммуникативная деятельность, связанная с этими ситуациями, в силу своей сложности не может быть описана с опорой на представление о речевом жанре и требует более сложного терминологического аппарата.

Глубокие наблюдения, важные с точки зрения разграничения номинаций речевых жанров и номинаций речевых событий, как простых (*ответ, разговор, упрек* и т. п.), так и сложных (*конференция, митинг, визит, застолье*), содержатся в статье В. Е. Гольдина [Гольдин, 1997]. В частности, автор отмечает, что непоследовательность при различении номинаций речевых жанров и номинаций речевых событий приводит к тому, что меньше внимания уделяется таким важным аспектам речевого жанра, как композиция и стиль (ср. также замечание о том, что М. М. Бахтин в своей теории концентрирует внимание на типах текстов, а не на типах действий [Китайгородская, Розанова, 1999, с. 23-24]).

Иногда понятия «дискурс» и «жанр» смешиваются, ср.: «Жанр предвыборного дискурса рассматривается нами как гибридный жанр, сочетая в себе характеристики институциональной, риторической и ритуальной коммуникации» [Гайкова, 2003, с. 23]. Как следует из приведенной цитаты, термин «жанр» может применяться для характеристики особой разновидности дискурса, то есть использоваться в его этимологическом значении «вид, разновидность». Такой подход представляется неприемлемым, поскольку предвыборный дискурс представляет собой особую коммуникативную деятельность, включающую множество как письменных, так и устных высказываний, принадлежащих к разным жанрам и создаваемых разными субъектами, которые вовлечены в предвыборную кампанию. Более целесообразным представляется говорить о жанровой системе или жанровом репертуаре, которые существуют в определенном дискурсе [Воробьева, 2013], что исключает отождествление дискурса или его разновидностей с жанрами.

Подобные сложные единства, несомненно, могут быть интегрированы в теорию речевых жанров, однако это требует введения дополнительной терминологии. Привлекательным средством осмысления сложных коммуникативных событий представляется термин «гипержанр», при помощи которого обозначают сложные речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своем составе несколько жанров [Дементьев, Седов, 1998, с.19; Седов, 1999, с. 90]. Гипержанр нельзя отождествлять или смешивать с дискурсом; скорее, это промежуточное звено между дискурсом и жанром. Во-первых, гипержанр – это более узкое явление, он соотносится не со сферой деятельности, а с определенной ситуацией: правомерно говорить о гипержанрах застолья, свадьбы, ссоры, защиты диссертации и т. д. Во-вторых, если дискурс является совокупностью высказываний, то гипержанр – это совокупность жанров, или типов высказывания, которые объединены либо в силу специфики самого общения и его нужд, либо в силу традиции. С другой стороны, понятие «гипержанр» позволяет

не подвергать неправомерному, неоправданному расширению понятие «речевой жанр», соотносимое с типами высказываний (текстов).

Один из важных моментов взаимодействия категорий «речевой жанр» и «дискурс» заключается в том, что жанровая номинация может служить основанием для выделения дискурса. В частности, на способность номинации выступать в качестве критерия для выделения и жанра, и дискурса обращает внимание В. И. Тюпа: «Одним и тем же словом “роман” мы называем каждый текст, относимый к данному жанру, и всю совокупность этих текстов, составляющих область “романного дискурса”» [Тюпа, 2011, с. 35]. С другой стороны, ряд родственных жанров могут быть объединены в один дискурс: «в пределах “биографического дискурса” обнаруживаются жанры похвального слова (некролог или поздравительный адрес – жанровые модификации все того же панегирика), обличительной речи, жития, собственно жизнеописания (в строгом значении этого термина), автобиографии, мемуаристики» [там же].

В. И. Тюпа приходит к необходимости чрезвычайного сближения (но не отождествления) понятий «жанр» и «дискурс», справедливо видя в первом инвариантную категорию, а во втором – категорию собирательную [Тюпа, 2011, с. 38]. То, что мы воспринимаем как жанр, одновременно является дискурсом, и наоборот; «жанр» и «дискурс» представляют собой разные точки зрения на один объект, хотя эти точки зрения не тождественны: термин «жанр» описывает модель, тогда как термин «дискурс» отсылает к совокупности текстов, связанных между собой различными отношениями. Именно в силу этого автор считает возможным говорить о романе и романном дискурсе, биографии и биографическом дискурсе. При этом В. И. Тюпа делает важное уточнение, в соответствии с которым дискурс и жанр все-таки нельзя отождествлять: «жанр – это инвариант одноименного дискурса (если их имена совпадают) или, точнее, субдискурса, ибо речевые “жанры” всегда – модификации некоторого более широкого сегмента словесной культуры (“рода”» [Тюпа, 2011, с. 39]. Как следует из этого уточнения, дискурс обычно представляет собой более широкое явление,

чем жанр, а использование имени жанра является правомерным, но лишь частным и далеко не ведущим принципом выделения дискурса.

Не ставя под сомнение возможность и целесообразность выделения романного и биографического дискурсов, считаем необходимым подчеркнуть, что подобное сближение жанра и дискурса, показывая тесную связь этих категорий, одновременно ведет к ряду нежелательных последствий, заключающихся, главным образом, в неоправданном ограничении возможностей теории дискурса и потенциала термина «дискурс».

Во-первых, дискурс может состоять (и обычно состоит) из совокупности разнотипных высказываний, то есть высказываний, принадлежащих к разным жанрам. Жанры, соотнесенные со сферой деятельности, образуют систему, которая создается для их обслуживания и одновременно выступают в роли средства организации и формализации взаимодействия (ср. [Воробьева, 2013; Голованова, 2013, с. 33]). Систему жанров правомерно рассматривать как своего рода «словарь», из единиц которого строятся дискурсы. И если учесть регламентирующую, организующую функцию, которую выполняет, пожалуй, любой частный дискурс, то становится очевидным, что один жанр не в состоянии служить таким организующим началом. Когда мы говорим, например, о романном дискурсе, то в него следует включить также описания из нормативных поэтик и словарей, суждения самих писателей, критиков и теоретиков литературы о романе, тексты-манифесты и другие метаязыковые высказывания, так или иначе затрагивающие представление о данном жанре. Такие высказывания, несомненно, играют важную роль в функционировании, воспроизводстве и развитии романа как жанра.

Во-вторых, такой подход неоправданно абсолютизирует генетические и интертекстуальные отношения между отдельными высказываниями одного типа в ущерб связям других типов. Генетические и интертекстуальные связи для дискурса чрезвычайно важны, поскольку язык усваивается через восприятие высказываний, а целостность дискурса обеспечивается за счет воспроизведения жанровых моделей. На это указывал сам М. М. Бахтин: «Формы языка мы

усваиваем только в формах высказываний и вместе с этими формами», они «приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. <...> Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические). Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр» [Бахтин, 1997, с. 181]. В контексте данной работы также заслуживают внимания критические наблюдения Г. Г. Хазагерова, Н. М. Щаренской и Е. Ю. Щемелевой относительно воспроизведения в современных биографиях ученых штампов, восходящих к советскому периоду [Хазагеров, Щаренская, 2015; Хазагеров, Щемелева, 2015]. Эти наблюдения отчетливо демонстрируют значимость генетического и интертекстуального измерения в текстах, реализующих биографическую модель: резкая прерывность в развитии культуры далеко не всегда ведет к изменению жанровых стереотипов.

Однако при отождествлении жанра и дискурса не учитывается, что в рамках дискурса не менее важны отношения между высказываниями разных типов, образующими своего рода «наджанровые» последовательности (ср. пары «вопрос – ответ», «просьба – отказ», «предложение – согласие», «распоряжение – отчет о его выполнении», «роман – критическая рецензия», «роман – исследование романа», «диссертация – отзыв на диссертацию» и т. п.). Следует учитывать и более сложные генетические отношения между жанрами, когда один жанр (как правило, первичный) становится основой для появления другого (как правило, вторичного). Чрезвычайно интересные примеры приводит В. В. Дементьев, указывая на генетические связи между дружеской беседой и дружеской лирикой, сплетней и анекдотом, угрозой и дипломатической нотой, просьбой и ходатайством и т. д. [Дементьев, 2015]. Причем такой анализ будет неполным без учета включения одних жанров в состав более сложных вторичных жанров.

Наконец, в-третьих, отношения между высказываниями в рамках одного дискурса нельзя объяснить исключительно их жанровой природой, от которой зависят и сходства/различия между высказываниями, и отношения дополнительности между ними. Например, типичной для научного общения

является ситуация, когда одна статья содержит в себе опровержение выводов, содержащихся в другой статье. В такой ситуации мы имеем дело с двумя высказываниями, принадлежащими к одному жанру, причем связь между ними реализуется также и в содержательной плоскости.

Другими словами, принадлежность двух высказываний к одному дискурсу определяется не только жанровой принадлежностью текстов, но и их содержательной, тематической связью и одинаковой предметной соотнесенностью. В этом отношении чрезвычайно показателен подробный анализ больничного дискурса, осуществляемый В. К. Харченко [Харченко, 2016], в котором учитываются не только жанровые характеристики отдельных высказываний, но и тематика, а также статусные отношения между участниками отдельных коммуникативных ситуаций – все то, что придает многообразным коммуникациям между людьми в больнице целостность. Объяснительная сила категории «дискурс» вытекает из ее многомерности.

Таким образом, необходимо последовательно противопоставлять жанр и дискурс. Отношение между ними может быть описано следующим образом. Любой дискурс состоит из высказываний, и в силу регулярности отдельные высказывания образуют ряды, воплощающие одну и ту же текстовую модель, то есть речевой жанр. Высказывания, реализующие общую жанровую модель, могут рассматриваться как самостоятельный дискурс, однако это лишь частный способ выделения дискурса. Кроме того, в случае с дискурсом такого типа мы имеем дело не с моделью, а с совокупностью, последовательностью высказываний. Наконец, важной представляется мысль о том, что, по всей видимости, в дискурсы следует включать и метаязыковые высказывания, регулирующие использование жанровой модели.

1.2.4 Биография как «наддискурсный» речевой жанр

Хотя категории «дискурс» и «речевой жанр» тесно связаны, имеются все основания полагать, что жанровый и дискурсивный подходы не сводимы друг

к другу, не могут быть полностью интегрированы и представляют собой пересекающиеся, но не утрачивающие самостоятельности подходы к осмыслению речевой деятельности. Проявление этого можно увидеть в жанрах, которые правомерно охарактеризовать как «наддискурсные».

Некоторые исследователи исходят из понимания жанра как типа высказываний, привязанного к дискурсу. Так, по мнению В. И. Карасика, дискурс проявляется через жанры, под которыми он понимает исторически обусловленные форматы коммуникативного поведения [Карасик, 2004, с. 49]. Н. Ф. Алефиренко видит в речевом жанре дискурсивный тип, объединяющий тематически, композиционно и стилистически маркированные речевые акты [Алефиренко, 2012, с. 17].

По нашему мнению, такая привязка жанра к дискурсу неоправданно упрощает ситуацию, поскольку предполагает, что речевой жанр является образованием, полностью подчиненным дискурсу. Действительно, существуют речевые жанры, которые функционируют исключительно в рамках частных дискурсов. В качестве примера можно привести большинство жанров официально-делового общения (заявление, объяснительная записка), обвинительную и защитительную речь как часть юридического (судебного) дискурса; программу курса, экзаменационные билеты или индивидуальный план отчет-преподавателя в профессиональном педагогическом дискурсе. Такие жанры нацелены на удовлетворение конкретных коммуникативных потребностей, существующих в рамках частных дискурсов. Однако наряду с ними имеется довольно большое число жанров, которые одновременно функционируют в составе далеких друг от друга дискурсов. Это справедливо для жанра статьи, по-разному воплощающегося в научном и публицистическом дискурсах, или жанра письма, которое может быть официально-деловым, профессионально ориентированным, частным, публицистическим и даже художественным (ср. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина) [Чигридова, 1999]. Что касается письма, то в наши дни перечень вряд ли будет полным, если

не упомянуть электронное письмо – жанровую форму, возникшую в результате трансформации традиционного письма под влиянием виртуального дискурса.

Как было показано в п. 1.1.4 данной главы, существует большое количество разновидностей биографических текстов. Одно из объяснений такого разнообразия заключается в том, что биография как речевой жанр имеет «наддискурсную» природу, то есть принадлежит одновременно к далеким друг от друга дискурсам, которые и определяют детали воплощения данного жанра в виде конкретных высказываний.

Существует две возможности осмысления «наддискурсных» жанров. Во-первых, их можно считать абстракцией, которая никогда не воплощается в реальной речевой деятельности, поскольку конкретные высказывания реализуют модели, вырабатываемые в рамках конкретных дискурсов. В данном контексте показательно суждение о том, что «деловое и дружеское письмо, письмо, использующее канцелярский стиль, или письмо с ориентацией на устную интеллигентскую речь – все это различные группы писем» [Степанов, 1966, с. 69]. Другой подход заключается в том, что «наддискурсные» речевые жанры обладают языковой реальностью, а частные дискурсы лишь приспособливают эти жанровые модели к своим нуждам. Именно этот подход принят в данной работе.

Основанием для выделения «наддискурсных» жанров могут служить различные признаки. Одним из таких признаков является номинация (ср. *статья, биография, письмо*). Однако этот признак не является абсолютно достоверным. В некоторых случаях очевидно различные жанры, которые нельзя подвести под общий инвариант, обозначаются посредством общего имени, что закономерно интерпретируется как языковая омонимия (ср. номинацию «статья», которая обозначает и законченный текст относительно небольшого объема, публикуемый в периодическом издании, и часть законодательного акта). Речевой жанр биографии также демонстрирует правильность этого вывода, поскольку имеются речевые жанры, которые, будучи по своей сути биографическими (жизне, curriculum vitae), имеют другие названия.

Более достоверным основанием кажется набор формальных, содержательных и коммуникативно-прагматических признаков, которые характерны для ряда речевых жанров или их дискурсивных модификаций. Но и в этом случае необходимо отличать сходство от родства. Связи родства или сходства могут сближать жанры, принадлежащие к различным, далеким друг от друга сферам коммуникации, о чем писал, например, Ц. Тодоров: «Каждый тип дискурса, определяемый обычно как литературный, имеет нелитературных “родственников”, более близких ему, чем какой-либо иной тип “литературного дискурса”. Так, некоторые типы лирических стихотворений и молитва подчиняются большему количеству общих для них правил, чем то же стихотворение и исторический роман типа “Войны и мира”» [Тодоров, 1983, с. 368]. Иногда такую близость необходимо интерпретировать как обычное сходство, возникающее в результате действия «побочных» факторов (например, реализации одной коммуникативной цели или преобладания одной общей коммуникативной функции). Однако определенно имеется ряд случаев, когда родство жанров обусловлено модификациями общей жанровой модели, которая «приспосабливается» либо к особым целям, либо к особым дискурсивным условиям.

«Наддискурсные» речевые жанры совершенно особым образом проявляют себя при попытке построения их модели, основы которой были заложены М. М. Бахтиным и обобщены Т. В. Шмелевой (см. п. 1.1.1 данной главы). Дело в том, что «наддискурсные» речевые жанры, как правило, не допускают однозначного описания в рамках подобных схем. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, «наддискурсные» жанры в контексте разных дискурсов различаются в коммуникативно-прагматическом отношении, причем иногда довольно сильно. Так, по мнению некоторых исследователей, литературной биографии присущи познавательная и дидактическая функции [Коптева, 2011, с. 307]. В то же время биографические тексты, которые функционируют в деловой сфере, реализуют информативное начало, поскольку их цель заключается

в аргументированном представлении некоторого лица с точки зрения его достижений в профессиональной сфере и личных качеств. Для таких текстов характерна функция воздействия, поскольку посредством резюме соискатель побуждает потенциального работодателя к совершению действия; впрочем, воздействующее начало деловых биографических жанров не получает формального выражения, то есть их воздействующий потенциал скрыт. Дидактическое начало деловым биографическим текстам не присуще, и это объясняется ограниченным кругом коммуникантов, которым адресуется такой текст, а также первичностью ближней прагматики, то есть обусловленностью целями, определяющими текущее взаимодействие.

Следовательно, с точки зрения общих коммуникативных функций (информирование, воздействие и т. п.) биографические тексты, функционирующие в разных дискурсах, обнаруживают чрезвычайно значимые различия. По этой причине представляется закономерным вывод, что дискурсивные модификации речевых жанров должны характеризоваться не только с точки зрения общих коммуникативных функций (подход «сверху»), но и в плане специфичных способов и форм реализации этих функций (подход «снизу»).

Во-вторых, модификации речевого жанра в составе разных дискурсов затрагивают его языковое выражение. В обычном случае биография строится как хронологически организованное изложение. Но в рамках конкретного дискурса биографическое изложение может быть представлено и детальным повествованием (ср. литературную биографию), и кратким, фактологичным связным текстом (ср. энциклопедическую биографическую статью), и конспективным текстом, характеризующимся сильной языковой компрессией, которая находит выражение в неполноте грамматических конструкций (ср. «биографии-конспекты» в деловом общении [Кривоносов и др., 2012, с. 219]). Другими словами, контекст дискурса, задающий цели общения, оказывает непосредственное воздействие на языковое выражение речевого жанра, как бы подгоняя жанровую модель под себя.

В-третьих, правомерно говорить о содержательных различиях между реализациями жанровой модели в рамках конкретного дискурса. Так, характерный для деловой сферы примат информативности и краткости делает закономерными минимизацию и редукцию в биографическом тексте не только языкового выражения, но и содержания, что отражается в специфической языковой экономии, которая предполагает, что максимум значимой информации должен быть передан посредством минимального количества языковых средств. В литературно-художественном контексте, наоборот, оказывается важной максимальная детальность биографического описания, причем недостаток фактической информации может компенсироваться за счет введения некоторого количества элементов художественного вымысла.

Таким образом, в коммуникативно-прагматическом, формально-грамматическом и содержательном отношении биографические тексты, функционирующие в различных дискурсах, не могут получить однозначного описания. В модель данного жанра необходимо ввести неопределенность и вариативность, причем неопределенность этой модели может быть снята только в контексте конкретного частного дискурса. Вследствие этого кажется закономерным вывод о том, что при порождении конкретного высказывания сочетаются правила, которые исходят от жанровой модели, и правила, предлагаемые частным дискурсом, и эти правила необходимо различать. В частности, подобный подход предлагает естественное объяснение не только для ошибок, которые возникают при создании биографических текстов, но и для конкретных решений, которые авторы принимают при создании и доработке этих текстов. Например, такой ошибкой является чрезмерная подробность биографического описания в рамках статьи из энциклопедии – недостаток, который снимается посредством исключения из текста менее значимых фактов и деталей.

При этом вряд ли имеются основания утверждать, что за различными дискурсными модификациями жанра биографии не стоит общей модели. Эта модель неизбежно будет абстрактной, однако она включает в себя регулярно

реализуемые свойства. Между дискурсными модификациями жанра биографии обнаруживается много аналогичного, расхождения затрагивают формально-грамматическое и стилистическое оформление текстов, а также полноту информации – те признаки, которые зависят не от жанровой модели, а от дискурса, в котором она реализуется.

По нашему мнению, инвариант жанра биографии предполагает два признака:

1) объектом биографии является конкретное, реальное лицо, которое рассматривается через призму его жизненного пути в целом;

2) принцип организации материала в биографии является хронологическим.

Данные признаки, по нашему мнению, дают возможность не только найти общее между дискурсными модификациями жанра биографии, но и вписать биографические тексты в жанровую систему, противопоставив их смежным типам текста. С одной стороны, хронологический принцип является общим для биографических текстов и разного рода исторических и фикциональных повествований, которые не обязательно соотнесены с отдельным лицом (ср. историю государства, народа, организации, города, семьи, научной дисциплины и т. д.) В этом случае роль различительного признака играет соотнесенность с лицом. С другой стороны, сам по себе хронологический принцип также является признаком, благодаря которому биография противопоставляется другим текстам. Например, он позволяет противопоставить биографию и портрет (в его многочисленных разновидностях) или характеристику, в которых хронологический принцип вряд ли возможен в силу их смыслового наполнения. Однако биография, портрет и характеристика сходны, поскольку соотносятся с конкретным лицом.

Несмотря на наличие существенных различий в плане целеполагания, все дискурсные модификации речевого жанра биографии существуют в рамках общей структуры, которая одновременно имеет смысловые и коммуникативные аспекты. Схематично эту коммуникативно-смысловую структуру можно представить таким образом: «Некоторое лицо X (автор) излагает события жизни лица

У (объекта описания) лицу или группе лиц Z (адресату)». Эта структура является устойчивой в плане ее возможных модификаций, что проявляется в наличии у нее следующих свойств:

- наличие модификации-автобиографии (в биографии X и Y являются разными лицами, в автобиографии они совпадают в одном лице; автобиографическая модификация является универсальной, поскольку биографическими и автобиографическими могут быть как литературные, так и нелитературные тексты);

- невозможность для адресата выступать в качестве объекта изображения (в биографических текстах возможно совпадение X и Y, однако невозможно совпадение Y и Z, тогда как, например, жанр похвальной речи может иметь в качестве объекта и автора, и адресата, и третье лицо);

- вариативность адресации (биографический текст может быть адресован и единичному, и коллективному, причем этот признак следует признать специфичным, поскольку он не присущ некоторым другим речевым жанрам, ср. закон, который может быть адресован только множеству лиц, включая его создателя);

- значимость объекта изображения и/или биографической точки зрения на изображаемое лицо (смена хотя бы одного из этих параметров ведет к смене жанра, то есть к выходу из биографической модели).

Таким образом, термины «речевой жанр» и «дискурс» задают близкие, пересекающиеся, но не совпадающие перспективы рассмотрения речевой деятельности. Одно из проявлений этого состоит в существовании «наддискурсных» жанровых моделей, получающих специфическую реализацию в контексте разных дискурсов; эта реализация всегда является компромиссом между правилами жанровой модели и конкретного частного дискурса. Применительно к речевому жанру биографии эти различия затрагивают непосредственные коммуникативные цели, языковое выражение (в том числе стиль), полноту информации и источники ее получения. При этом наличие таких

дискурсивных модификаций не означает, что общей жанровой модели не существует.

Выводы по 1 главе

1. К речевому жанру биографии в широком понимании, принятом в рамках данной работы, относятся тексты, которые соотносятся с реальным конкретным лицом, рассматриваемом в перспективе его жизненного пути, и характеризуются хронологическим принципом изложения или смысловой организации материала.

2. Биографическая модель в таком понимании является чрезвычайно продуктивной для современной европейской культуры. Это проявляется прежде всего в существовании обширного набора модификаций жанра биографии, которые возникают в различных стилях и дискурсах. Речевой жанр биографии функционирует в художественной словесности, деловом общении, научном дискурсе (ср. дискурсы истории и социологии), причем такое функционирование приводит к появлению заметно отличающихся друг от друга текстов.

В функционировании биографической модели наблюдается асимметрия, которая проявляется в двух моментах. Во-первых, жанровая модель биографии иногда используется для представления явлений, отличных от человека, и (метафорически) применяются к культурным и социальным, реже – внекультурным объектам. Во-вторых, жанровая биографическая модель лежит в основе ряда жанров, которые не называются биографией (ср. житие, *curriculum vitae*, резюме). Кроме того, биография мыслится как внетекстовый ментальный объект, который может быть описан в тексте, однако существует вне его, а потому допускает альтернативные описания. Эти факты свидетельствуют о том, что речевой жанр биографии является чрезвычайно актуальным для современной культуры.

3. Биография как речевой жанр предполагает стандартизирующее начало, которое вытекает из самой перспективы рассмотрения конкретного человека. Стандартизирующее начало биографического текста выражается в наличии более или менее устойчивого набора параметров, с точки зрения которых описывается жизненный путь человека. Эти параметры не являются в строгом смысле культурно обусловленными – они представляют собой результат познания природных и социальных закономерностей. Однако в биографическом тексте может преобладать индивидуализирующее начало, которое проявляется в виде усиленного внимания к необычным, отличающим данного человека событиям и обстоятельствам. Индивидуализирующее начало в биографическом тексте представляет собой более позднее явление, однако оно вписывается в биографическую жанровую модель наравне со стандартизирующим началом и не приводит к ее разрушению.

Преобладание стандартизирующего или индивидуализирующего начала зависит от сферы функционирования биографической модели (ср. биографические тексты в художественном и официально-деловом дискурсах), а также от общих культурных установок (ср. преобладание стандартизирующего начала в античной биографии по сравнению с биографиями Нового времени).

4. В данной работе под дискурсом понимается особая коммуникативная практика, связанная с социальной практикой и обслуживающая ее цели. С этой точки зрения, любой дискурс может быть представлен как потенциально бесконечное множество коммуникативных событий, реализующихся либо в виде отдельных высказываний, либо связанных между собой совокупностей высказываний. Несмотря на видимую объективность существования отдельных дискурсов, дискурс представляет собой исследовательский конструкт, выделение которого, однако, не является абсолютно произвольным, поскольку подчинено целям исследования и опирается на некоторую совокупность объективных признаков.

5. Теория речевых жанров, основы которой были заложены М. М. Бахтиным, исходит из того, что коммуникация строится как обмен

особыми единицами – высказываниями, характеризующимися смысловой и композиционной завершенностью, а ряды сходных высказываний образуют особые типы, то есть речевые жанры. Исходные предпосылки теории речевых жанров делают возможной ее интеграцию с теорией дискурса, причем общим элементом для этих двух теорий является высказывание.

6. Взаимодействие между частным дискурсом и жанром чрезвычайно многоаспектно. Прежде всего, речевой жанр типично рождается в рамках конкретного дискурса и связан с конкретной коммуникативной целью. С другой стороны, жанр способен приобретать самостоятельность по отношению к дискурсу, о чем свидетельствуют случаи заимствования жанра некоторым дискурсом из другого дискурса (часто сопряженные с более или менее заметной трансформацией заимствуемого жанра). В перспективе социальных практик речевой жанр представляет собой коммуникативный инструмент, вырабатываемый дискурсивным сообществом; совокупность жанров некоторого частного дискурса в идеале покрывает все коммуникативные потребности дискурсивного сообщества и формирует «коммуникативный универсум» данного сообщества. Наконец, в качестве особого случая частного дискурса можно рассматривать всю совокупность высказываний, принадлежащих к определенному речевому жанру (ср. биографический, автобиографический, романский дискурсы).

7. Биография представляет собой речевой жанр, который можно охарактеризовать как «наддискурсивный». Это проявляется в том, что жанровая модель биографии реализуется в различных, в том числе далеких друг от друга дискурсах, что имеет следствием существование большого количества ее дискурсивных модификаций. Как и другие «наддискурсивные» жанры, биография не может быть адекватно описана в рамках схем, опирающихся на коммуникативно-прагматические, содержательные и формально-языковые признаки. Тем не менее, инвариант биографии, как и любого другого «наддискурсивного» жанра, может быть сформулирован и описан, хотя для этого необходима опора на более или менее абстрактные признаки. Эти признаки позволяют снять различия

в содержании, прагматике и формальных свойствах между дискурсными модификациями данного жанра, обусловленные спецификой конкретного частного дискурса, в котором функционирует данная жанровая модель.

Глава 2. PR-ДИСКУРС И БИОГРАФИЯ КАК ЕГО ЖАНР

2.1 Связи с общественностью и PR-дискурс

Связи с общественностью – это коммуникативная деятельность, относительно новая для российского контекста. Впрочем, это понятие довольно быстро закрепилось в языке, о чем свидетельствует, например, его толкование в словарях русского языка, ср.: паблик рилейшнз – «организация общественного мнения, совершенствование контактов в целях наиболее успешного функционирования предприятия (учреждения, фирмы) и повышения его репутации» [Комлев, 1995, с. 74].

В настоящее время существует множество определений связей с общественностью, которые существенно различаются с точки зрения опорных признаков (см., например, [Замятина, 2010]). При этом различия в подходах могут быть существенными. Довольно типично понимание связей с общественностью как отношений, что вытекает из смысла термина public relations, ср.: паблик рилейшнз – «некоммерческие отношения с общественностью, создание благоприятного мнения о производителе товаров или услуг не только среди потенциальных клиентов, но и у прессы, различных общественных организаций, выборных учреждений» [Борисов, 1999, с. 510]. Иногда связи с общественностью рассматривают не как сами коммуникации, а как процесс управления коммуникациями: «управление всей совокупностью коммуникативных процессов с целью достижения взаимопонимания и поддержки» [Векслер, 1999, с. 40]; «коммуникативная функция управления, посредством которой организации адаптируются к окружающей их среде, меняют (или же сохраняют) её во имя достижения своих организационных целей» [Аги, Кэмерон, 2004, с. 27-28]. Встречаются определения, в которых PR понимается как непосредственно «управление общественным мнением» [Ильинский, 2002, с. 49]. В некоторых определениях акцентируется не процесс, а результат PR-деятельности, ср.: PR – «независимое общественное мнение, сложившееся в результате

деятельности вашей фирмы, ее рекламы и благотворительных мероприятий» [Артемникова, 1995, с. 6].

Приведенные примеры достаточно красноречиво иллюстрируют, что среди специалистов нет единого понимания структуры PR-деятельности и ее наиболее важных аспектов. При этом, как будет показано далее в данной главе (см. п. 2.1.2), эти расхождения касаются более широкого набора признаков.

В качестве точки отсчета в рамках данной работы имеет смысл взять то, что связи с общественностью представляют собой особую коммуникативную деятельность, имеющую определенную цель, которую можно определить как формирование имиджа (подробнее см. п. 2.1.1). Именно такой подход может служить точкой отсчета для выделения PR-дискурса.

При этом необходимо подчеркнуть ведущую роль коммуникаций в PR. Связи с общественностью представляют собой особый род деятельности, которая является преимущественно коммуникативно-семиотической. Хотя в арсенале связей с общественностью имеются такие инструменты, как, например, мероприятия и праздники, все равно невозможно отрицать тот факт, что подобного рода инструменты используются коммуникативно, как средство воздействия на сознание аудитории с целью формирования имиджа (репутации) организации или публичного лица, ср.: в PR-дискурсе новости интересны «не сами по себе, а только как аргумент, подтверждающий декларируемую оценку» [Теоретические основы PR-риторики, 2014, с. 14-15]. «Событийные» инструменты связей с общественностью также типично используются для создания поводов для сообщений, то есть публикаций в СМИ. По этой причине выделение PR-дискурса как особого корпуса текстов, за которыми стоит набор дискурсивных правил, стратегий и целей, представляется совершенно естественным, причем этот дискурс имеет сложную, гетерогенную природу.

В последнее время появляется все больше и больше работ, в которых PR-дискурс рассматривается с лингвистических или близких позиций (см., например, работы [Алексеева, 2013; Казиева, 2012; Нечаева, 2014; Патюкова, Оломская, 2016; Русакова, Русаков, 2008; Селезнева, 2015 (а, б); Синельникова,

2013; Теоретические основы PR-риторики, 2014; Хахалева, 2013; Шефер, 2016]). Однако довольно часто в этих работах фактически пересказываются положения из теоретических и практических пособий по связям с общественностью, а некоторые моменты, важные с точки зрения языковых и коммуникативных аспектов PR-дискурса и их лингвистического анализа, остаются неосмысленными.

Одно из наиболее развернутых и фундаментальных определений PR-дискурса, по нашему мнению, предложили О. Ф. Русакова и В. М. Русаков в работе «PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ». Авторы выделяют три аспекта PR-дискурса: кратологический, семиотический и коммуникативный. В кратологической перспективе PR-дискурс определяется ими как «деятельность по производству и воспроизводству особой разновидности властного ресурса», обозначаемого понятием «социетальный капитал» [Русакова, Русаков, 2008, с. 79]. В целом под социетальным капиталом авторами понимаются символические и утилитарные ценности, используемые в рамках коммуникативных стратегий, направленных на достижение согласия в обществе (этим обусловлено использование термина «социетальный», используемого, когда речь идет об обществе в целом). В семиотической перспективе PR-дискурс предстает как «динамически активная знаковая система, формирующая единое смысловое поле в коммуникативном пространстве между организацией и группами общественности» [там же, с. 81]. Наконец, в коммуникативной перспективе PR-дискурс представляет собой «знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются взаимосвязанные функции: 1) функция формирования социетальных общественных отношений и 2) функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с поставленными стратегическими целями PR-коммуникации» [там же, с. 82].

В этом определении представляется важным, что PR-дискурс осмысливается как особая коммуникативная практика, направленная на гармонизацию отношений базисного субъекта PR с обществом в целом. Несмотря на

разнородность целевых аудиторий, с которыми приходится иметь дело в рамках связей с общественностью, и предпочтительность «точечного» воздействия на определенную группу с точки зрения текущих задач базисного субъекта PR, в пределе связи с общественностью действительно нацелены на формирование благоприятной среды для базисного субъекта, отношения внутри которой основаны на взаимном учете интересов и взаимопонимании.

2.1.1 Формирование имиджа как основная цель PR-дискурса

Основной дискурсивной целью связей с общественностью является формирование запланированного имиджа [Анисимова, 2013, с. 222].

Согласно сложившемуся пониманию, имидж – это «целенаправленно сформированный образ, который остается в сознании людей, их памяти» [Козьяков, 2005, с. 108], сознательно сконструированный образ субъекта, который «дает возможность связать его с важными для целевой аудитории ценностями и вызвать у нее отношение и впечатление, запланированное самим субъектом» [Анисимова, 2013, с. 222], «сознательно сформированный образ объекта, который наделяет его дополнительными ценностями и дает возможность продуцировать те впечатления об объекте, отношения к нему и оценки его, которые необходимы самому создателю» [Теоретические основы PR-риторики, 2014, с. 29]. Академик В.Г. Костомаров отмечал, что «правильным становится не факт, не норма, не прецедент, а достигнутый нормой ли, ненормой, антинормой, языком, жестом – любым путём – успех в игре, обеспечивающий людское отношение, мнение, оценку» [Костомаров, 2019, с. 49].

Всем приведенным определениям присущ ряд общих моментов. Во-первых, в них фиксируется ментальная, психическая природа имиджа: имидж – это образ в сознании. Во-вторых, имидж конструируется целенаправленно, то есть фактически представляет собой попытку контролировать процесс, в иных случаях протекающий стихийно. Этот момент также представляется важным, поскольку не существует ни организации, ни публичного лица, которые не имели бы образа,

– наличие этого образа необходимо вытекает из существования в публичном пространстве. Наконец, в-третьих, имидж существует в контексте ценностей целевой аудитории, что чрезвычайно важно при выработке PR-сообщений, которые должны учитывать ценностный контекст, то есть те ценности, которые существуют в сознании целевых аудиторий. Ср.: формирование имиджа «происходит не в абстрактной среде, а в сознании определённой целевой аудитории, и данный процесс необходимо проводить целенаправленно, чтобы сформировать именно тот лояльный контингент, с высоким уровнем доверия к человеку, продукции или услугам фирмы, государству» [Спешилова, 2014, с. 242].

Имидж можно представить как эмоционально-образное послание [Ольшанский, 2003, с. 288]. Хотя средства формирования имиджа многообразны, он имеет особое языковое измерение. В текстовом плане можно выделить 1) Я/МЫ-концепцию, 2) смысловое ядро, которое, как правило, неявно, 3) внутренний и внешний контекст имиджа, которые формируются отношениями между деталями самого имиджа и отношением имиджа к культурно-историческим, социально-политическим и т. п. контекстам соответственно, 4) контекст конкурентного соперничества [Казиева, 2016].

Формирование имиджа в PR достигается за счет такого качества предоставляемой информации, как селективность. Информация в связях с общественностью подвергается строгому отбору, что обусловлено потребностями воздействия. Адресату PR-сообщения предоставляется только такая информация, которая способна сформировать в его сознании ассоциации и выводы, желательные для базисного субъекта PR-сообщения [Горячев, 2015, с. 78].

Представляется справедливой мысль о том, что имидж может либо опираться на реальные черты субъекта, либо искусственно моделироваться [Анисимова, 2013, с. 222]. Этот момент является определяющим: в силу этого для PR-дискурса и PR-деятельности в целом характерна «инсценируемая прагматика», которая проявляется как «создание искусственных событий, ситуаций, новостей; опережение оценок, их приписывание гипотетическому

адресату» [Синельникова, 2013, с. 60]. С другой стороны, многие авторы подчеркивают, что PR-деятельность предполагает опору на достоверную, правдивую информацию [Блэк, 1990, с. 17].

Таким образом, PR-дискурс представляет собой коммуникативную деятельность, основной целью которой является формирование имиджа некоторой организации или некоторого публичного лица. Такая формулировка позволяет обобщить различные определения PR, подчеркнув, что и сами коммуникации, и управление ими, и даже их результат определяются намерением сформировать имидж. По нашему мнению, именно эта обобщенная цель лежит в основе корпуса PR-текстов, а также их жанровых типов, которые либо были созданы для достижения данной цели, либо были заимствованы и адаптированы с ее учетом. Кроме того, эта цель определяет особенности коммуникативной структуры PR-дискурса, то есть характера и организации коммуникативных потоков, характерных для связей с общественностью.

2.1.2 Особенности коммуникативной структуры PR-дискурса

В современной практике связей с общественностью для формирования имиджа используются, пожалуй, все доступные средства. Поэтому в лингвистическом контексте представляется важной мысль Т. С. Алексеевой, которая выделяет два плана PR-дискурса: экстралингвистический план представлен «совокупностью элементов PR-деятельности», собственно лингвистический план – используемыми языковыми средствами и корпусом PR-текстов [Алексеева, 2013, с. 109]. При этом необходимо добавить, что роль языковых средств и текстов (в собственном смысле слова) из-за изменения коммуникационных условий в настоящее время трансформируется, поскольку в PR-коммуникациях усиливается визуальное и аудиальное начало [Бузинова, 2015; Оломская, 2010]. Нельзя списывать со счетов и тот факт, что в связях с общественностью традиционно используется коммуникативный потенциал самого разного рода событий (праздников, конкурсов, лотерей и т. д.), которые,

с одной стороны, намеренно создаются как новостные поводы, а с другой – сами по себе являются средствами привлечения внимания и воздействия на сознание целевых аудиторий. Возможно, в силу активного взаимодействия языковых и неязыковых знаков в современных связях с общественностью указанная классификация должна быть дополнена невербальным семиотическим планом. Тем не менее, представление о PR-дискурсе как корпусе текстов, который связан с экстралингвистическими явлениями, представляется абсолютно верным.

Для связей с общественностью характерна не совсем обычная организация коммуникации. Во-первых, эти особенности обусловлены тем, что PR-коммуникации являются массовыми: потенциально они направлены на общество в целом, однако в рамках конкретных PR-кампаний могут выделяться отдельные, особо значимые целевые аудитории. Во-вторых, в PR-дискурсе особым образом организована субъектная сторона, которая характеризуется неоднородностью. Рассмотрим эти два момента, начав с субъектной стороны PR-дискурса.

1. Неоднородность субъектной стороны PR-дискурса традиционно осмысляется как расщепление базисного субъекта PR, в пользу которого осуществляются PR-коммуникации и который выступает как заказчик / инициатор этих коммуникаций, и технологического субъекта PR, который осуществляет PR-коммуникации, то есть является исполнителем [Кривоносов и др., 2010, с. 34-35].

Неоднородность субъектной стороны PR-дискурса учитывается и в других его описаниях. Например, А. Ю. Хахалева выделяет следующих основных участников PR-ситуации: 1) заказчика (организацию или руководящее лицо, которые выступают в качестве инициатора установления отношений с целевой аудиторией), 2) посредника (PR-специалиста или группу специалистов, которые разрабатывают и реализуют PR-кампанию и могут как быть сотрудниками организации, так и привлекаться со стороны) и 3) целевую аудиторию (адресата PR-коммуникаций, который может быть представлен и мировой общественностью, и довольно узкими группами, выделяемыми на

основании различных признаков) [Хахалева, 2013, с. 84]. Д. А. Казиева говорит об «обобщенном субъекте коммуникации» PR-дискурса, субъекте, который включает и заказчика, и автора/авторов PR-сообщения [Казиева, 2015, с. 72], то есть фактически объединяет заказчика и исполнителя (посредника). Такой подход представляется допустимым, поскольку в нем учитывается расщепление субъектной стороны PR-дискурса на заказчика/инициатора и исполнителя, которые в контексте PR действительно функционируют как единое целое.

Необходимо добавить, что это расщепление для PR-дискурса является общим правилом. Отчасти это обусловлено сложностью как самих коммуникаций, так и деятельности организаций в целом, которая предполагает специализацию и делегирование отдельных функций. С другой стороны, нельзя не учитывать, что PR-коммуникации всегда являются дополнением к основной деятельности базисного субъекта PR, причем они выполняют инструментальную функцию, облегчая тем самым осуществление этой основной деятельности.

В силу неоднородности субъектной стороны для PR-дискурса характерно такое явление, как скрытое или мнимое авторство. Под скрытым авторством понимается отсутствие подписи, в результате чего текст воспринимается как исходящий от некоего обезличенного субъекта; под мнимым авторством понимается то, что текст подписывается именем должностного лица, однако создается другим человеком [Кривоносов, 2000; Кривоносов и др., 2010, с. 198; Петрягина, 2011].

Еще одно проявление неоднородности субъектной стороны PR-дискурса заключается в том, что в качестве базисного субъекта PR могут выступать как отдельные индивиды (публичные лица), так и общности (социальные общности, организации и институты). В значительной части определений этот момент не учитывается, однако некоторые авторы указывают на него прямо в своих определениях и суждениях [Кривоносов и др., 2010, с. 35-36; Чумиков, Бочаров, 2003, с. 16].

Этот критерий иногда оказывается особенно значимым в силу того, что PR-кампании, осуществляемые в пользу публичных лиц или организаций,

предполагают использование разных наборов коммуникационных инструментов либо разные способы использования одних и тех же инструментов. Это различие можно проиллюстрировать на примере PR-биографии: если в PR публичного лица биографические тексты могут играть ведущую роль, поскольку являются идеальным средством формирования индивидуализированного образа, то в PR организаций их функции неизбежно являются вторичными и вспомогательными. Например, в последнем случае биографические тексты могут представлять первых лиц организации или значимых участников PR-мероприятий, однако в любом случае на них не будет падать основной акцент.

Наконец, нельзя не упомянуть типичность для PR-коммуникаций коллективного авторства. Об анонимном и коллективном авторстве бренда пишет М. В. Левашов, отмечая, что этот автор имплицитен и, как правило, неважен потребителю [Левашов, 2012, с. 216-217].

2. Целевая аудитория в связях с общественностью также неоднородна. По всей видимости, существует множество способов описания дифференциации целевых аудиторий. Например, по мнению Д. А. Казиевой, потенциальные реципиенты PR-дискурса могут быть дифференцированы на основе гендерного, возрастного и социального критериев [Казиева, 2015, с. 78; Хахалева, 2013, с. 84].

Однако более важным является различие в тех функциях, которые выполняют аудитории. Прежде всего, с точки зрения базисного субъекта PR существуют аудитории, в которых он максимально заинтересован (потенциальные потребители товаров или услуг, потенциальные избиратели и сторонники, общественные организации, государственные органы и т. д.), а также внешние структуры, которые облегчают доступ к этим целевым аудиториям. В теории PR первую совокупность обычно называют «внешней общественностью», вторая совокупность представлена журналистами и СМИ.

Поскольку отличие PR от рекламы заключается в том, что PR-специалист добивается бесплатного распространения информации благодаря ее актуальности, отношения с журналистами и СМИ в системе PR-коммуникаций играют чрезвычайно важную роль. Иногда эту составляющую связей с общественностью

выделяют в самостоятельный блок, называемый «медиа-рилейшнз», и определяют как «систему коммуникаций между организацией и производителями медиа-информации (журналистами), направленную на осуществление перевода PR-посланий (мессиджей), исходящих от организации, на языки и формы медийной репрезентации» [Русакова, Русаков, 2008, с. 214].

Конкретным выражением особого внимания со стороны PR-специалистов к СМИ является то, что PR-дискурс выработал множество текстовых и событийных инструментов для взаимодействия с прессой. Такие жанры, как пресс-релиз, приглашение, бэкграундер, лист вопросов-ответов, факт-лист, биография, заявление для СМИ, в подавляющем большинстве случаев ориентированы именно на журналистов (что касается биографии, то этот жанр интерпретируется именно так во многих источниках, см. п. 2.2.3 данной главы). Среди событий, которые проводятся специально для журналистов, можно назвать пресс-конференцию и пресс-тур.

Это находит отражение и в теоретическом осмыслении жанровой системы PR-текстов, где типично противопоставляются PR- и медиатексты [Плигина, 2014, с. 192]. Под медиатекстами понимают «PR-тексты, исходящие по инициативе базисного субъекта PR, подготовленные сотрудниками PR-структур или самими журналистами, распространяемые исключительно через органы СМИ» [Кривоносов и др., 2011, с. 221]. Медиатекст в PR – это текст «прямого действия», который адресован непосредственно целевым аудиториям, и в этом состоит отличие таких материалов от PR-текстов в собственном смысле слова, адресованных журналистам. Неравноценность этих двух групп текстов осмысливается как их «конвертируемость», поскольку «зачастую PR-тексты служат материалом для создания PR-текстов и наоборот» [Алексеева, 2013, с. 112].

Значимость прессы для связей с общественностью не стоит преуменьшать. Во-первых, на определенном этапе именно СМИ являлись максимально эффективными каналами доставки PR-сообщений до целевых аудиторий. В наши дни в силу активного развития интернета это положение несколько изменилось, поскольку у базисных субъектов PR появилось гораздо больше возможностей для

эффективного непосредственного обращения к целевым аудиториям. Однако это не означает, что СМИ как особый канал утратили значимость для связей с общественностью. Как отмечают И. А. Быков и О. Г. Филатова, в наши дни в практическом и теоретическом осмыслении коммуникаций с общественностью наблюдается акцент на непосредственном общении с конкретными потребителями, которое осуществляется преимущественно посредством интернета, но это не означает, что от традиционных средств воздействия через СМИ связи с общественностью отказались [Быков, Филатова, 2011, с. 233]. Опираясь на статистические данные, авторы приходят к выводу, что в связях с общественностью обращение к целевым аудиториям по-прежнему осуществляется преимущественно через СМИ [там же, с. 234-235]. Одна из причин того, почему интернет не является универсальным каналом, заключается в том, что его аудитория не является однородной в возрастном отношении. В соответствии с имеющимися статистическими данными, доля пользователей интернета среди молодежи до 25 лет составляет 91%, тогда как среди людей старше 55 лет она едва достигает четверти и составляет 23% [Спешилова, 2014, с. 243].

Во-вторых, значимость взаимодействий со СМИ в связях с общественностью обусловлена стремлением к максимизации достоверности сообщения в глазах представителей целевой аудитории. Мнение, которое высказывает журналист, с большей вероятностью будет воспринято как независимое, а потому заслуживающее большего внимания и доверия, чем прямое обращение, поскольку существует иллюзия, что журналист объективен. Этот момент представляется особенно важным в силу специфики PR-дискурса. Воздействие PR-текста никогда не является прямым, что отличает его, например, от рекламных текстов: «Правильно построенный PR-текст не должен содержать никаких формальных приемов, наводящих на мысль о стремлении автора повлиять на мнение или поведение адресата» [Теоретические основы PR-риторики, 2014, с. 72], ср. также характеристику PR как косвенного воздействия у Г. Г. Почепцова [Почепцов, 2002, с. 40].

Однако PR редко ограничивается исключительно обращением к внешним аудиториям. Еще одна важная целевая аудитория PR-коммуникаций представлена «внутренней общественностью», то есть сотрудниками организации. В подавляющем большинстве определений связей с общественностью отношение с внутренними аудиториями не учитываются вообще (либо предлагаются слишком общие формулировки, не исключающие такой возможности, но и не обозначающие ее прямо). Исключения из этого правила немногочисленны (см., например, [Чумиков, 1998, с. 14; Шомели, Уисман, 2003, с. 10]).

Тем не менее, связи с внутренней общественностью обладают собственной спецификой и могут занимать особое место в PR-деятельности. В частности, здесь стоит упомянуть такое средство PR, как внутрикорпоративные издания. Их доминирующей функцией является управление персоналом посредством относительной неформальной коммуникации, направленной на эффективное информирование, консолидацию и мобилизацию сотрудников при решении корпоративных задач [Мурзин, 2005, с. 96]. Внутрикорпоративные издания также рассматриваются как инструмент формирования корпоративной культуры [Лапина, 2004, с. 9]. Очевидно, что коммуникации внутри и вне организации преследуют принципиально разные цели, что влечет за собой различия в содержании сообщений, в каналах их распространения, а также жанровых, прагматических и прочих характеристиках распространяемых текстов.

Примечательно, что в случае внутрикорпоративных PR-коммуникаций специалисты по связям с общественностью занимают позицию между руководством организации и ее сотрудниками. Другими словами, граница между адресантом-заказчиком и адресатом проходит внутри организации. Это не только подтверждает базисный характер трехкомпонентной схемы коммуникации в PR (заказчик – исполнитель – общественность), но и показывает, что базисным субъектом PR нельзя считать исключительно организацию, причем не только потому, что в этой роли может выступать публичное лицо, но и потому, что в этой роли может выступать руководство организации. Кроме того, этот подход подчеркивает автономность связей с общественностью как социального института

(см. п. 2.1.3), не сливающегося ни с заказчиком, который преследует цели гораздо более широкие, чем коммуникации с общественностью, ни тем более с целевыми аудиториями, которые с точки зрения PR-дискурса являются лишь объектом воздействия.

Хотя аудитория, на которую направлен текст, в теории связей с общественностью нередко оказывается значимым типологическим признаком, нельзя сказать, что этот признак является универсальным и действует применительно ко всем PR-текстам. Для связей с общественностью довольно типичны случаи, когда PR-текст адресован нескольким целевым аудиториям одновременно. Например, Е. С. Плигина перечисляет группы, которым может быть адресован годовой отчет (акционеры, партнеры, клиенты, инвесторы, сотрудники компании, средства массовой информации), и отмечает, что годовой отчет «может быть направлен как на внешнюю, так и на внутреннюю общественность» [Плигина, 2014, с. 193]. Это позволяет поставить вопрос о «многоцелевых» PR-текстах – категории, которая, если судить по исследованной литературе, в теории связей с общественностью специально не выделяется.

Таким образом, аудитории организации можно разделить на три основные категории: 1) внешнюю общественность, то есть всех людей, которые не имеют непосредственного отношения к базисному субъекту PR, но так или иначе могут быть затронуты ею; 2) внутреннюю общественность, то есть сотрудников организации, и 3) прессу, которая в некоторых обстоятельствах может выступать в качестве посредника между базисным субъектом PR и его целевыми аудиториями.

2.1.3 PR-дискурс как проявление социального института

Как уже указывалось (см. п. 1.2.1 данной работы), для современного анализа дискурса характерно внимание к связи, которое существует между

коммуникациями и создаваемыми в их рамках сообщениями, с одной стороны, и социальными институтами – с другой.

По мнению Л. Н. Синельниковой, PR-дискурс обладает целым рядом признаков, которые позволяют считать его институциональным. Согласно ее мнению, PR-дискурс является статусно-ориентированным (организует отношения между организацией и целевыми аудиториями), имеет стратегическую цель (направлен на создание положительного впечатления через управление коммуникативными процессами) и располагает системой PR-текстов. Кроме того, важными являются такие признаки, как распространенность соответствующей профессии, существование образовательных структур, инструментов регуляции и саморегуляции PR-деятельности, наличие комплекса апробированных на практике методов и процедур, теоретическое и практическое осмысление PR-деятельности [Синельникова, 2013, с. 58]. К проявлениям институционализации также следовало бы отнести высокий уровень специализации среди PR-специалистов, то есть наличие таких частных специализаций, как спиндоктор, брендменеджер, копирайтер, event-менеджер [там же, с. 59].

В целом с этим положением, а также подтверждающими его фактами можно согласиться. Единственный момент, который вызывает возражения, связан со статусной ориентированностью PR-дискурса. Обращает на себя внимание, что, в отличие от других признаков, этот признак не присутствует в перечне признаков PR как социального института, предлагаемом авторами учебника «Основы теории связей с общественностью» [Кривоносов и др., 2012, с. 58]. Дело в том, что отношения между базисным субъектом PR и его аудиториями (адресатами), как правило, не являются статусно-ролевыми, а сами PR-коммуникации вряд ли являются инструментом установления статусно-ролевых отношений, по крайней мере, по преимуществу (аналогичные мысли высказывает Е. А. Нечаева [Нечаева, 2014, с. 59]). С другой стороны, эти отношения не всегда можно считать персональными, а потому возникает очень важный вопрос об их природе, который, впрочем, выходит за пределы объекта данной работы.

Более справедливым представляется утверждение об институционализации самого PR-сообщества, которая, в частности, проявляется в наличии коммуникаций внутри этого сообщества [Селезнева, 2015 (б)]. С этой точки зрения представляется важным, что институт связей с общественностью представлен профессионалами и их объединениями; и клиенты (организации, общности, публичные персоны и т. д.), и аудитории, к которым осуществляется обращение, являются внешними по отношению к данному институту. В этом случае функция института связей с общественностью может быть определена как посредничество между отдельными субъектами публичного пространства (в пределе – между некоторыми субъектами этого пространства и остальным обществом в целом).

В п. 1.2.3 данной работы была упомянута теория дискурсивных сообществ Дж. Суэйлза, которая опирается на представление о том, что любое дискурсивное сообщество для решения стоящих перед ним задач вырабатывает совокупность речевых жанров. Структура PR-дискурса в этом отношении обладает некоторыми специфическими чертами. В частности, типовые цели PR-дискурса целиком связаны с воздействием на сознание целевых аудиторий. PR-дискурс в таком понимании не предполагает коммуникации между членами дискурсивного сообщества PR-специалистов. Однако наряду с потоком PR-текстов, предназначенных для целевой общественности или СМИ, являющихся посредником между базисным субъектом PR и его целевыми аудиториями, существует совокупность текстов, которые функционируют внутри сообщества PR-специалистов. Это тексты, в которых осуществляется регламентация PR-деятельности, а также обмен опытом и теоретическими наработками, важными с точки зрения эффективного функционирования социального института связей с общественностью.

Таким образом, в рамках связей с общественностью как социального института должно быть выделено, как минимум, два коммуникативных потока, которые различаются своей функцией: PR-тексты, создаваемые по заказу и функционирующие в публичном пространстве, и тексты, удовлетворяющие

внутренние потребности института связей с общественностью (то есть тексты, направленные на регуляцию и саморегуляцию PR-деятельности, передачу теоретических представлений, практического опыта и т. д.) И первый, и второй типы текстов в одинаковой степени важны. Второй тип текстов выполняет метаязыковую (одновременно описательную и предписывающую) функцию, поскольку напрямую выражает категории и целеполагание, которые стоят за любой PR-деятельностью. Первый тип текстов, то есть PR-сообщения в собственном смысле слова, несут на себе отпечаток категорий и целеполагания, характерных для PR-деятельности, хотя этот отпечаток не всегда выражен явно.

Этим двум коммуникативным потокам свойственна общность. Дело в том, что, несмотря на качественное различие внутренних коммуникаций PR-сообщества и PR-сообщений, создаваемых в процессе посредничества между базисным субъектом PR и его целевыми аудиториями, реальным субъектом сообщений в обоих случаях выступает само PR-сообщество в виде отдельных его представителей – специалистов, PR-подразделений организаций или самостоятельных организаций, оказывающих PR-услуги.

2.2 PR-биография как компонент жанровой системы PR-дискурса

Границы PR-дискурса в широком понимании вряд ли можно провести совершенно четко, поскольку внешние коммуникативные потоки связей с общественностью реализуются в основном в текстах массовой коммуникации. А это приводит к тому, что многие тексты, принадлежащие к PR-дискурсу, совмещают в себе признаки, обусловленные особенностями различных коммуникативных сфер. С одной стороны, массовая коммуникация модифицируется под воздействием маркетинговых и PR-коммуникаций: «...система коммуникаций интегрирует иные коммуникационные потоки, в частности маркетинговые, которые не просто вливаются в массовую коммуникацию, а активно влияют на ее характер в современных условиях» [Горохов, Гринберг, 2002, с. 61]. С другой стороны, PR-тексты всегда создаются

в контексте существующих массовых дискурсов и жанровых систем, а потому их авторы вынуждены учитывать существующий коммуникативный контекст: «массово-коммуникативные каналы были сформированы изначально для распространения актуальной информации и создания объективной картины действительности с помощью публицистики, другие типы медиатекстов вынуждены ассимилировать к сложившейся среде» [Щелкунова, 2004, с. 64].

При этом данное взаимодействие нельзя осмыслить исключительно как мимикрию PR-текстов. В традиционных жанрах массовой коммуникации изначально заложен определенный PR-потенциал. Нельзя не согласиться с А. В. Аксеновой и Т. В. Анисимовой, которые указывают на высокий PR-потенциал речевых жанров газетных (репортаж, очерк, корреспонденция и т. п.), телевизионных (интервью, беседа, информационное сообщение и т. п.), ораторских (заявление, поздравительная, совещательная речь, выступление на митинге) [Аксенова, Анисимова, 2014, с. 21]. В свою очередь, это ведет к тому, что существующие жанровые формы массовой коммуникации более или менее заметно модифицируются под влиянием целей, характерных для связей с общественностью.

Функционирование речевого жанра биографии в контексте PR предоставляет языковой материал, который позволяет более подробно рассмотреть взаимодействие PR-дискурса с внешними по отношению к нему дискурсивными практиками. Во-первых, жанр биографии заимствуется PR-дискурсом и адаптируется к его целям и задачам. Во-вторых, такое заимствование, как правило, облегчает адаптацию PR-дискурса к существующей коммуникативной среде, поскольку речевой жанр биографии представляет собой тип высказывания, хорошо знакомый носителям языка. Наконец, в-третьих, в силу привычности речевого жанра биографии создает возможности для косвенного воздействия на сознание целевых групп, которое в высшей степени характерно для связей с общественностью.

2.2.1 Основные признаки и структурно-содержательные особенности PR-биографии в современной теории связей с общественностью

Определения PR-биографии, которые мы обнаруживаем в специальной литературе, довольно лаконичны и однородны. Как правило, в них акцентируется фактологическое начало данного жанра, ср.: биография – «специальный документ, содержащий фактическую информацию о конкретном человеке» [Данилина и др., 2008, с. 160]; «основная фактическая информация о конкретном человеке» [Игнатъев, Бекетов, 2004, с. 141]; «жанр PR-текста, представляющий опорную фактическую информацию о должностном лице организации, фирмы или социально значимой персоне» [Огнева, 2014, с. 78]; «опорная фактическая информация о конкретном человеке» [Чумиков, 2001, с. 122];

В отдельных случаях подчеркивается, что информация, содержащаяся в биографии, служит для презентации личности, ср. определение биографии как жанра, дающего опорную селективную биографическую информацию о должностном лице базисного субъекта PR [Кривоносов и др., 2012, с. 214]. В этом определении важен признак селективности, то есть то, что информация отбирается с целью максимально выгодного представления лица.

Приведенные определения PR-биографии напрямую отсылают к такому признаку биографии, как соотнесенность с конкретным человеком, который был выявлен в главе 1 данного исследования. Что касается биографической перспективы и хронологического принципа организации материала, то этот признак в теории связей с общественностью присутствует имплицитно, о чем свидетельствуют отдельные суждения о структуре и содержании биографии, а также приводимые иллюстрации.

Биография в связях с общественностью иногда относится к информативным жанрам PR [Огнева, 2014]. Такое понимание биографии выглядит закономерным, однако нуждается в корректировке. В частности, если исходить из того, что «побуждающие тексты призваны в большей степени воздействовать на эмоциональную сферу человека, в то время как информативные, разъясняющие

и сравнительные – на рациональную сферу» [Кривоносов, 2002, с. 79], то такое понимание кажется оправданным. Однако в контексте связей с общественностью информирование не представлено в чистом виде – оно подчинено цели воздействия на сознание целевых аудиторий, их убеждения. Именно поэтому включение признака селективности информации в определение жанра биографии позволяет подчеркнуть тот факт, что PR-биография нацелена на корректировку представлений и поведения целевой аудитории.

Селективность, оценочность, направленность на воздействие – это потенциальные качества биографии, которые в контексте связей с общественностью только усиливаются. Если для биографии вне контекста связей с общественностью вполне естественно стремление к отображению реального образа лица, то биография как жанр PR предполагает намеренное, осознанное, целенаправленное формирование в сознании читателя положительного образа некоторого человека. Например, авторы пособия «Политическая реклама» отмечают, что в политической PR-биографии «значительное место отводится “ценным качествам” политика, которым он не изменил, несмотря на все “сложные повороты судьбы”» [Егорова-Гантман, Плешаков, 1999, с. 67]. Еще одно проявление селективности информации в PR-биографии – это ее согласованность с ситуацией, контекстом, в котором она функционирует, ее соответствие решаемой задаче. Тривиальным примером может служить биография кандидата на губернаторских выборах, которая непременно должна содержать факты, доказывающие, что биографируемое лицо является хорошим хозяйственником или администратором, имеет опыт хозяйственной/административной деятельности, обладает лидерскими качествами, знаниями, необходимыми для эффективного исполнения обязанностей.

В исследованиях и практических пособиях уделяется внимание содержательному аспекту биографии. Основным содержанием PR-биографии считаются наиболее важные события в жизни биографируемого лица (сведения об образовании, трудовой опыт и занимавшиеся лицом должности, научные,

производственные и прочие достижения, награды и т. д.) [Иванова, 2005, с. 66]. При этом признается допустимым небольшое количество неформальной информации (сведений о жизненных принципах, хобби и т. п.) [Кривоносов, 2001, с. 79; Кочеткова, Тарасов, 2009, с. 119], хотя эта информация не является ни обязательной, ни типичной для стандартной PR-биографии [Иванова, 2005, с. 66]. Предполагается, что информация последнего рода делает образ биографируемого лица более персонализированным и приближенным к читателю.

Для биографии как PR-жанра характерна стандартизированная подача информации, что выражается в использовании типичных смысловых блоков: презентационная информация, образование, карьера, награды, семейное положение и т. д. [Кривоносов и др., 2012, с. 219]. Как уже указывалось, в некоторых ситуациях, например, при наличии необходимости представить лицо общественности в менее формальном свете, в биографию может включаться информация о хобби и увлечениях.

В контексте PR биография часто функционирует как часть более сложных текстов (пресс-кит, то есть подборка для прессы). Однако сама по себе биография типично представляет сложный (креолизованный) текст, включающий не только вербальное начало. PR-биография обычно сопровождается фотографией или фотографиями [Кочеткова, Тарасов, 2009, с. 119], причем желательно, чтобы это были фотографии в различной обстановке [Данилина и др., 2008, с. 60; Игнатъев, Бекетов, 2004, с. 114-115]. Это решение кажется естественным в силу того, что основная цель биографии заключается в представлении конкретного лица.

В данной работе под PR-биографией будет пониматься PR-текст, который 1) представляет некоторую личность в перспективе ее жизненного пути, 2) распространяется от имени этой личности или от имени коллектива, к которой личность принадлежит, и 3) распространяется с целью выгодного для базисного субъекта PR воздействия на массовое сознание, как правило, заключающегося в формировании или корректировке образа этого субъекта. По нашему мнению, PR-биографией в строгом смысле слова является любой текст, который удовлетворяет этим трем признакам.

В частности, это является важным с точки зрения отбора материала для исследования. В настоящее время в пространстве массовых коммуникаций имеется множество биографий знаменитостей. Можно упомянуть такой ресурс, как «Википедия», который, будучи по своему замыслу справочно-энциклопедическим, в силу свободного доступа и возможности создавать статьи всем желающим наверняка используется для решения задач в области связей с общественностью. Кроме того, существует множество справочных и развлекательных порталов, на которых также публикуются биографии знаменитых людей. Среди них можно назвать «Политики России» (<http://politiki-rossii.ru/>), биографические разделы на информационных порталах «Узнай все» (<http://www.uznayvse.ru/znamenitosti/>), «Образовака» (<http://obrazovaka.ru/biografii>) и других подобных ресурсах. PR-природу материалов, публикуемых на подобных сайтах, нельзя исключить, хотя их появление можно объяснить стремлением удовлетворить потребность пользователей интернета в знакомстве с биографиями знаменитостей.

Опубликованная на подобном ресурсе биография может быть признана PR-текстом только при условии очевидной связи с материалом, распространяемым от имени некоторого публичного лица или организации, с которой это лицо связано. Впрочем, даже частичное или полное текстуальное совпадение не является доказательством того, что биография была размещена на аналогичном портале в рамках PR-кампании, поскольку авторы ресурса могли использовать официально распространяемый текст самостоятельно, без ведома его авторов или героя. Об использовании сторонних информационных ресурсов интернета в рамках связей с общественностью правомерно говорить, пожалуй, только при наличии ссылки с сайта публичного лица на подобный ресурс. Например, такая ссылка на «Википедию» имелась на сайте певца Игоря Григорьева, причем текст биографии на сайте совпадал с текстом биографии в статье «Википедии», однако впоследствии она была удалена.

2.2.2 Статус биографии в PR-дискурсе

С генетической точки зрения все жанры PR можно разделить на две группы: 1) жанры, возникшие в контексте PR-коммуникаций и обслуживающие их специфические потребности (пресс-релиз, бэкграундер, факт-лист и под.), и 2) жанры, которые были заимствованы PR-дискурсом из других сфер коммуникации. Биография (наряду с поздравлением, приглашением, письмом, поздравительной речью) представляет собой речевой жанр, который принадлежит ко второй группе. В частности, именно поэтому вопрос о трансформации жанровой модели биографии в контексте PR-дискурса представляется обоснованным.

В связи с этим делением обращает на себя внимание тот факт, что в специальной литературе представления и рекомендации, касающиеся PR-биографии, достаточно слабо разработаны. Примечательно, что в некоторых источниках, подробно описывающих PR-жанры, биография упоминается, но для нее не выделяется особого раздела [Кочеткова, Тарасов, 2009], в остальных случаях анализ этого жанра является довольно поверхностным и затрагивает не столько структуру текста, сколько специфику использования PR-биографии. При этом авторы ограничиваются минимальным анализом формы PR-биографий, а иногда ограничиваются лишь примерами подобных текстов.

Довольно слабая разработанность представлений о жанре биографии в работах по PR является, по меньшей мере, странной. Дело в том, что при этом игнорируется тот эмпирически очевидный факт, что PR-биография является одним из центральных жанров в связях с общественностью публичного лица (политика, музыканта, писателя и т. д.), поскольку биографический текст является не только широко используемой и привычной, но и естественной формой речевого представления человека. Хотя для создания качественного биографического описания, по большому счету, достаточно общих журналистских навыков, отсутствие в практических пособиях по связям

с общественностью указаний на возможность и желательность творческого применения данной жанровой модели представляет собой существенный пробел.

В целом такая лаконичность в заметно меньшей степени характерна для рассмотрения других жанров PR. И это свидетельствует о том, что биография осознается как привычный, знакомый жанр. Это представляется естественным на фоне таких жанров, как пресс-релиз или бэкграундер, которые возникли в рамках PR-дискурса и существуют исключительно в них. В случае с биографией предполагается, что, во-первых, PR-специалист интуитивно знаком с существующими биографическими жанровыми формами и может их без труда воспроизвести, а во-вторых, в связях с общественностью эти формы используются напрямую, не подвергаясь какой-либо существенной модификации.

Об устойчивости жанровой модели биографии в контексте PR-дискурса также свидетельствует само выделение этого жанра. Биография часто противопоставляется информационному письму (бэкграундеру), в котором описывается организация, а также ее деятельность, товары или услуги [Данилина и др., 2008, с. 60]. При этом между этими жанрами имеется довольно большое сходство, важное в перспективе PR-деятельности. Во-первых, они в одинаковой степени предназначены для представления неактуальной информации, формирующей фон некоторого события. Во-вторых, форма бэкграундера допускает хронологический принцип изложения информации: бэкграундер может принимать форму истории организации, подразделения или любого другого объекта, хотя хронологический принцип не является для него обязательным.

Разграничение биографии и бэкграундера основано на различных объектах и способах изображения. Можно утверждать, что у биографии объектом изображения является конкретное лицо в перспективе его жизненного пути, тогда как для бэкграундера определяющими являются такие признаки, как преимущественная соотнесенность с любыми явлениями, кроме конкретных личностей, и/или необязательность хронологического принципа организации материала. Причем в случае с бэкграундером эти признаки находятся в отношении дизъюнкции, то есть текст может быть охарактеризован, как

бэкграундер, если он обладает хотя бы одним из них. Другими словами, мы можем представить текст, который соотносится с конкретным лицом, но содержательно организован не в соответствии с биографическо-хронологическим принципом, и с точки зрения принятого в настоящее время осмысления жанровой системы PR этот текст должен быть охарактеризован как бэкграундер (или, возможно, факт-лист, если текст не является связным).

Хотя и биография, и бэкграундер могут строиться на основе хронологического принципа и в одинаковой степени предоставляют неактуальную, фоновую информацию, в специальной литературе использование термина «бэкграундер» вместо термина «биография» или сочетания «биографический бэкграундер» практически не фиксируется, хотя семантически это было бы уместно. Единственное исключение из этой общей тенденции – мнение С. В. Пономарева, который рассматривает биографию как частный случай бэкграундера: «Формат бэкграундера или факт-листа может использоваться для предоставления любой сопровождающей и окружающей событие информации – от биографий руководства, истории компании до анализа сегмента рынка или законодательных аспектов той или иной деятельности» [Пономарев, 2001, Электронный ресурс]. Этот подход с точки зрения PR не кажется лишенным смысла, поскольку, с одной стороны, позволяет объединить в одну категорию большую группу формально сходных текстов, различающихся лишь своим содержательным наполнением, а с другой – учитывает функциональную нагрузку данного типа текстов, их вторичность, вспомогательный характер, а точнее всего – дополнительность по отношению к PR-жанрам, в которых сообщается оперативная, актуальная, событийная информация.

Однако такое решение вряд ли является оптимальным. Во-первых, при таком подходе вряд ли можно опереться на привычность биографической формы. Характеристика текста как биографии ясна и создателю такого текста, и его потенциальному адресату, тогда как выражение «биографический бэкграундер» представляется сложным для восприятия и интуитивно менее ясным. Во-вторых, в результате понятие бэкграундера оказывается крайне размытым

и неопределенным, соотнесенным с чрезвычайно широким набором разнородных текстов, что нецелесообразно с практической точки зрения (например, в контексте обучения будущих специалистов).

В целом это можно осмыслить как своеобразную «инородность» биографии для системы PR-жанров, конструируемой по преимуществу осознанно. Такие жанры, как пресс-релиз или бэкграундер, которые возникли в контексте PR-дискурса, самым тесным образом связаны с типичными ситуациями PR-коммуникаций, а их функциональная нагрузка может быть однозначно определена (например, относительно противопоставления актуальной, то есть новостной, и фоновой, то есть вспомогательной, дополняющей, информации). Биография не вписывается в эту систему однозначно, что, в частности, приводит к тому, что термин «биография» соотносится с четко определенной группой текстов, обладающих ярко выраженными признаками, тогда как дополняющий его термин «бэкграундер» обозначает гораздо более размытую, широкую категорию текстов, более разнородных с точки зрения их смысловых, структурных, формальных свойств и выделяемых преимущественно на основе своей функциональной нагрузки («вспомогательность»).

Таким образом, на основании анализа специальной литературы можно прийти к выводу, что жанровая модель биографии в связях с общественностью не только широко используется, но и осознается как самостоятельная единица жанровой системы. Эта автономность биографии в системе жанров PR обусловлена в первую очередь широкой распространенностью данной жанровой модели вне PR-дискурса, откуда эта жанровая модель заимствуется. Однако о том, что биография – это жанр, заимствованный связями с общественностью, явно свидетельствуют некоторые существенные признаки: относительная скупость описания формальных и содержательных особенностей данного жанра, особое положение биографии в классификациях PR-жанров, а также невозможность определения PR-биографии исключительно на основе ее функции в рамках PR-коммуникации.

2.2.3 Недооценка потенциала PR-биографии в теории связей с общественностью

Особого внимания заслуживает статус биографии в PR-дискурсе и PR-коммуникациях. Представляется, что в современной теории связей с общественностью роль речевого жанра биографии неоправданно принижается.

В отличие от других жанров PR (например, пресс-релиза), биография не содержит актуальной событийной информации. Поэтому биография очень часто характеризуется как текст, который готовится заранее, хранится в архиве и может использоваться по самым разным поводам и в самых разных ситуациях, как внутри организации, так и во внешних коммуникациях [Иванова, 2005, с. 66; Игнатъев, Бекетов, 2004, с. 141; Чумиков, 2001, с. 122]. По мере необходимости биография обновляется [Данилина и др., 2008, с. 60].

По всей видимости, именно это обуславливает осмысление биографии как вторичного, вспомогательного жанра, который редко функционирует самостоятельно. Так, многие авторы отмечают, что биография в контексте PR прекрасно выполняет роль дополнительного текста, используемого в сочетании с другими документами: аналитической справкой, бэкграундером, а также в составе пресс-кита, то есть информационного комплекта (подборки) для прессы [Данилина и др., 2008, с. 11; Игнатъев, Бекетов, 2004; Кочеткова, Тарасов, 2009; Уилкокс, 2004, с. 262; Чумиков, 2001]. Рекомендуются добавлять в пресс-кит, подготавливаемый к мероприятию, биографические справки обо всех лицах, участвующих в этом мероприятии [Иванова, 2005, с. 66, 75]. Цель подобного использования биографии заключается в том, чтобы облегчить журналисту поиск дополнительной информации [Кочеткова, Тарасов, 2009, с. 119]; кроме того, биография, распространяемая самим базисным субъектом PR, может рассматриваться как источник более достоверной информации, предназначение которого заключается в предотвращении ошибок и неточностей [Данилина и др., 2008, с. 60; Игнатъев, Бекетов, 2004, с. 141]. Не стоит исключать и возможности

использования биографии как источника информации, более выгодной для базисного субъекта PR.

Недооценка PR-биографии проявляется также в том, что иногда неоправданно ограничивается сфера функционирования данного жанра. Жанры PR также часто делят на основании сфер, которые они обслуживают, то есть внешних или внутренних коммуникаций. К документам, обслуживающим внешние коммуникации, в этом случае относят пресс-релизы, брошюры, отчеты, информационные справки и т. п., к документам, обслуживающим внутренние коммуникации, – корпоративную прессу, листки объявлений, служебные записки, предложения [Алешина, 1997; Игнатъев, Бекетов, 2004]. Общим для сложившегося понимания PR-коммуникации является противопоставление жанров специализированных, то есть адресованных прессе, которая воспринимается как посредник между базисным субъектом PR-деятельности и его аудиториями, и предназначенных непосредственно для общественности. Это противопоставление иногда дополняется личными жанрами, то есть текстами, адресованными не аудитории или группе, а конкретному лицу (см., например, [Словарь-справочник по рекламе, 1998]). Типичным примером такого жанра может служить письмо, адресованное конкретному лицу, важному для базисного субъекта PR. Включение личных жанров в число типов PR-текста является довольно спорным и, по всей видимости, зависит главным образом от возможности понимания PR либо как разновидности массовой коммуникации, либо как особого типа коммуникации, который выделяется на основании не особенностей аудитории, а целей, которые преследует субъект, а потому допускает и личное обращение, и обращение к массовой аудитории.

Осмысление современной теорией связей с общественностью статуса биографии в этом отношении не является бесспорным. Например, авторы учебника «Связи с общественностью: Составление документов. Теория и практика» [Данилина и др., 2008] относят биографию к материалам для прессы, ставя ее в один ряд с такими жанрами PR, как пресс-релиз, информационное письмо, фактическая справка, заявление для прессы, коммюнике, а также

фотографиями. В результате функционирование биографии ограничивается очень важной, но довольно узкой сферой PR-коммуникаций – взаимодействием со СМИ, а сама биография осмысливается как вспомогательный жанр.

Аналогичную точку зрения находим в работе А. В. Аксеновой и Т. В. Анисимовой, относящих биографию к традиционным жанрам PR, сущность которых заключается в том, что они готовятся пресс-службой и предоставляются журналистам, а потому могут служить основой для подготовки публикаций в СМИ. Традиционные жанры PR противопоставляются жанрам, доносимым до целевой аудитории непосредственно, без помощи СМИ, которые используются в устном институциональном общении (презентации, речи) и в интернете, а также жанрам, которые, сохраняя свою собственную задачу, не находящуюся в плоскости связей с общественностью, используются для формирования имиджа косвенно [Аксенова, Анисимова, 2014, с. 21-22]. Признавая рациональные основания самой этой классификации, нельзя согласиться с предлагаемым авторами осмыслением места биографии в ней, поскольку биография в настоящее время используется и как самостоятельный PR-текст, причем обладающий заметным весом (см. далее в данном параграфе).

Представляется, что осмысление биографии как вторичного текста, к тому же обладающего ограниченной сферой использования (коммуникации с прессой), не соответствует действительности.

Прежде всего, значимость биографии для PR-коммуникаций в значительной степени зависит от контекста конкретной PR-кампании и особенностей базисного субъекта PR. Биография всегда соотносится с конкретным лицом, что делает естественным ее использование и связях с общественностью публичных лиц: политиков, музыкантов, журналистов, шоуменов и т. д. Однако это не является препятствием для ее использования в PR организаций, компаний [Кочеткова, Тарасов, 2009, с. 119; Кривоносов и др., 2012, с. 214]. В конечном счете, это позволяет придать организации более человечный, персонализированный облик, в плане репутации организации именно первые лица могут служить

персонализированным «символом» профессионализма, деловых качеств, успешности и т. д.

Впрочем, необходимо отметить, что в контексте связей с общественностью публичного лица биография все-таки является более весомым жанром, тогда как в связях с общественностью организации роль биографии является периферийной. В этом отношении нельзя согласиться с К. А. Ивановой, которая относит биографическую справку к материалам, не контролируемым организацией, то есть материалам, которые только используются представителями СМИ при подготовке материалов и могут либо дойти, либо не дойти до конечной аудитории в неизменном виде, а также могут не дойти вообще [Иванова, 2005, с. 18]. Наоборот, как показывают исследования, биографические материалы являются едва ли не центральными текстами в PR публичных лиц; в частности, страница с биографией в некоторых случаях является главной страницей сайта публичного лица, то есть тем материалом, который посетитель сайта воспринимает первым, попадая на сайт публичного лица через поисковую сеть. Точно так же распространяемые через сайты биографические материалы о первых лицах в PR организаций доходят до всех аудиторий организации в неизменном виде [Уилкоккс, 2004, с. 490], а потому, в соответствии с терминологией К. А. Ивановой, должны рассматриваться как контролируемые.

В силу сказанного более справедливой представляется позиция К. П. Огневой, которая, с одной стороны, пишет, что биография в PR часто используется в качестве сопровождающего жанра, однако указывает, что на сайтах политиков и политических организаций для биографии (биографий) может выделяться специальный раздел [Огнева, 2014, с. 79], ср. также [Егорова-Гантман, Плешаков, 1999]. Но и в этом случае в трактовке биографии обнаруживается некоторая ограниченность, поскольку, как показывает языковой материал, биография типично используется в PR-коммуникациях любых публичных лиц, в частности, деятелей искусства и даже ученых.

В более широкой перспективе обнаруживается схематичность деления PR-жанров на предназначенные для прессы и напрямую доставляемые целевым аудиториям. С. В. Пономарев справедливо отмечает, что деление PR-жанров на материалы для прессы, тексты, используемые в корпоративных коммуникациях, и тексты, предназначенные для массовой аудитории, является чрезвычайно условным, и один и тот же жанр может использоваться для обращения к самым разным целевым аудиториям [Пономарев, 2001]. Мысль С. В. Пономарева верна в отношении многих жанров (ср. пресс-релиз, который не только рассылается по редакциям СМИ, но и публикуется на сайтах, в корпоративных изданиях и т. д., то есть доставляется целевым аудиториям непосредственно от лица базисных субъектов PR). Однако она представляется особенно верной применительно к жанру биографии.

Дело в том, что жанровая форма биографии имеет чрезвычайно высокий PR-потенциал и в коммуникациях с журналистами, где она выступает в качестве справочного материала, и в коммуникациях с внешними целевыми аудиториями, и в коммуникациях с внутренней общественностью организации (ее сотрудниками), где биография позволяет сформировать персонализированный образ руководства, и с внешними целевыми аудиториями. В последнем случае значимость биографии чрезвычайно высока, потому что данный жанр представляет собой естественный, привычный, закреплённый традицией способ представления лица. Как показывает исследованный материал, биография – это один из чрезвычайно типичных жанров, создающих наполнение официальных сайтов как отдельных публичных лиц, так и организаций.

Таким образом, при более внимательном рассмотрении оказывается, что PR-биография занимает в PR-дискурсе неоднозначное место, которое зависит не столько от свойств данного типа текстов, сколько от конкретных целей, которые решаются в рамках конкретной PR-кампании. В частности, это ведет к тому, что биография может быть и периферийным (вспомогательным), и ядерным жанром, несущим на себе высокую нагрузку. При этом данный жанр может использоваться и в непосредственных (прямых) коммуникациях базисного

субъекта PR с его аудиториями, и в качестве вспомогательного текста в коммуникациях с прессой. Современная литература по связям с общественностью, как правило, не учитывает такой многофункциональности жанровой модели биографии в контексте PR, что означает недооценку PR-потенциала данного жанра.

Выводы по 2 главе

1. Основную цель PR-дискурса можно определить как формирование положительного имиджа некоторого социального субъекта, который может быть представлен как организацией (в широком смысле этого слова), так и публичным лицом. Эта цель достигается коммуникативными средствами в самом широком смысле этого слова. С одной стороны, достижение этой цели предполагает использование любых знаково-семиотических средств, как вербальных, так и невербальных. С другой стороны, даже событийная сторона PR-кампаний (праздники, презентации, конкурсы, пресс-конференции) в контексте PR подчинена задачам коммуникации с целевыми группами.

2. Основная особенность PR-коммуникации заключается в сложной организации ее структуры. В плане отправителя это проявляется в том, что PR-коммуникации в той или иной форме предполагают разделение между заказчиком (базисным субъектом, в пользу которого осуществляется PR-деятельность) и исполнителем. В плане адресата неоднородность PR-коммуникаций проявляется в противопоставлении трех основных групп (внешней общественности, внутренней общественности и СМИ), а также в неоднородности целевых аудиторий, которые предполагают использование разных коммуникативных стратегий.

3. Сложность организации структуры PR-коммуникации находит отражение в формировании особых коммуникативных потоков, которые воплощаются в текстах разной жанровой природы, различающихся с точки зрения формально-языковых, стилевых, прагматических и прочих характеристик. Проявления связи

между неоднородностью текстов, обслуживающих потребности связей с общественностью, и структурой PR-коммуникации, довольно разноплановы, среди них можно назвать следующие:

1) противопоставление текстов, функционирующих в публичном пространстве, и текстов, выполняющих метаязыковую (предписывающую и описательную) функцию и удовлетворяющих потребности самого социального института связей с общественностью (саморегуляция, передача опыта, обучение);

2) наличие таких явлений, как мнимое авторство, когда текст, написанный одним лицом, подписывается другим лицом, и скрытое авторство, когда фигура автора не выражена;

3) выделение групп текстов, предназначенных для разных целевых аудиторий и групп, в частности, разграничение медиатекстов и текстов для СМИ;

4) различия в функциях одних и тех же текстов в зависимости от особенностей конкретной PR-кампании (ср. ведущую роль биографии в связях с общественностью публичного лица и вспомогательную роль биографии в PR организации).

4. PR-дискурс соотносится с социальным институтом связей с общественностью, под которым следует понимать профессиональное сообщество PR-специалистов. Внешний характер целевых аудиторий по отношению к социальному институту PR не может вызывать сомнений, однако следует признать, что базисные субъекты PR также являются внешними по отношению к нему. Хотя PR-специалисты осуществляют коммуникации от лица организации (ее руководства) или публичного лица, сами базисные субъекты PR находятся за пределами социального института PR. Это позволяет определить основную функцию социального института PR как посредничество между некоторым субъектом (организацией, публичным лицом) и его аудиториями, а в пределе – обществом в целом.

5. Биография представляет собой типичный жанр PR-дискурса, причем этот жанр, будучи заимствованным из других сфер общения, осознается как специфичный и важный для связей с общественностью, в силу чего включается

в описания системы PR-жанров. В целом свойства биографии в связях с общественностью соответствует свойствам, присущим данному жанру в других сферах общения, что позволяет рассматривать PR-биографию как частную дискурсную модификацию биографического жанра.

6. Тот факт, что биография в PR представляет собой заимствованный жанр, проявляется в особенностях его осмысления в теории связей с общественностью. Во-первых, бросается в глаза относительная скупость в описании формальных и содержательных особенностей данного жанра, что вытекает из неявной предпосылки об интуитивной ясности этого вопроса. Во-вторых, жанр биографии не соотносится с важнейшими для связей с общественностью категориями и разграничениями так же прямолинейно и однозначно, как другие PR-жанры. Наконец, в-третьих, у жанра PR-биографии наблюдается более слабая интеграция с представлениями о функциях, лежащими в основе системы PR-жанров, чем у жанров, которые появились и оформились как выражение непосредственных коммуникативных потребностей связей с общественностью.

7. Для теории связей с общественностью характерна недооценка PR-биографии. Она заключается в двух моментах. Во-первых, в теории имеет место неоправданное ограничение функционирования данного жанра взаимодействием с отдельными целевыми группами, хотя на практике биография применяется для обращения ко всем основным целевым группам в рамках PR. Во-вторых, данному жанру неизменно приписывается вспомогательный характер, в силу чего в теории связей с общественностью бытует представление о том, что данный жанр лишь дополняет другие и не может выступать самостоятельно. Однако практика показывает, что в некоторых случаях PR-биография может эффективно функционировать в качестве самостоятельного PR-текста.

Глава 3. ПОЛИМОРФНОСТЬ PR-БИОГРАФИИ

Одна из особенностей PR-биографии, которая при рассмотрении языкового материала обращает на себя внимание в первую очередь, заключается в чрезвычайном разнообразии форм изложения материала. В целом это можно охарактеризовать как тенденцию PR-биографии вбирать языковые, выразительные, композиционные и прочие средства, выработанные биографической жанровой моделью на протяжении если не всей истории ее существования, то последних десятилетий. В силу этого PR-биография представляет собой довольно «пестрое» явление, неоднородное в плане своих стилистических характеристик.

Такое разнообразие, закономерно присущее биографической жанровой модели, не характерно для конкретных дискурсных модификаций жанра биографии. На протяжении истории жанра биографии был выработан ряд форм биографического изложения, которые, как правило, привязаны к соответствующим сферам коммуникации или конкретным дискурсам.

Например, литературная биография строится как повествовательный текст, отличается высокой степенью подробности и содержит в себе элементы фикциональности, то есть вымысла. Научная биография также характеризуется повествовательностью и отличается высокой подробностью. Однако, в отличие от литературной биографии, она фактологична, содержит детали, факты, выводы и оценки, которые либо доказаны и документированы, либо аргументированы и обоснованы. Наличие цитат, ссылок на документы, воспоминания, присутствие схем аргументации, наличие точных данных в виде дат, цифр и т. д. – все это позволяет достоверно отличить научную биографию от биографии литературной (беллетризованной).

Биографические формы, существующие в деловой сфере, отличаются от литературных и научных биографий не только автобиографичностью (как правило, деловые биографические тесты составляются их авторами), но и тем, что они являются гораздо более краткими и лаконичными. Разумеется, в этом случае

определяющую роль играет стремление отбирать только существенную информацию в соответствии с максимумами делового дискурса; нельзя не учитывать непригодности для деловой коммуникации излишне подробных текстов, восприятие которых занимает много времени, а также презентационной функции деловой биографии, благодаря которой в тексте получает отражение только то, что может считаться достижением. Характерной чертой деловых биографий является использование различных конструкций, характеризующихся неполнотой.

Особо можно выделить справочные биографии, которые создаются для словарей и энциклопедий. Им так же, как и деловым биографиям, присуща краткость, однако она обусловлена скорее контекстом, в котором функционируют такого рода тексты, чем внелингвистическими причинами. С содержательной точки зрения такие справочные биографии следовало бы сблизить с научными биографиями; тем не менее, в силу ограничений объема справочные биографии не содержат признаков доказательности.

Как видно из приведенных примеров, биографическая модель довольно легко приспособляется к нуждам и нормам конкретного дискурса и адаптируется к ним, что получает непосредственное отражение в формально-содержательных признаках текста. PR-биография представляет собой кардинально иное явление, поскольку совмещает в себе признаки всех модификаций жанровой биографической модели. Именно поэтому представляется необходимым обсуждение такого свойства PR-биографии, которое уместно охарактеризовать как полиморфность.

Вбирая в себя признаки биографических текстов различных коммуникативных сфер и дискурсов, PR-биография оказывается воплощением биографической жанровой модели в целом, по крайней мере, формально, в плане внешних признаков. Однако, с другой стороны, это делает затруднительным описание PR-биографии как жанровой модификации биографической модели в языковом плане: PR-биография формально лишена позитивных признаков, которые позволили бы противопоставить ее другим модификациям

биографической модели. Единственный действенный способ отграничения данной жанровой модификации предполагает опору на экстралингвистические критерии, а именно – на коммуникативный контекст и цели, которые преследуют создатели и распространители таких текстов.

3.1 Неоднородность «жанрового канона» PR-биографии

3.1.1 Биография-конспект, биография-рассказ, биография-повествование: Закрепившиеся формы PR-биографии в контексте жанровой системы

Отчасти полиморфность PR-биографии уже становилась объектом осмысления исследователей. В специальной литературе описывается несколько формальных разновидностей биографии. В частности, является распространенным положение о том, что двумя базисными формами биографии являются биография-конспект и биография-рассказ [Егорова-Гантман, Плешаков, 1999, с. 65-72], которые иногда дополняются биографиями-повествованиями [Гундарин, 2008, с. 106; Кривонос и др., 2012, с. 219; Пескова, 2015, с. 40].

Обобщая суждения исследований, можно сказать, что в целом противопоставление этих разновидностей можно свести к используемым языковым формам и степени подробности повествования:

1) целью биографии-конспекта является представление только дат и основных вех карьеры персоны; биографии-конспекты, как правило, обладают ярко выраженными признаками синтаксической неполноты и/или высокой степенью краткости, лаконичности;

2) биография-рассказ представляет собой связное повествование, состоящее из полноценных предложений, и в содержательном отношении мало отличается от биографии-конспекта, то есть характеризуется такой же лаконичностью изложения;

3) наконец, биография-повествование предполагает максимально высокую подробность предлагаемой информации и дает информацию не только об основных жизненных вехах человека, но и о его качествах, установках, жизненных принципах; эта разновидность напоминает портретный очерк.

Нетрудно заметить, что указанные разновидности тяготеют к различным сферам коммуникации: биография-конспект сходна с разновидностями биографии в деловом общении, биография повествование – с научными и беллетризованными биографиями, а биография-рассказ занимает промежуточное положение между ними (а возможно, может быть сближена со справочными биографиями). Впрочем, нельзя не обратить внимание на то, что это деление носит, во-первых, констатирующий, а во-вторых, практический характер. Это обусловлено контекстом формирования данной классификации, а именно контекстом теоретического обобщения практической деятельности с целью передачи существующего опыта. Разнообразие форм, которые получает биография в контексте связей с общественностью, с точки зрения особенностей PR-дискурса и междискурсивных процессов до сих пор не осмыслялось.

В данном контексте имеет смысл рассмотреть основные разновидности PR-биографии на конкретных примерах, акцентировав внимание на междискурсивных переключках между PR-текстами и текстами других коммуникативных сфер.

Форма биографии-конспекта в связях с общественностью наиболее часто используется при создании биографий официальных лиц (например, государственных чиновников и руководителей крупных компаний). Несмотря на «сухой», «протокольный», фактологический стиль таких биографий, они все равно представляют события, которые характеризуют персонажа биографии положительно.

Проиллюстрируем это положение биографией министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова, которая размещена на официальном сайте Министерства внутренних дел (*Лавров*) (здесь и далее все ссылки на анализируемые PR-биографии приводятся в круглых скобках с выделением

курсивом имени героя биографии; номера страниц, а также дата публикации не указываются в силу того, что анализируемые тексты изначально имеют электронную форму):

Родился в 1950 г., русский.

В 1972 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Владеет английским, французским и сингальским языками.

Начал свою деятельность в 1972 г. в Посольстве СССР в Шри-Ланке.

В период с 1976 по 1981 гг. работал в Отделе международных организаций МИД СССР.

С 1981 по 1988 гг. – первый секретарь, советник и старший советник в Постоянном представительстве СССР при ООН.

С 1988 по 1990 гг. – заместитель начальника Управления международных экономических отношений МИД СССР.

В 1990-1992 гг. – начальник Управления международных организаций, директор Департамента международных организаций и глобальных проблем МИД России.

В 1992-1994 гг. – заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации.

В 1994-2004 гг. – Постоянный представитель Российской Федерации при ООН.

С 2004 года Министр иностранных дел Российской Федерации.

Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Отмечен государственными наградами.

Женат, имеет дочь.

Во-первых, значительная часть биографии состоит из перечисления этапов карьеры министра, что одновременно является свидетельством и его высокого профессионального уровня, и верности избранному профессиональному пути. При этом очевидно, что общая биографическая канва проявляет постоянный профессиональный рост героя, а его нынешнее положение вполне можно

рассматривать как вершину этого пути. Во-вторых, в этом тексте присутствует особое качество, которое выделяет героя, – это владение тремя иностранными языками. Наконец, в-третьих, в биографии указывается наличие у героя государственных наград, то есть оценки его деятельности со стороны государства.

Необходимо обратить внимание на отсутствие конкретизации при упоминании о государственных наградах. Несомненно, отсутствие такой конкретизации является своего рода «фигурой скромности», благодаря которой, с одной стороны, указывается на наличие оцененных достижений, а с другой – ни достижения, ни их признание не «выпячиваются», поскольку о них упоминается вскользь.

То, что данная биография используется в контексте связей с общественностью организации, то есть МИД РФ, несколько меняет акценты в интерпретации текста. Текст сообщает нам не только о качествах человека посредством указания его достижения, но и о качествах организации. В частности, на основании биографии действующего министра иностранных дел, а также биографий других сотрудников читатель может сделать вывод о том, что в министерстве работают высокопрофессиональные сотрудники, которые посвятили свою жизнь дипломатии и верно служат своей родине.

Приведенная биография примечательна и в плане ее языкового выражения. Изложение в целом подчинено хронологическому принципу: события и этапы жизни героя биографии строго упорядочены на временной шкале, исключением из этого являются только три последних предложения. Каждый абзац представлен одним предложением, и в этом предложении приводится минимум информации: как правило, это указание на временной отрезок или момент времени, а также лаконичное описание события или вида деятельности. Исключением из этого являются только последние абзацы текста, в которых сообщается информация о наградах и семейном положении.

В приведенном примере обнаруживаются признаки синтаксической неполноты, которые проявляются как довольно частый пропуск сказуемого, ср.: *С 1981 по 1988 гг. – первый секретарь, советник и старший советник*

в Постоянном представительстве СССР при ООН. – С 1981 по 1988 гг. занимал должности первого секретаря, советника и старшего советника в Постоянном представительстве СССР при ООН. Фактически мы имеем дело с эллипсисом, который оформляется при помощи тире. Такое синтаксическое оформление повышает лаконичность и сжатость текста, а также его информативность.

Подобная компрессия текста не является предельно возможной. Для многих PR-биографий официальных лиц характерно еще более сильные признаки неполноты, которые могут выражаться, например, в «декомпозиции» синтаксической структуры предложения, в результате чего компонент с обстоятельственной функцией утрачивает свою связь с составом предложения. Это может проявляться, например, в оформлении даты как номинатива с одновременным вынесением его в виде самостоятельно оформленного компонента, напоминающего заголовок, как, например, в биографии А. Б. Миллера, опубликованной на сайте ПАО «Газпром», ср.:

1996–1999

Директор по развитию и инвестициям ОАО «Морской порт Санкт-Петербург».

1999–2000

Генеральный директор ОАО «Балтийская трубопроводная система».

2000

Заместитель министра энергетики Российской Федерации.

с 2001

Председатель Правления ОАО «Газпром» (с 17 июля 2015 года — ПАО «Газпром») (Миллер).

В тексте биографии периоды карьеры героя набраны шрифтом, отличным от названия должности. Размер шрифта, которым набраны эти компоненты, немного меньше, следующий за ними текст имеет слишком незначительный объем, чтобы его можно было считать самостоятельным разделом, и потому

компоненты, указывающие на период жизни, нельзя считать заголовками в собственном смысле слова. Скорее, особое графическое оформление этих компонентов подчеркивает их самостоятельность, автономность, и в этом отношении дублирует отсутствие грамматической связи.

Данное явление уже рассматривалось О. И. Денисовой, которая охарактеризовала его как «номинативизацию» [Денисова, 2015]. Однако автор анализировал это явление на материале текстов новостей. По нашему мнению, номинативизация обстоятельственных компонентов представляет собой одно из ярчайших проявлений компрессии в конспектах-биографиях, благодаря которой конспективность, лаконичность текста повышаются.

Структурные и языковые особенности биографии-конспекта позволяют сблизить ее с деловыми биографиями (*curriculum vitae*, резюме). Как было указано в главе 1 данного исследования (см. п. 1.1.4), обязательным признаком биографических текстов в деловой сфере является лаконичность. Биографии-конспекты, функционирующие в качестве инструмента связей с общественностью, по стилистическим признакам и структуре чрезвычайно напоминают примеры деловых автобиографий, приводимые в специальных пособиях по деловой речи (см., например, [Красивова, 2001, с. 65-66]).

Ориентация на биографические формы, обслуживающие деловую сферу, представляется неслучайной. Жанры *curriculum vitae* и резюме (по крайней мере, в его биографических формах) имеют отчетливую «историческую память»: восприятие такого текста настраивает читателя на деловой, официальный лад. Биографии-конспекты в максимальной степени воплощают принципы информативности («говорить только о важном») и лаконичности («говорить только о том, что наиболее существенно»).

В контексте связей с общественностью такие тексты начинают выполнять роль средства позиционирования изображаемого лица. Форма биографии-конспекта подчеркивает, что перед нами – деловой человек, который занимается конкретной деятельностью и не склонен к самовосхвалению. При этом представляется важным, что такой текст воспринимается на фоне PR-биографий

других типов, которые не всегда характеризуются такими же нейтральными стилистикой и содержанием.

Биография-рассказ представляет небольшой повествовательный текст, который, в отличие от биографии-конспекта, отличается большей связностью и развернутостью. На основании этого принципа построены, например, биографии Валерии (*Валерия*), А. Панайотова (*Панайотов*), Ю. Савичевой (*Савичева*), Е. Миронова (Миронов), Г. Н. Сытина (*Сытин*) и др.

В структурно-композиционном плане биография-рассказ мало отличается от биографии-конспекта: информация в ней также организуется преимущественно хронологически, а для освещения отбираются события, значимые с точки зрения карьеры или творческой биографии героя. Различия касаются языкового оформления, а также степени детализации. Повествовательность текста позволяет представить различные этапы в жизни человека гораздо более подробно и развернуто, ср.:

14 февраля 2008 года, в свой 21-й день рождения, Юлия презентовала новый альбом «Оригами». В альбом вошли 10 новых песен и 1 ремикс. С первых же дней продаж альбом обрёл популярность у слушателей. Песни «Зима», «Любовь-Москва» и «Ядерный взрыв» вошли во всевозможные чарты и заняли высокие позиции. В этом году Юлия дебютировала как автор, написав текст к двум песням с альбома «Оригами», – «Выше звезд» и «Послезавтра» (Савичева).

Приведенный фрагмент из биографии Ю. Савичевой, размещенной на ее официальном сайте, подробно представляет один из этапов ее творческого пути, описание включает детали (приуроченность выпуска альбома к дню рождения, его состав, авторство текстов в двух песнях), а также описание реакции публики и структур музыкального рынка. В биографии-конспекте данный этап также наверняка нашел бы отражение, поскольку он может рассматриваться как важный этап или существенное достижение, однако биография-конспект предполагает гораздо более сжатое представление информации. В пределах биография-конспект могла бы включать только два элемента: краткое описание события и дату, в которую оно произошло.

Что касается функционально-стилистической характеристики PR-биографий данного типа, то в них, несмотря на подробность изложения, преобладает информационно-справочное начало. В биографиях-рассказах описываются значимые события, их основа фактологична и допускает проверку со стороны читателя. Конечно, информационно-справочная функция таких текстов является, если можно так выразиться, маскирующей: их цель заключается также в выгодном, положительном представлении героя биографии, что выражается в тщательном отборе информации, отражающей достижения. Однако биографии-рассказы, как и биографии конспекты, являются внешне фактологичными текстами.

Преобладание хронологического принципа сближает биографии-рассказы с биографиями-конспектами. На уровне текста они часто представляют собой перечисления конкретных достижений, между которыми нет непосредственной связи, кроме связи хронологической и привязки к герою биографии и его деятельности. Так, вслед за приведенным фрагментом в процитированной выше биографии Ю. Савичевой читатель может обнаружить следующую информацию:

3 марта вышел новый молодежный мюзикл «Первая любовь: вот такая музыка!», где Юлия сыграла главную роль. Производством мюзикла занимался канал СТС в альянсе с американским продюсером Барри Розенбушем (High School Musical, «Очень страшное кино-2»).

В новом телесезоне 2008 года Юлия стала участницей проекта телеканала «Россия» – «Звёздный лёд», где её партнером по фигурному катанию стал чемпион Франции Жером Блانشар. На гала-концерте шоу пара Юлии и Жерома получила специальный приз от Аллы Пугачевой.

5 марта 2009 года в прокат вышел фильм «Первая любовь» с Юлией в главной роли. Весной этого же года Юлия начала участвовать в новом танцевальном проекте «Танцы со звездами». Это танцы на паркете, и Юлия, так как всё детство занималась танцами, с первых программ заняла лидирующие позиции. В июне 2009 года Юлия Савичева со своим партнером Евгением Папунашивили одержали победу на телепроекте «Танцы со звездами». В декабре

сингл «Goodbye, любовь», написанный Юлией, получил премию «Песня года-2009» (Савичева).

Как видно из приведенного примера, основным принципом организации текста является простое перечисление событий, которые могут описываться с большей или меньшей подробностью. При этом разные события не обязательно описываются в самостоятельных абзацах, они могут излагаться даже в рамках одного абзаца (что, несомненно, является недостатком анализируемого текста).

Наконец, биография-повествование в PR может принимать форму чрезвычайно подробного и детального изложения, по своим признакам напоминающего беллетризованную, научную или документальную биографию. По большому счету, любая биография публичного лица, публикуемая при его жизни и по его инициативе, потенциально является PR-инструментом. Однако необходимо помнить, что для признания биографии PR-текстом необходимо располагать информацией о том, в каких условиях, по каким причинам и с какими целями этот текст создавался.

Ярким примером биографии-повествования может служить биография Ф. Киркорова, которая распространяется через его сайт (*Киркоров*). Этот текст является довольно объемным: файл с полной биографией насчитывает 35 страниц, а его объем составляет 2,5 авторских листа.

Биография Ф. Киркорова строится как связное литературно-документальное повествование, что отражается и в стиле изложения (богатого фактическими деталями, рассуждениями автора о личности артиста, высказываниями героя, взятыми из интервью и т. п.), и в структурировании текста, поскольку в биографии используется «книжное» деление на главы (всего глав в биографии 20). Обращает на себя внимание, что названия глав – «Странник», «Дебютант», «Любимчик Аллы Борисовны», «Артист», «Скандалист», «Жених», «Счастливчик» и т. д. – акцентируют внимание на сторонах личности героя, что в целом характерно для биографии-повествования, чем-то напоминающей портретный очерк.

Что касается особенностей изложения, то в тексте, например, присутствуют элементы создания интриги. Это можно проиллюстрировать следующим примером – вступлением к истории об отношениях Ф. Киркорова с А. Пугачевой:

Про личную жизнь Филиппа долгое время толком никто ничего не знал. Филипп часто говорил, что идеал женщины для него – это его мама. Появлялись слухи о его «симпатиях» к разным певицам – Азизе, Маше Распутиной, Любе Успенской, то он сам на телеэкране признавался во всеуслышание, что влюблен в таинственную «звезду» из Калифорнии, которую вскоре представит сгорающей от любопытства публике... А однажды даже разыграл настоящую церемонию регистрации брака, упомянув, правда, в конце телевизионной передачи, что так он поступает со своими поклонницами в каждом городе...

Но вскоре Филипп Киркоров действительно стал главным героем восхитительной истории любви (Киркоров).

В этом фрагменте автор как бы подготавливает читателя к подробному описанию истории брака героя биографии. Несмотря на то что эта история является общеизвестной, это представляется уместным хотя бы потому, что данное вступление служит вводной частью для отдельной главы биографии. Наличие подобных элементов свидетельствует о том, что в цели автора текста не входило механическое изложение достоверной информации и что автор стремился придать изложению черты литературности.

Очевидно, что данная биография задумывалась как подробное, увлекательное повествование, которое с интересом прочтут поклонники артиста. При этом биография подробно освещает все этапы жизни артиста, богата фактическими деталями, датами, точными цифрами, а это делает ее вполне подходящим источником для получения справочной информации, которая может потребоваться, например, журналисту. В то же время презентационное начало биографии-повествования, сближающее ее, например, с жанром публицистического портрета, выражено наиболее ярко.

3.1.2 Нарушение жанрового канона PR-биографии

При внимательном изучении материала становится очевидно, что границы между указанными разновидностями PR-биографии являются довольно условными. Например, биография Ксении Собчак, распространяемая через ее личный сайт (*Собчак*), построена в соответствии с хронологическим принципом (разделы «Детство и семья», «Образование», «Карьера», «Личная жизнь»), а также содержит разделы «Библиография» и «Фильмография», в которых перечисляются книги, написанные героиней, и фильмы, в которых она снималась.

С формальной точки зрения этот текст можно было бы отнести к биографиям-рассказам, тем более что изложение в нем отличается связностью. Тем не менее, в тексте имеются явные проявления стремления охарактеризовать героиню как человека, а следовательно, выйти за пределы фактологичности. Так, биография начинается с указания на качество К. Собчак, которое в тексте подается как ведущее: *Яркая, неординарная, целеустремленная и настойчивая, местами скандальная и эпатажная... Этот список можно продолжать до бесконечности, но факт остается фактом — равнодушных людей к личности Ксении Собчак практически не существует и она продолжает оставаться одной из самых обсуждаемых фигур нашей страны!* (*Собчак*). Перечисляя качества, приписываемые героине, автор текста затем как бы отказывается от них, акцентируя внимание на основном свойстве этого человека – его способности привлекать внимание. Эта характеристика становится родовой по отношению к тем свойствам, которые перечисляются в самом начале биографии.

Наконец, в этой биографии имеются отдельные элементы конспективного изложения. Во-первых, их можно обнаружить в разделах «Библиография» и «Фильмография», которые фактически представляют собой списки. Во-вторых, за вступлением следует информация о месте и времени рождения, которая также оформляется не в виде связного текста:

Место рождения: г. Ленинград (Санкт-Петербург)

Дата рождения: 05.11.1981 г.

Знак зодиака: Скорпион

Приведенный пример показывает, что различные принципы изложения материала и различные акценты в описании персонажа могут довольно легко сочетаться в рамках одного текста.

Еще более ярким примером в данном контексте может служить биография З. Прилепина, также распространяемая через его личный сайт (*Прилепин*). Формально эта биография представляет собой биографию-конспект, поскольку информация оформляется не как связный текст, а как последовательность заполненных граф анкеты, то есть так же, как и информация о месте и времени рождения в процитированной вашей биографии К. Собчак:

Имя: Захар Прилепин.

Время рождения: 7 июля 1975 года.

Место рождения: деревня Ильинка Скопинского района Рязанской области.

Родители: Прилепин Николай Семенович, учитель истории.

Нисифорова Татьяна Николаевна, медик.

Место проживания: Россия, Нижний Новгород.

Образование: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, филологический факультет.

Школа публичной политики.

Публикации: публикуется с 2003 г.

Проза: «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Искусство кино», «Роман-газета», «Север».

Шеф-редактор сайта «Свободная пресса». Колумнист газеты «Известия». Секретарь Союза писателей России. Ведущий авторских программ «Соль» и «Чай с Захаром» на телеканалах РЕН ТВ и ЦАРЬГРАД (Прилепин).

Обращает на себя внимание то, что вся информация подается конспективно, в виде номинативных предложений, которые изредка перемежаются неполными предложениями (ср. публикуется с 2003 г.).

Несколько нестандартным является содержательное наполнение биографии З. Прилепина. Помимо собственно биографической информации, которая приведена выше, в биографии имеются разделы «Книги» (перечень опубликованных книг), «Составитель антологий и сборников», «Фильмография», «Дискография», «Награды» (перечень литературных премий и государственных наград). Кроме того, в биографии представлены сведения о семейном положении, родах деятельности, которыми приходилось заниматься герою, и т.п. Эта информация является типичной для биографии-конспекта. Однако из этого ряда выпадают раздел «Пристрастия», в котором перечисляются любимые книги героя (подраздел «Проза»), любимые поэты (подраздел «Поэзия»), любимые песни (подраздел «Напевы»), исполнители и группы (выделены посредством союза «А также») и любимые фильмы (подраздел «Кино»). Особо следует отметить подраздел «Любимая цитата», в котором приводятся высказывания из Библии, фраза Наполеона и слова Л. Н. Толстого. Промежуточное положение занимает раздел «Политические предпочтения», который, впрочем, с некоторыми оговорками можно отнести к биографической информации в собственном смысле слова. Во всех этих случаях изложение конспективно, информация представлена в виде перечней, которые не оформляются связной авторской речью. Обращают на себя внимание не только содержательные аспекты этих текстов, в которых на первых планах выступает личностное начало, но и их нестандартное языковое оформление (ср. *напевы* вместо *песни*, использование союза *а также* в качестве заголовка раздела). С формальной точки зрения текст строится как анкета, то есть высказывание делового дискурса, однако содержательно и стилистически он преодолевает эти рамки. Благодаря этому данный текст утрачивает собственно-информативную функцию и приобретает функцию характеризующую, присущую биографиям-повествованиям. Связь конспективной формы с информативностью оказывается неоднозначной и необязательной, что позволяет

высказать предположение о необходимости последовательного разделения при анализе PR-биографий формы изложения и его содержательной направленности.

Наконец, в биографии З. Прилепина имеются вставки, представленные полноценными предложениями, не имеющими признаков фрагментации синтаксической структуры фразы, ср.: *Книги Захара Прилепина включены в программу российских гуманитарных ВУЗов. В изданном в 2013 году учебнике «История русской литературы XX века» (рекомендован Министерством образования и науки, является первым учебником, полностью соответствующим Федеральному государственному стандарту) введена отдельная глава о Захаре Прилепине, завершающая курс современной литературы (Прилепин).*

В силу сказанного становится очевидным, что однозначная квалификация биографии З. Прилепина в соответствии со сложившейся в теории связей с общественностью классификацией («жанровым каноном» PR-биографии) вряд ли представляется возможной, поскольку этот текст интегрирует признаки биографии-конспекта и биографии-повествования.

Это приводит к выводу, что в рамках PR-биографии даже устойчивые формальные подвиды могут смешиваться. Введение в биографию-рассказ элементов биографии-конспекта следует отличать от обратного, противоположно направленного процесса. В первом случае мы имеем дело с явлением плана языковой формы, когда информация частично представлена конспективно (как в биографии К. Собчак). Во втором случае лично окрашенная, «портретирующая» информация излагается в конспективной форме (ср. биографию З. Прилепина). Это приводит к некоторому размыванию границ между видами PR-биографии, выделяемыми специалистами и исследователями.

Проанализированные примеры прекрасно демонстрируют чрезвычайно широкий диапазон языковых, композиционных и стилистических средств, которые могут использоваться в PR-биографии. Фактически не существует такой жанровой модификации биографии как жанра, языковые признаки которой не были бы или не могли бы быть заимствованы PR-дискурсом. При этом представляется очевидным, что авторы довольно часто смешивают характерные

признаки прототипических вариантов PR-биографии, что, по всей видимости, определяется теми коммуникативными целями, которых они стремятся достичь.

3.2 Связность и фрагментарность как характерные черты PR-биографии

Для заметного количества проанализированных PR-биографий характерна такая особенность организации текста, как фрагментарность. Представляется, что эта особенность имеет непосредственное отношение к полиморфности современной PR-биографии, поскольку представляет собой параметр, по которому PR-биографии могут быть разделены на категории.

Причин, которые ведут к фрагментарности PR-биографии, можно выделить достаточно много, и далеко не всех из них обусловлены контекстом PR-дискурса. Прежде всего, фрагментарность является ведущей чертой современного медиадискурса в целом [Бауман, 2008; Семилет, 2006]. Например, И. В. Ставровская приходит к выводу о том, что фрагментарность является универсальным принципом построения современного журналистского текста, а жанр фрагмента – основной единицей представления картины мира [Ставровская, 2014]. Заметную роль в этом процессе играет «визуальный поворот» современной массовой коммуникации, который заключается во внедрении в журналистские произведения визуальных материалов и столкновение сообщений, принадлежащих к разным кодовым системам [Сафиуллина, Шакиров, 2015, с. 427]. Важную роль в этом процессе сыграла идеология постмодернизма, которая повлияла на журналистику как непосредственно [Казиева, 2016], так и через литературную практику [Бешукова, 2009].

Что касается PR-биографии, то основная причина фрагментации, по всей видимости, состоит в новых возможностях представления информации, которые возникли в эпоху электронных коммуникаций. Конечно, совмещение в рамках одного сообщения разных способов представления информации (словесного,

то есть текста, и визуально-графического, то есть изображений, фотографий, схем, видео), а также создание текстов, при восприятии которых параллельно задействуются аудиальный и визуальный каналы, – это явления, которые развились и получили новые формы только в цифровую эпоху. Однако их следует последовательно отличать от новых возможностей представления собственно словесной, текстовой информации. В частности, мы имеем в виду сокрытие информации, которая считается менее значимой, и гипертекстовую организацию сообщения. Эти две возможности придают восприятию собственно словесного сообщения интерактивность, позволяя читателю выбирать направление следующего шага при чтении текста.

Ярким примером в этом отношении может служить биография Андрея Макаревича, опубликованная на его личном сайте (*Макаревич*). Этот текст представляет собой довольно типичную биографию. Изложение ведется от третьего лица, а сама биография, открывающаяся данными о происхождении и фрагментом генеалогического древа, в целом строится в соответствии с хронологическим принципом. При этом календарно-хронологический принцип и принцип выделения этапов в жизни человека («Рождение», «Детство», «Обучение») сочетаются довольно органично. Например, раздел «Обучение» подразделяется на несколько небольших подразделов на основании хронологических периодов или моментов («1960-1970» – обучение в школе, «1969» – год образования «Машины времени», «1971» – поступление в Московский архитектурный институт, «1974» – отчисление из МАИ и начало работы архитектором в Гипротееатре). Дальнейшее изложение связывается уже не со стандартными периодами, а с этапами творческой деятельности, то есть в соответствии с той стороной личности героя, которая не только известна публике больше всего, но и позиционируется авторами биографии как ведущая, главная (разделы «Машина времени», «Оркестр креольского танго», «Джазовые трансформации», «ACAPPELLA EXPRESSS»).

В способе подачи информации обращает на себя то, что конкретные достижения (выпущенные книги, персональные выставки, награды и премии)

скрыты от читателя. При желании читатель, активировав соответствующую кнопку, может открыть всплывающее окно, в котором представлен список достижений, включающий от одного до десятка пунктов. Данная информация не является обобщенной, она подается частями и приурочена к разным хронологическим этапам, а именно к 1990-м, нулевым и 2010-м годам. Это решение представляется удачным, поскольку оно не отвлекает читателя от описания жизненного пути музыканта и позволяет ему получить эту информацию, только если она представляет для него интерес. Это решение также соответствует принципу скромности, в соответствии с которым прямое, открытое указание на собственные достижения воспринимается как самовосхваление, а потому считается нежелательным.

Очевидно, что это решение, будучи интегрировано в структуру биографии А. Макаревича самым тесным образом, не является специфичным для PR-биографии. Подобный принцип структурирования текста чрезвычайно характерен для цифровой коммуникации, и в данном случае авторы текста и дизайнеры сайта лишь используют широкие возможности представления информации, предоставляемые веб-технологиями.

3.2.1 Незавершенность как жанрообразующий признак PR-биографии

Впрочем, имеются факторы, которые обуславливают фрагментарность PR-биографии в силу особенностей коммуникативного функционирования данного типа текстов.

Как правило, PR-биография рассказывает о публичном лице, которое на момент создания и восприятия текста является не только живым, но и социально активным. Это вытекает из самой сущности PR-биографии, распространяемой от лица и в интересах ее героя (или организации, к которой он принадлежит). Исключения из этого немногочисленны и обусловлены главным образом тем, что в связях с общественностью организации уместно обращение к биографиям значимых для данной организации личностей. Так,

на сайте ЮФУ можно найти биографии прошлых ректоров Ростовского государственного университета Ю. А. Жданова (*Жданов*) и А. В. Белоконя (*Белоконь*). В разделе сайта ПАО «Газпром», рассказывающем о компании, имеется раздел «Персоналии», состоящий из биографий руководителей и значимых сотрудников «Газпрома» (Виктор Бударин, Рэм Вяхирев, Валерий Мусин, Виктор Черномырдин, Владислав Стрижов, Борис Федоров), а также государственных деятелей, оказавших значительное влияние на развитие отечественной газовой промышленности (Николай Байбаков, Василий Динков, Алексей Кортунов, Сабит Оруджев, Михаил Сидоренко). Это представляется естественным, поскольку биографии любых значимых лиц организации формируют часть истории самой организации.

Тем не менее, при стандартном функционировании PR-биография соотносится с живым публичным лицом, которое является активным, действующим (и публикация PR-биографии данного лица может рассматриваться как одно из проявлений его активности, поскольку любая PR-биография создается в качестве инструмента воздействия на общественное сознание). Из этого, в частности, вытекает одно важное свойство: PR-биография не может быть в полной мере законченным текстом, поскольку жизненный путь изображаемого в ней лица не является завершенным. Если опираться на естественную периодизацию человеческой жизни, то можно сказать, что PR-биография содержит такие разделы, как «Детство», «Происхождение», «Учеба», «Карьера и достижения», «Личная жизнь», но не содержит таких важных разделов, как «Завершение карьеры» и «Смерть».

Для биографии вне контекста связей с общественностью такая отнесенность текста к живому и социально активному лицу является возможной, но не обязательной. Точно так же автобиография, функционирующая вне контекста PR, не утрачивает своей ценности как исторический источник или художественно-публицистическое произведение, если она соотносится с человеком, жившим в предшествующие эпохи. Но если у PR-биографии такой соотнесенности нет, то она, не лишаясь документальной ценности, все-таки полностью или частично

утрачивает PR-потенциал текста. Последнее, по нашему мнению, чрезвычайно важно при характеристике PR-биографии. Непосредственное воздействие на массовое сознание является основной коммуникативной целью, обслуживаемой текстами подобного типа.

Смысловая завершенность, которая проявляется как завершенность жизненного пути, является существенным признаком при классификации биографических текстов. С. В. Волошина справедливо формулирует коммуникативную цель речевого жанра автобиографического рассказа как «рассказ о жизни с момента рождения до момента общения» [Волошина, 2012, с. 54]. Дело в том, что автобиография (а в отдельных случаях и биография) могут быть незавершенными текстами, что определяется экстралингвистическими факторами, а именно моментом создания текста.

Определение С. В. Володиной соотносится с устным автобиографическим рассказом, и в контексте данной работы и применительно к жанру биографии в целом оно требует одного небольшого уточнения. Предел изложения определяется не моментом общения, а моментом создания (авто)биографического повествования, который может иметь место и в рамках непосредственного общения, и в рамках письменной коммуникации. В устной речи эти два момента совпадают, в письменной речи они, как правило, разделены. Представляется, что с учетом этого уточнения данное определение правомерно распространить на все без исключения (авто)биографические тексты.

При этом незавершенность PR-биографии – это еще один признак, сближающий данный тип текстов с автобиографической моделью, которая исключает сообщение о смерти рассказчика, одновременно являющегося героем автобиографического рассказа. Если для автобиографии незавершенность является обязательным качеством (человек не может изложить свою жизнь от момента рождения до момента смерти, потому что это предполагало бы способность рассказать о себе после смерти), то для биографии незавершенность факультативна и всегда возникает под воздействием обстоятельств ее создания. Завершенность биографического текста напрямую

зависит от того, живо ли биографируемое лицо в момент создания его жизнеописания, а также от того, располагает ли автор биографии информацией о жизненном пути данного лица и входит ли в его намерения полное описание данного пути. При этом именно нетождественность рассказчика и биографируемого лица делает полноту описания жизненного пути человека от рождения и до смерти в принципе возможной. В PR-биографии эта нетождественность как бы снимается, поскольку автор всегда действует в интересах базисного субъекта PR, который по определению является социально активным.

3.2.2 Проявления жанрообразующего признака незавершенности в текстах PR-биографии

Воздействие незавершенности PR-биографии на формально-грамматическую и содержательную сторону PR-биографии не всегда прямолинейно. Можно выделить несколько моментов, в которых проявляется это влияние.

1. С этой точки зрения получает объяснение содержательная и структурная фрагментарность многих биографических текстов, обслуживающих связи с общественностью. Принципиальная незавершенность PR-биографии является относительной: для того чтобы текст воспринимался как завершенный, достаточно освещения основных этапов и самых важных событий в жизни героя биографии, а также наличие в биографии сведений, которые относятся ко времени, более или менее непосредственно предшествующему восприятию текста. Биография активно позиционирующего себя перед обществом публичного лица, которая обрывается на событиях, произошедших за десять лет до момента чтения, не создает должного впечатления, поскольку читатель сразу понимает, что эта информация не обновляется регулярно.

Своевременное обновление PR-биографии и ее поддержание в актуальном состоянии – это важный момент в функционировании данного жанра. И текст,

состоящий из относительно автономных в смысловом и формально-грамматическом отношении, гораздо легче поддается обновлению, чем текст, представляющий собой связное повествование.

Тексты, не построенные по модульному принципу, в этом отношении проигрывают. Если мы имеем дело с законченным произведением, то для внесения корректив его, скорее всего, надо либо перестраивать, либо переписывать, либо, возможно, создавать с нуля.

Например, биография Е. Ваенги (*Ваенга*), построенная по принципу интервью-исповеди, в силу своей формы имеет определенные преимущества. Эта форма позволяет подчеркнуть откровенность и искренность певицы, ее стремление рассказать о себе начистоту. С другой стороны, эта форма напоминает интервью со знаменитостями, которые широко распространены на телевидении, радио и в печатной прессе, то есть легко соотносятся с привычными жанровыми моделями, и пользуются популярностью у публики. Последний момент представляется важным, поскольку с такой точки зрения текст соответствует жанровым ожиданиям потенциального читателя, хорошо укладывается в жанровые модели, уже существующие в его сознании.

Однако такое интервью-исповедь является законченным произведением, которое обладает собственной логикой, и по этой причине его трудно дополнить. Имитация реального процесса общения также затрудняет корректировку или дополнение этого текста: если внимательный читатель обнаружит, что текст был дополнен или изменен, это поставит под сомнение искренность и спонтанность, которые присущи тексту, и вскроет сам факт намеренного использования формы интервью-исповеди с целью создания эффекта искренности и откровенности.

Не случайным кажется и тот факт, что упомянутая в п. 3.1 данной главы биография Ф. Киркорова заканчивается событиями 2012 года и с тех пор не обновлялась. Создание связного повествования представляет собой технически сложную, «ресурсоемкую» задачу, и не меньших (а возможно, даже больших) усилий требует дополнение уже существующего текста. Особенно это касается текстов, которые обладают довольно заметным стилистическим своеобразием,

то есть несут на себе отпечаток авторского стиля и авторской интонации. Упомянутая биография Ф. Киркорова, несомненно, принадлежит к данной категории.

Биография, построенная по модульному принципу, таких недостатков лишена. В силу грамматической и смысловой обособленности блоков, а также единообразного принципа их внутренней организации PR-биография, построенная по модульному принципу, может не только легко дополняться, но и редактироваться (что может оказаться значимым, например, из-за изменения политической конъюнктуры, взглядов героя биографии или смены сферы деятельности).

2. Принципиальная незавершенность PR-биографии иногда намеренно обыгрывается в тексте. В качестве примера можно привести биографию певицы и модельера Ольги Романовской, которая известна главным образом благодаря ее участию в группе «ВИА Гра»; эта биография опубликована на ее официальном сайте (*Романовская*). Биография завершается довольно показательным сообщением о последних достижениях певицы следует фраза, указывающая на незавершенность этого ряда, причем эта фраза выделена полужирным шрифтом, курсивом и более крупным размером букв:

За период своей сольной карьеры Ольга успела выпустить несколько клипов, среди которых: «Тайная Любовь», полюбившуюся многим песню «Музыка», скандальный ролик на песню «Красивые Слова» и «Держи меня крепче». В 2015 Ольга презентовала свой дебютный сольный альбом и начинает концертный тур со своей сольной программой.

Продолжение следует...

Аналогичная концовка обнаруживается и в биографии Стаса Михайлова, которая была опубликована на его официальном сайте в 2016 году, однако сейчас доступна только через службу «Wayback Machine» (*Михайлов*). При этом заключительная фраза также выделена другим начертанием (курсивом) и завершается многоточием.

В контексте данных биографий завершающая фраза обладает не только стандартным, буквальным значением, она приобретает множество дополнительных смыслов. Прежде всего, ее можно понимать как заявление о готовности не останавливаться на достигнутом и брать новые высоты, достигать новых успехов и не прекращать творческой активности, то есть может быть воспринята не как простая констатация, а как обещание. Эта фраза также коррелирует с формируемым в биографии образом женщины, которая сумела добиться успеха в творчестве, бизнесе и семейной жизни.

3. Наконец, принципиальная незавершенность PR-биографии может находить отражение в конкретных нестандартных решениях, к которым прибегают авторы биографических разделов в информационных источниках, представляющих публичное лицо. Так, раздел на сайте Д. Билана, озаглавленный «Биография», фактически представляет собой последовательность описаний различных событий из творческой жизни певца. Эти описания могут быть крайне подробными. Приведем в качестве примера следующий фрагмент: *Февраль – апрель 2017. В новом сезоне самого рейтингового шоу на Российском ТВ- «Голос. Дети» Дима Билан вновь стал наставником проекта. В компании с новичками – наставниками Нюшей и Валерием Меладзе, являясь на данный момент самым опытным наставником проекта, своего рода его «лицом», Дима вновь занялся отбором и тренингом талантливых детишек. Его креативные номера и пронзительные и остроумные комментарии вновь завоевали сердца зрителей (Билан).*

Биографический раздел на сайте Д. Билана мало отличается по содержанию от более традиционных биографий других публичных личностей: в нем также освещаются различные творческие достижения, получение наград и премий и т. д. С одной стороны, освещение является более подробным, чем в биографии-конспекте и биографии-рассказе, оно чаще затрагивает частные, не всегда значительные события. Приведенный чуть ранее фрагмент в большей степени похож на газетную заметку, чем на описание очередного этапа творческой карьеры музыканта. Однако эта биография не обладает такой же связностью,

которая характерна для биографии-повествования. Отдельные фрагменты биографии в силу их содержательных и структурных особенностей обретают самостоятельность и завершенность, а объединяет их только хронологический принцип, то есть отнесенность к одному периоду или следование друг за другом во времени. При этом части биографии, описывающие ранние этапы жизни героя, в гораздо большей степени являются связными повествованиями, напоминая уже упоминавшуюся биографию Ф. Киркорова. Фрагментарность изложения усиливается по мере перехода к событиям последних.

Обращает на себя внимание подробность описания. Выступление на значимой площадке, победа в известном крупном конкурсе – эти достижения, несомненно, являются важной частью PR-биографии, однако для PR-биографий в целом характерно их упоминание в виде краткой номинации в составе ряда (например, в перечнях полученных публичным лицом наград, знаменитых площадок и фестивалей, на которых выступал артист и т. п.). Характерная для биографии точка зрения «с высоты птичьего полета», позволяющая охватить жизнь героя в целом, предполагает объединение таких событий в ряды на основании их сходства, аналогичности, однотипности. Ср. характерный пример из биографии В. Гергиева: *Будучи одним из ведущих дирижеров мира, Гергиев сотрудничает с лучшими оркестровыми коллективами. С 2007 года он является главным дирижером Лондонского симфонического оркестра, с которым выступает в Центре Барбикан, на фестивале «Би-би-си Промс» и Эдинбургском фестивале, гастролирует по Европе, США, Азии и Австралии. Также Гергиев сотрудничает с Метрополитен-оперой, Венским, Нью-Йоркским и Роттердамским филармоническими оркестрами и оркестром Ла Скала, а с 2015 года стал главным дирижером Мюнхенского филармонического оркестра. В 2014 году Детский хор России, созданный по инициативе Гергиева на базе Всероссийского хорового общества, впервые выступил с программой в Мариинском-2, а затем принял участие в Торжественной церемонии закрытия XXII Олимпийских зимних игр в Сочи. В 2013 году Валерий Гергиев стал руководителем Национального молодежного оркестра США, основанного в Нью-*

Йорке по инициативе Карнеги-холла. Первые международные гастроли оркестра прошли совместно со скрипачом Джошуа Беллом и включали концерты в Вашингтоне, Москве, Санкт-Петербурге и Лондоне (Гергиев). Как видно, сотрудничество с различными оркестрами, имеющими мировое признание, а также выступления на значимых площадках и гастролы по миру вместе с этими оркестрами (предложения 2-3), случаи создания новых успешных оркестров (предложения 4-5) выстраиваются в ряды по принципу подобия. По сути, они являются конкретизациями общих суждений «Дирижер сотрудничает с ведущими оркестрами мира» и «Дирижер является создателем различных музыкальных коллективов».

В биографию Д. Билана также включаются события, которые не упоминаются в более кратких биографиях. Например, один из фрагментов подробно рассказывает о поездке героя в Исландию (пунктуационные особенности текста сохранены): *В марте Дима взял отпуск и отправился в удивительную страну, которую давно хотел посетить – Исландию. Это страна фьордов, ледников, водопадов и овец, где всего 3 жителя на 1 кв. км, где не запирают дома, автомобили, а в магазинах расплачиваются сами, без продавца. Страна очень доброжелательных людей, страна, где чувствуешь себя в космосе и забываешь обо всех тревогах. В Исландии Дима не только отдыхал и путешествовал, но и снял клип на песню «Океаны». Ради этой съемки Дима пошел на очень радикальную смену имиджа – побрился наголо, что попало в топ всех новостей! У Димы была и еще причина для такого шага: в Новый год надо вступать обновленным (Билан).* Как видно, событие освещается с очень высокой степенью подробности и детализации, избыточных для биографии-конспекта или биографии-описания. Сам факт съемки клипа представляет собой довольно значимое событие в биографии музыканта, однако это событие становится поводом для рассказа о самой поездке и живописного описания страны, в которой музыкант побывал. Кроме того, творчески значимые события (снятие клипа) позиционируются как дополнительная информация, а на первый план выносятся сам факт поездки.

Организация материалов в рассматриваемой биографии преимущественно хронологическая, отклонения от хронологического принципа являются незначительными и объясняются скорее небрежностью сотрудников, отвечающих за ведение данной рубрики. Однако если в типичной биографии освещаются отдельные крупные периоды в жизни человека (возрастной отрезок, период в творческой или общественной деятельности), то в рассматриваемом случае основной единицей является яркое событие, и эти события организуют временные ряды. Это лишает информацию, помещенную в «биографическом» разделе сайта Д. Билана смысловой упорядоченности, которая присуща большинству PR-биографий.

Еще одна особенность заключается в том, что описания событий сопровождаются фотографическими иллюстрациями. Именно ориентация на событие делает это возможным. Описание биографии лица «с высоты птичьего полета» не позволяет иллюстрировать отдельные события. Биография-конспект и биография-рассказ навязывают иную интерпретацию подобного рода изображений, если они размещены рядом с текстом: фотография политика в окружении людей является не иллюстрацией его конкретного визита в некоторое место в определенный момент времени, а символом его активной деятельности, его внимания к жизни людей; фотография музыканта на сцене представляет естественную среду и атмосферу его жизни, а не иллюстрирует конкретное событие (например, выступление на знаменитой концертной площадке).

В строгом смысле «биографию» Д. Билана следовало бы назвать летописью (хроникой) или даже дневником, поскольку в ней отражаются – пусть даже с внешней позиции – события жизни одного человека. Летопись, согласно сложившемуся в теории литературы пониманию, представляет собой особый тип исторических сочинений, которые были характерны для древнерусской литературы и в которых организующим принципом является объединение событий по годовым статьям (в хронике – по царствованиям императоров) [Словарь литературных терминов и понятий, с. 2001, 439-440]. В обычной речи

слово летопись может употребляться в значениях «всякая регулярная запись событий; дневник, хроника» и «совокупность, собрание каких-либо записей, произведений, снимков, кинолент и т. п., в которых нашли отражение отдельные моменты развития, хода чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 494].

Такая форма, выглядя довольно необычно на фоне общей практики создания PR-биографий, оказывается чрезвычайно удачной. Прежде всего, она позволяет достичь той цели, которая ставится перед любой PR-биографией, – формирование положительного образа представляемой в ней личности. При этом интенция PR-биографии, в обычном случае довольно явно проступающая в содержании и структуре текста, отчасти маскируется за счет высокой детализации, присутствия большого количества упоминаний других лиц, а также иллюстраций. Восприятие такого «биографическо-летописного» текста целиком вряд ли представляется возможным или целесообразным. Однако даже ознакомление с некоторой частью этого текста достигает своей цели. В конечном счете, читатель имеет дело с чрезвычайно насыщенным текстом, который создает впечатление не менее насыщенной и яркой, успешной и продуктивной жизни певца.

С другой стороны, так текст довольно легко редактировать и расширять. Нельзя исключить, что эта биография создается по ходу событий и даже представляет собой материалы, которые впоследствии могут быть переработаны в более цельный текст.

Фрагментарность биографии может проявляться не только в ее содержательно-композиционной организации, но и в ее графическом оформлении. В качестве примера рассмотрим биографию В. Меладзе, распространяемую через его личный сайт (*Меладзе*). Данная биография последовательно реализует хронологический принцип, начинаясь с детских лет и освещая основные этапы творческой биографии певца. Изложение формируется как последовательность небольших текстовых фрагментов, сопровождающихся заголовками и фотографиями.

Обращает на себя внимание особый способ использования заголовков. В тексте биографии фактически обнаруживается два типа заголовочных элементов. Во-первых, это указание на год, к которому относятся описываемые события; во-вторых, это обобщающее название для описания некоторого события. Использование термина «заголовок» в данном случае довольно условно, особенно применительно к элементам первого типа. В частности, элементы первого типа расположены довольно произвольно относительно текстовой части, тогда как элементы второго типа всегда занимают начальную позицию по отношению к определенному текстовому фрагменту. Тем не менее, все эти элементы являются обособленными по отношению к тексту, выделены при помощи шрифта другой гарнитуры, размера, начертания; элементы первого типа, сообщающие о годе, располагаются на фоне варьирующихся графических узоров (своего рода виньеток) или ими окружены.

Последовательно располагаются только заголовочные элементы первого типа, указывающие на год. Например, вступительная часть биографии, коротко рассказывающая о детстве, юности и раннем периоде творчества музыканта, не имеет заголовка, хотя сопровождается (неточной) датой «1965», то есть указанием на год рождения певца.

У заголовочных элементов двух типов также отсутствует иерархия. Так, в биографии имеется небольшой раздел, озаглавленный «Группа ДИАЛОГ», описывающий деятельность музыканта и его брата, композитора К. Меладзе, в известном коллективе под руководством К. Брейтбурга. Однако в этом разделе приводится информация, имеющая отношение к разным годам: 1989-му (приглашение в коллектив), 1991-му (выход пластинки «Посредине мира» на фирме «Мелодия») и 1993-му (выход пластинки «Осенний крик ястреба» в Германии). В этом же фрагменте биографии, отделенном от других фрагментов горизонтальными линиями, приводится информация о сольном дебюте певца, который также состоялся в 1993 г. Таким образом, заголовок не охватывает содержание текста, который рядом с ним расположен, полностью.

Приведем еще один пример. В биографии описывается два события, относящиеся к 2015 г.: во-первых, это выход альбома, на котором записаны песни В. Меладзе в исполнении других музыкантов, во-вторых, это концерт «Полста», приуроченный к юбилею певца. Однако озаглавленным является только фрагмент, описывающий второе событие («Концерт ПОЛСТА»). Другими словами, в этом случае иерархические отношения между заголовочными элементами инвертируются: более общим является заголовочный элемент, указывающий на год, частным – заголовочный элемент, описывающий единичное событие. Впрочем, это соотношение также моментально разрушается, поскольку чуть ниже мы обнаруживаем информацию о выходе видеoverсии концерта. Однако это событие относится к следующему, 2016 году, что также обозначается посредством соответствующего заголовочного элемента.

Такое свободное обращение с иерархией заголовочных элементов, несомненно, является ошибкой с точки зрения существующих требований к делению текстов на разделы. Однако благодаря свободному и разнообразному расположению заголовочных элементов относительно текста данная особенность его организации не является препятствием для восприятия. При этом такой текст потенциально может дополняться новыми материалами без особых сложностей.

Очевидно, что этот пример в некоторых отношениях явно соотносится с упомянутой в п. 3.1 данной главы фрагментацией грамматической структуры предложения в составе биографии-конспекта. Однако в данном случае мы имеем дело с фрагментацией на уровне текста, которая к тому же сопровождается использованием графических средств. И если при фрагментации структуры фразы авторы, вероятнее всего, добиваются компрессии текста, то в случае и биографией В. Меладзе основной мотив авторов, по всей видимости, заключается в таком построении текста, которое позволило бы без труда поддерживать его в актуальном состоянии посредством механического присоединения новых частей.

Аналогичная организация текста обнаруживается и в других исследованных PR-биографиях. В частности, здесь можно упомянуть биографию Ф. Бондарчука,

самая объемная часть которой представляет собой перечень его творческих достижений, а именно наград и премий, а также фильмов, в которых он выступал в качестве продюсера, режиссера или актера. Все компоненты этих разделов обладают самостоятельностью, а перечень фильмов фактически представляет собой набор ссылок, ведущих на другие страницы сайта (биография размещена на сайте кинокомпании «Art Pictures Studio», одним из руководителей которой является Ф. Бондарчук). Такая организация делает чрезвычайно легким дополнение биографии новыми данными, которое представляет собой расширение существующих списков. (Более подробно этот текст будет рассмотрен в п. 4.1.2 данной работы при анализе оценочности PR-биографии.)

Таким образом, можно сделать вывод, что в значительной части PR-биографий обнаруживаются признаки фрагментации, которые могут затрагивать и структуру предложения, и содержательно-композиционную структуру текста, и способы его членения, и его графическую организацию. Отчасти это обусловлено условиями бытования PR-биографий и текстовыми новациями, появлением которых мы обязаны цифровой коммуникации. Однако у такой фрагментации имеются причины, связанные с особенностями коммуникативного контекста, в котором функционирует PR-биография. Типично данная жанровая разновидность текстов не обладает абсолютной завершенностью и нуждается в систематическом обновлении (дополнении или редактировании), что делает модульный принцип организации текста PR-биографии предпочтительным.

3.3 Формы биографии и автобиографии в контексте PR-дискурса

Другое важное разграничение внутри биографического дискурса в целом связано с противопоставлением биографии и автобиографии. Введение PR-биографией биографической и автобиографической форм представляется естественным, поскольку эти формы не связаны жестким образом с коммуникативными сферами или дискурсами. Однако при рассмотрении того,

как проявляется данное противопоставление в контексте PR-дискурса, обнаруживаются интересные детали, которые позволяют говорить о частичной нейтрализации между данными разновидностями биографической модели.

PR-дискурс позволяет использовать формы как биографии, так и автобиографии, однако количественно форма биографии, то есть повествования от третьего лица, заметно преобладает. Это подтверждается не только самим закрепившимся названием жанра, но и количественными показателями. Из 149 проанализированных текстов 141 (94,6%) представлен текстами-биографиями и только 6 (4%) – текстами автобиографическими. При этом имеется два текста (1,4%), в которых эти два принципа смешаны (что проявляется как соседство в рамках одного текста повествования от первого и третьего лица), то есть биографические фрагменты чередуются с автобиографическими, и ни один из планов не является ведущим.

3.3.1 Смещение номинаций «биография» и «автобиография» в контексте PR-дискурса

Правомерным кажется утверждение о том, что в PR-дискурсе происходит нейтрализация различий между моделями биографии и автобиографии. В некотором смысле проявление этого можно увидеть в смешении терминов «биография» и «автобиография», то есть использовании одного термина вместо другого, которое встречается в практике PR, а именно при квалификации жанровой природы текста.

Например, биографическая информация, размещенная на сайте Владимира Сорокина (*Сорокин*), носит название «Автобиография», хотя изложение строится в третьем, а не в первом лице. Примечательно, что в меню навигации соответствующий раздел фигурирует как «Биография»; названием страницы, загружаемой в браузере, также является английское слово *biography* (<http://srkn.ru/biography>). С другой стороны, биография Дины Рубиной на ее

персональном сайте (*Рубина*) написана от первого лица самой писательницей, хотя при этом носит название «Биография».

В этот же ряд можно поставить и биографию А. Макаревича, а точнее, ее заголовок вместе с подзаголовком «Биография: Обо мне» (*Макаревич*). Текст построен как изложение от 3-го лица, а потому его квалификация как биографии не вызывает нареканий. Однако подзаголовок нарушает это соответствие: биография – это рассказ о другом человеке, наличие подзаголовка «Обо мне» наводит на мысль о том, что герой биографии причастен к созданию этого текста.

Разумеется, самый простой способ объяснения заключается в том, что мы имеем дело с речевой ошибкой, которую характеризуют либо как нарушение лексической сочетаемости [Розенталь, 2016], либо как смешение паронимов [Зуева, 2003, с. 113]. Однако имеются основания уделить этому моменту больше внимания, поскольку он самым тесным образом связан с контекстом создания и функционирования PR-биографии, а также выстраивается в один ряд с другими явлениями, о которых будет сказано далее в данной главе.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что такое использование слов «биография» и «автобиография» обнаруживается на персональных сайтах писателей, которые в любом случае обладают более высокой языковой культурой, чем представители других профессий и PR-специалисты. Если же учесть особенности творческой манеры В. Сорокина и высокую степень экспериментальности его текстов, то вполне можно предположить, что такое отклонение было допущено намеренно и осознанно. В частности, нельзя исключить, что данный текст был подготовлен самим писателем, который по каким-то причинам избрал неперсональную форму. Возможно, неперсональная форма дает возможность ограничиться лишь важной информацией, не обязывает к доверительности и откровенности и т. д. В конечном счете, языковые правила, которые предписывают использовать местоимение первого лица, когда говорящий указывает на себя, и местоимение третьего лица, когда говорящий указывает на некоторое лицо, отличное и от него, и от адресата, не являются настолько строгими, чтобы полностью исключить любые отклонения. Тем более,

такие отклонения вполне уместны в контексте PR-дискурса, где ограничения нормы и традиции, характерные, например, для деловой речи, являются на порядок менее жесткими и однозначными.

Выбор названия для автобиографического текста Д. Рубиной также не обязательно является случайностью или следствием ошибки. Автобиографический текст начинается с того, что его автор выражает скепсис по поводу автобиографического жанра: *Обычно я довольно равнодушно отношусь к подобным вещам, полагая, что никто их и не читает. В сущности, кому какое дело — что за институт закончил автор того или иного романа, сколько у него братьев или сестер, сколько детей, мужей и прочего жизненного барахла... Некоторое время меня даже раздражала просьба создателей моего сайта — написать собственную биографию (Рубина).* Однако дальше автор дает мотивацию создания данного текста: *Потом я решила взглянуть на это дело с точки зрения мастеровой. Вот, мол, есть некая второстепенная героиня ненаписанного пока романа. Взять и — где конспективно, где более проработанно — набросать некий рисунок жизненного пути. На том и порешила (Рубина).*

Другими словами, создание этого текста – дань необходимости, исполнение формальности, поскольку, в соответствии со сложившимися формами и существующими ожиданиями, персональный сайт должен иметь биографический раздел. И использование термина «биография» оказывается мотивированным, поскольку, по признанию самого автора, работая над текстом, она рассматривала себя как персонажа, то есть другого человека.

В некоторых отношениях контекст функционирования PR-биографии создает условия для таких ошибок. PR-биография не является ни биографическим, ни автобиографическим текстом в собственном смысле слова, о чем будет сказано в главе 4 данной работы. Прямолинейность оценки при смешении номинаций «биография» и «автобиография» кажется недостаточно обоснованной еще и потому, что это смешение должно быть рассмотрено в одном ряду с другими яркими явлениями, которые также указывают

на нейтрализацию противопоставления биографического и автобиографического в контексте PR-дискурса. Мы имеем в виду соединение биографического и автобиографического повествования в рамках одного текста.

3.3.2 Совмещение биографического и автобиографического повествования в рамках PR-биографии

Смещение биографического и автобиографического начал может принимать в PR-биографии различные формы. Одной из таких форм является введение в текст биографии комментария от лица героя. Подобные комментарии позволяют ввести в изложение личностное начало и выйти за пределы сухого перечисления фактов. Тем не менее, по нашему мнению, сам текст в целом не перестает быть биографическим. Герой биографии в подобных случаях фигурирует не только как объект изображения, но и как субъект, который выражает свои мысли, переживания и оценки. При этом выражение героя биографии как субъекта подчинено изложению от третьего лица. Подобного рода вкрапления от первого лица лишь дополняют сообщаемые автором биографического текста данные, то есть выполняют вторичную, вспомогательную функцию; кроме того, такие вкрапления, как правило, не используются для ввода собственно биографической информации.

В этом отношении показателен один из вариантов биографии Г. Лепса, в которой, в частности, содержится не только описание событий, но и комментарий к этому событию, даваемый героем биографии, ср.: *Лепс никогда не работал вполсилы, и ежедневный, а, точнее, еженощный марафон выматывал до изнеможения. В какой-то момент, дойдя до точки, он решил, что пора ехать в Москву. Иначе – тупик, и творческий, и жизненный: «Я поехал не за славой как таковой. Просто уже понимал, что если останусь петь в ресторанах Сочи, то выдохнусь как артист. Ночи работал напролет. А усталость снимал алкоголем...»* (Лепс). Впрочем, такие случаи вряд ли можно рассматривать как проявление нейтрализации противопоставления биографического или

автобиографического в PR-дискурсе. По большому счету, мы имеем дело с биографическим текстом, в который отдельные автобиографические компоненты внедрены.

Как показывает материал, в некоторых случаях традиционные формы описания жизни человека – субъективно-личностная автобиографическая и объективная биографическая – свободно и органично сплетаются в одной PR-биографии. Показательным примером является один из прежних вариантов биографии Полины Гагариной, который был опубликован на ее официальном сайте (*Гагарина*).

Данный текст состоит из двух частей. В первой части, озаглавленной «...встала и запела...», мы имеем дело с автобиографическим изложением, в котором от 1-го лица описываются события начального этапа жизни певицы. Этот фрагмент содержит личные воспоминания о первых проявлениях вокального таланта, а также важных этапах творческого становления и некоторых других существенных событиях (например, частых переездах). При этом изложение является очень персонализированным и личностным, ср.: *Мое вокальное творчество началось еще в детсадовском возрасте. Помню, как еще в совсем нежных годах я устроила родителям мой первый концерт – встала и запела громко: ходит Ваня!... И, когда в песне было развитие, я с такой душой и трепетом провела вокальную часть, что родители от смеха попадали с дивана* (*Гагарина*). Разговорность текста выражается не только в форме изложения от 1-го лица, но и в используемой лексике (*в детсадовском возрасте, устроила концерт, провела вокальную часть, от смеха попадали с дивана*). В силу этого тексту совершенно не присуща официальность.

Личное начало в этом фрагменте усиливается благодаря наличию персональных пожеланий читателям: *Желаю и вам красивой музыки в душе и наушниках. Никогда не отступайте от цели. И не обращайтесь внимания на преграды на пути к своей мечте!* (*Гагарина*). Несомненно, такие обращения вовлекают фигуру читателя в пространство текста, в результате чего персональность обращения усиливается. С другой стороны, функциональная

нагрузка этого пожелания является более сложной: оно одновременно оказывается и выражением жизненного кредо, то есть характеризует певицу как личность, человека.

Вторая часть биографии отражает период после начала полностью самостоятельной творческой деятельности и озаглавлена «Что? Где? Когда?». Она представляет собой перечисление наиболее значимых событий в карьере певицы в форме 3-го лица. Формулировки кратки, сжаты и исключительно информативны, например: *12 июля 2007 г. – Дебютный альбом «Попроси у облаков», в который вошли такие хиты, как «Колыбельная», «Я твоя», «Я тебя не прошу никогда».* Контраст с первой частью оказывается чрезвычайно разительным, поскольку связное изложение с ярко выраженными проявлениями личностного начала сменяется лаконичностью и фактологичностью биографии конспекта. Однако, в отличие от случаев, которые были рассмотрены ранее (см. анализ биографии К. Собчак в п. 3.1.2 данной работы), этот контраст усиливается за счет перехода от автобиографического к биографическому изложению. Наконец, переключение из одного режима изложения в другой связано с по-настоящему переломным периодом в жизни любого творческого человека – моментом начала полноценной самостоятельной творческой деятельности. Стилистическая и формально-грамматическая разница между двумя частями получает дополнительную коннотативную нагрузку, деля биографию на две части подобно заголовкам.

Аналогичное совмещение биографического и автобиографического характерно для биографии певицы Линды, опубликованной на ее сайте (*Линда*). Например, в этой биографии содержится поверхностное описание ранних этапов жизни героини: *Родилась по разным данным... в Кентау. В возрасте ... нн лет иммигрировала в Израиль. Следующий трамплин – Самара, Челябинск, Тольятти, Москва... Училась, учусь, живу, знакомлюсь.* Этот фрагмент в формально-стилистическом отношении является очевидно разговорным и отражает то, как человек, не относящийся к подробностям и фактам биографии серьезно, может рассказывать о своей жизни. Однако, наряду с таким фрагментом, а также

другими частями, построенными как повествование от 1-го лица, имеются фрагменты, в которых информация излагается от 3-го лица, ср. начальную часть из раздела «Итоги»: *Линда выпустила 12 альбомов, которые были распроданы тиражом более 5 000 000 экземпляров. 9 раз получала звание «Певица года». Она сумела собрать рекордное количество зрителей за всю историю российской эстрады – 450 000 человек на концерте в городе Киеве, на территории «Певческого поля» (Линда).*

Другим проявлением этого может служить жанр биографического интервью. По сути, автором такого текста всегда является другой человек, журналист, который определяет замысел интервью и руководит его воплощением, задавая вопросы. Однако форма этого текста преимущественно является автобиографической, поскольку герой интервью рассказывает о себе.

В этом отношении заслуживает внимания биография Елены Ваенги, опубликованная на ее персональном сайте (*Ваенга*). Особенность этой биографии заключается в том, что она представлена как развернутый рассказ от первого лица. Однако фактически этот текст является интервью, что проявляется в указании авторства в конце текста (*Автор – петербургский журналист и писатель Михаил Садчиков*), а также в некоторых других признаках (например, комментирующих вставках). Вообще указание автора в PR-биографии – это чрезвычайно нетипичное явление, однако оно будет подробнее рассмотрено в главе 4 данной работы.

Помимо собственно фактической информации, это интервью, в частности, содержит подробное изложение впечатлений и оценок его героини, благодаря чему она предстает перед читателями как личность. Приведем характерный фрагмент: *Я приехала в Москву, окунулась в реалии шоу-бизнеса, накушалась досыта отходов, увидела шоу-бизнес с таких нехороших сторон, получила столько негативной энергии, впечатлений, опыта (хотела сказать – плохого опыта, но не скажу, потому что опыт не бывает плохим!), что я... испугалась. Я испугалась этого города, впоследствии подписала нехороший контракт и вообще из ста процентов получила восемьдесят процентов дерьма.*

Но двадцать процентов были золотым опытом. И они были ценнейшими (Ваенга). В сочетании с разговорными и просторечными выражениями, иногда даже находящимися на грани литературности (накушалась досыта отходов, восемьдесят процентов дерьма), интервью приобретает отчетливые черты портретности, представляет живого человека, который не только побеждает, но и сталкивается с трудностями, не только переживает проблемы, но и страдает.

К сожалению, PR-жанр биографического интервью остается малоизученными в современной науке. При этом далеко не всегда результаты, полученные исследователями, могут быть приняты безоговорочно. Например, Е. Н. Пескова, рассуждая о биографическом интервью в имиджевом издании, определяет его следующим образом: это «структурированная беседа, в ходе которой специалист собирает подробную информацию о жизненном пути человека, о важных для него жизненных и профессиональных событиях, находящихся в тесной связи друг с другом и отражающих характер героя, его достижения, перспективы, связь с историей развития организации, в которой он работает и др.» [Пескова, 2015, с. 41]. Это определение представляется не совсем удачным, поскольку в нем смешиваются речевой жанр интервью и интервью как способ получения, сбора информации в рамках, например, социологического исследования (подчеркнем, что в статье Е. Н. Песковой речь идет именно об особом речевом жанре). Более правильным было бы определение, в соответствии с которым биографическое интервью – это текст, излагающий информацию о жизненном пути героя и построенный в виде диалога героя с журналистом, образ которого может быть более или менее выраженным и персонализированным. Впрочем, в остальных отношениях характеристика биографического интервью, предлагаемая Е. Н. Песковой, представляется верной, и особого внимания заслуживает мысль о том, что данная жанровая модификация совмещает в себе признаки биографии и имиджевого интервью. Как показывает автор, с одной стороны, в биографическом интервью строго соблюдается хронологический принцип изложения и описываются события из жизни интервьюируемого лица – публичной персоны. С другой стороны,

формально этот текст является интервью, поскольку строится в вопросно-ответной форме, а следовательно, предполагает формальное присутствие фигуры интервьюера. Наконец, в плане целеполагания биографические интервью в PR полностью соответствуют потребностям данной сферы деятельности, поскольку они создаются для формирования положительного имиджа.

Необходимо добавить, что форма интервью, которая допускает биографическую доминанту, все-таки является более широкой, поскольку в имиджевом интервью могут находить отражение взгляды интервьюируемого, видение им будущего, оценка текущего положения, мнение о людях и явлениях и т.д. (см., например, [Аксенова, 2015, с. 116-120]).

Однако в данном контексте биографическое интервью представляет интерес в двух аспектах. Во-первых, данная модификация показывает, что PR-биография может вбирать в себя признаки не только ее жанров-предшественников, но и других речевых жанров. Упомянутый чуть ранее текст подается именно как биография, а не как интервью.

Во-вторых, форма биографического интервью размывает границы между собственно биографическим и автобиографическим изложением. Контекст интервью способствует раскрытию личности интервьюируемого, позволяет ему выразить то, как он сам видит себя, причем сделать это от своего лица и в тех выражениях, в которых он считает нужным. Однако эту жанровую модификацию нельзя считать в полной мере автобиографической, поскольку она предполагает обязательное участие другого лица, то есть журналиста, который и является непосредственным автором конкретного текста (то есть записывает его и осуществляет его обработку).

3.3.3 Переосмысление биографической и автобиографической форм изложения в контексте PR-дискурса

Описанные ранее явления, так или иначе реализующие нейтрализацию автобиографического и собственно биографического начал в PR-биографии,

нуждаются в осмыслении. В связи с этим необходимо высказать некоторые соображения.

Прежде всего, рассмотренные явления приводят к заключению, что выбор формы лица в PR-биографии не отражает реальную коммуникативную ситуацию. Это можно интерпретировать как изменение функциональной нагрузки личных форм, создающих грамматическое оформление текста. В обычном случае личные формы репрезентируют структуру коммуникативной ситуации, то есть указывают на участников ситуации относительно фигуры говорящего. В PR-биографии они не используются в прямом смысле и приобретают новую функцию – функцию установления контакта или, шире, создания дистанции между базисным субъектом PR (а точнее, его образом) и аудиторией текста.

В контексте PR-дискурса форма 1-го лица (автобиографическое повествование) может использоваться как средство интимизации текста, создания впечатления доверительности и откровенности, а также личностного обращения и личного контакта. Разумеется, в этой ситуации автором текста биографируемое лицо, скорее всего, не является – грамматические формы лишь создают иллюзию того, что герой биографии сам рассказывает о себе.

Форма 3-го лица, наоборот, повышает официальность, отстраненность, объективность текста. Такие тексты естественно соотносятся с объективной, фактологической или энциклопедической, подачей информации, которая характерна для огромного количества словесных произведений. Повествование от 3-го лица также создает иллюзию, что информация передается не самим героем биографии и как бы без его участия.

В этом отношении PR-биография не нарушает возможностей языковой системы. Данное переосмысление можно сравнить с повествованием от 1-го лица в художественном тексте, при восприятии которого фигура говорящего не соотносится с фигурой автора, поскольку автор всего лишь говорит от имени персонажа. Разумеется, в биографии такое расщепление принимает особые и во многом уникальные формы.

Следует также обратить внимание на то, что автобиографические и биографические элементы смешиваются в PR-биографиях деятелей культуры (писателей, музыкантов, телеведущих), то же можно сказать и о выборе автобиографии в качестве ведущей формы организации текста. Биографическая форма не только преобладает в целом, но и является единственным способом организации текста в биографиях политиков, государственных деятелей, бизнесменов. Объяснение этого факта представляется тривиальным: биографическая форма создает эффекты объективности, информативности, точности, которые являются чрезвычайно желательными при формировании образа конкретных деятелей политики и бизнеса, а также политических и государственных структур.

В более широком смысле это обусловлено автобиографичностью (а точнее, «квазиавтобиографичностью») любой PR-биографии. Более подробный анализ этого свойства PR-биографий будет проделан в гл. 4 данного исследования. Пока же будет достаточно обратить внимание на то, что PR-биография, даже будучи написанной от 3-го лица, распространяется от имени базисного субъекта PR и этот факт известен ее читателю. В таком контексте форма повествования от 3-го лица, несмотря на ее количественное преобладание, не может отражать реальную коммуникативную ситуацию.

Выводы по 3 главе

В формально-языковом плане, то есть в плане языкового, стилистического и композиционного оформления PR-биографии присуще такое свойство, как полиморфность. Оно проявляется в виде заимствования языковых форм, присущих другим жанровым модификациям биографической модели, а также в виде ограниченной выработки новых форм.

Языковой материал показывает, что PR-биография представляет собой довольно разнообразное с точки зрения языковых, композиционных, стилистических признаков явление. В PR-биографии преобладают такие качества,

как официальность, лаконичность, строгость, однако полный диапазон фиксируемых явлений показывает, что данная жанровая модификация имеет чрезвычайно широкий потенциал. PR-биография в плане композиции, стилистики и языкового оформления не является ни жестким, ни устойчивым речевым жанром и допускает новаторство и творческие решения.

Во-первых, PR-биография вбирает в себя признаки других жанровых форм, прежде всего, реализующих биографическую жанровую модель. В контексте PR-дискурса оказываются уместными формы биографии, выработанные в литературно-художественном, публицистическом и деловом дискурсах, а также собственно биографическое и автобиографическое изложение. Это разнообразие естественно рассматривать как результат творческого использования PR-дискурсом «исторической памяти» биографического жанра в целом, который на протяжении многовековой истории выработал множество частных жанровых форм, отвечающих различным коммуникативным целям, обстоятельствам общения, особенностям формируемого образа и т. д. PR-биография, в значительной части случаев тяготеющая к официально-деловой речи, в то же время вбирает в себя формы, выработанные художественной и документальной литературой, журналистикой и т. д.

Во-вторых, для PR-биографии характерно нарушение жанровых границ в рамках одного текста, в результате чего конкретные тексты одновременно реализуют признаки разных жанровых моделей. Это проявляется в совмещении в рамках одной биографии признаков устойчивых форм, выработанных в практике связей с общественностью (биографии-конспекта, биографии-рассказа, биографии-повествования), а также автобиографического и биографического повествования. В этот процесс вовлекаются и жанровые формы, принадлежащие к другим дискурсам и сферам коммуникации: интервью, исповедь, газетная заметка, летопись (хроника). С одной стороны, последнее объясняется тем, что некоторые из указанных жанровых моделей устойчивы в сознании аудитории, и опора на них не только делает тексты более увлекательными, но и облегчает их восприятие. С другой стороны, в отдельных случаях это является следствием

использования в PR-биографии сторонних материалов, а также особенностей бытования данного речевого жанра (а именно, необходимостью систематического обновления текста и поддержания его в актуальном состоянии).

Наконец, в-третьих, для PR-биографии характерны новации, которые обусловлены особенностями ее функционирования. Это выражается во фрагментарности текстов многих PR-биографий. В контексте связей с общественностью биографии, как правило, соотносятся с социально активным, действующим публичным лицом, что делает необходимым их обновление и поддержание в актуальном состоянии. Модульность построения, фрагментарность облегчает эту задачу. Подобная фрагментарность практически не фиксируется в биографических формах, обслуживающих другие дискурсы (за исключением, пожалуй, дискурса делового).

Для обозначения этого качества PR-биографии предлагается термин «полиморфность». Полиморфность биографии обусловлена целым рядом причин. Прежде всего, современные PR-коммуникации осуществляются посредством и в контексте новых медиа, а потому не могут не вбирать в себя свойства, присущие новым медиа в целом. PR-биография не является исключением из этого правила. В частности, характерная для нее фрагментарность структуры отчасти обусловлена новыми способами представления информации, возникшими в условиях цифровой коммуникации и являющимися неотъемлемой чертой цифровых коммуникаций в целом. Другая причина заключается в особенностях контекста, в котором создается и функционирует данная жанровая модификация. PR-биография всегда создается и распространяется в интересах некоторого лица или организации, к которой данное лицо принадлежит, и это делает ее принципиально незавершенным текстом, который к тому же должен отражать события в жизни ее героя, относящиеся к непосредственному прошлому, то есть моменту времени, предшествующему чтению.

Однако наиболее важным фактором, обуславливающим полиморфность биографии, является установка PR-дискурса на воздействие. Выбор конкретных жанровых прототипов, выработанных в рамках биографического жанра

на протяжении его истории, или других жанровых форм в качестве модели для конкретной PR-биографии представляет собой инструмент «настройки» взаимодействия между отправителем текста и его читателем и формирования желательного образа в сознании получателя. Так, автобиографическая форма придает тексту тон персонального обращения, усиливает интимность текста. Собственно биографическая форма, то есть повествование от 3-го лица, наоборот, усиливает официальность и, в первую очередь, видимую объективность изложения. Наличие выбора между стилистически богатыми повествовательными формами и сжатым, лаконичным, максимально информативным изложением соотносится с противопоставлением более официального и менее официального регистров общения. В итоге вся совокупность форм, используемых в PR-биографии, оказывается направленной на установление определенной дистанции между ее отправителем и автором, а также на позиционирование героя биографии.

Глава 4. КВАЗИАВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ PR-БИОГРАФИИ

4.1 Сочетание биографического и автобиографического в PR-биографии

На фоне традиционной системы разновидностей биографического жанра PR-биография выделяется благодаря парадоксальному сочетанию коммуникативных и формальных свойств, которые проявляются как одновременное сосуществование в любой PR-биографии черт биографического и автобиографического текстов. В рамках данной работы это сочетание определяется при помощи термина «квазиавтобиографичность». В силу этих особенностей PR-биография не может считаться ни биографическим, ни автобиографическим текстом в строгом смысле слова. Поэтому, прежде чем переходить к непосредственным языковым проявлениям квазиавтобиографичности PR-биографии, необходимо остановиться на важных моментах, касающихся коммуникативного контекста, в котором данная жанровая модификация функционирует.

При этом необходимо подчеркнуть, что квазиавтобиографичность PR-биографии не воплощается непосредственно как свойство текста, которое затрагивает его формальную организацию и явно выражается. Речь идет о том, в каких условиях текст создается и в дальнейшем используется, то есть о признаках, имеющих отношение к коммуникативной ситуации.

Прежде всего, у PR-биографии может быть выделено несколько черт, которые правомерно осмыслять как автобиографические.

1. PR-биография естественным образом соотносится с базисным субъектом PR, поскольку она распространяется от его имени, и этот факт обычно не скрывается. PR-биографии публикуются на официальных сайтах публичных лиц и организаций, распространяются в составе пресс-китов, могут публиковаться в корпоративных изданиях, являются частью материалов, распространяемых в рамках предвыборных кампаний, и т. д. В PR-биографии преобладает функция

самопрезентации: в случае с публичным лицом она реализуется непосредственно, в случае с организацией мы имеем дело с самопрезентацией через некоторое лицо (руководителя, сотрудника и т. д.). К традиционным автобиографиям термин «самопрезентация» также вполне применим, поскольку в таких текстах автор рассказывает о самом себе.

2. Инициатором создания текста, как правило, выступает базисный субъект PR. Разумеется, инициирование может осуществляться косвенно, например, через найм сторонних специалистов по связям с общественностью или созданием соответствующего подразделения в рамках организации (в этом случае решение о целесообразности использования PR-биографии в рамках конкретной кампании принимают PR-специалисты). Но само инициирование PR-коммуникаций, несомненно, в подавляющем большинстве случаев исходит от базисного субъекта PR.

3. PR-биография является инструментом, который использует базисный субъект PR, причем этот инструмент направлен на достижение ближних целей, принадлежащих к непосредственному будущему и связанных с выгодой для базисного субъекта PR. Общая цель PR-дискурса – формирование положительного образа базисного субъекта PR – в контексте конкретной PR-кампании может трансформироваться. Например, в рамках предвыборных кампаний от адресата биографии ожидается конкретная реакция в виде действия (голоса на выборах), тогда как в других случаях целью воздействия оказывается внутренняя реакция (изменения представления о герое PR-биографии, увеличение уважения, симпатии и других положительных чувств). Однако в любом случае эффект, достигаемый посредством PR-биографии, выгоден для базисного субъекта PR, а сама биография создается для достижения этого эффекта.

4. Автобиографичность проявляется и с точки зрения создания текста. Хотя PR-биография типично создается не тем лицом, жизнь которого описывается, базисный субъект PR неизбежно оказывает определенное влияние на процесс ее создания. Это вытекает из целей, для которых создается PR-биография, а также условий, в которых она будет функционировать, и этот контекст создает рамки,

за которые реальный автор PR-биографии не может выходить. Вмешательство заказчика проявляется в том, что он в той или иной степени определяет смысловые акценты текста, набор фактов, которые должны быть в нем отражены, факты, о которых следует умолчать, и т. д. В целом, опираясь на терминологию связей с общественностью, это можно обобщить как следствие того факта, что PR-биография изначально создается в качестве текста, функционирующего в пользу базисного субъекта PR.

Реальный автор PR-биографии является лицом, зависимым от базисного субъекта PR, а потому выполняет скорее техническую роль при создании текста. Биографический текст в собственном смысле слова обычно предполагает независимость автора от героя биографии. Содержательный анализ фигуры автора биографии предложил Ю. М. Лотман. По его мнению, чтобы биография (как текст) родилась, «между “тем, кто имеет биографию”, и тем, кто ее не имеет, но будет ее читать, должно появиться еще одно лицо – тот, кто ее напишет. В архаических культурах тот, кто пишет биографию, сам биографии не имеет» [Лотман, 1997, с. 806]. Именно поэтому в архаических культурах биограф рассматривается как посредник. Однако «с усложнением семиотической ситуации создатель текста... обретает в полном смысле слова статус *создателя*. Он получает свободу выбора, ему начинает приписываться активная роль. Это, с одной стороны, приводит к тому, что к нему оказываются применимы категории замысла, стратегии его реализации, мотивировки выбора и т.д., то есть он получает поведение, причем поведение это оценивается как исключительное. С другой стороны, создаваемый им текст уже не может рассматриваться как изначально истинный: возможность ошибки или прямой лжи возникает одновременно со свободой выбора» [там же, с. 808]. И это, в частности, выражается в свободе оценок, которые автор биографии (в собственном смысле) слова дает ее герою, а также в том, что эти оценки могут быть как положительными, так и отрицательными, а также двойственными, неоднозначными.

У автора PR-биографии такой свободы нет, оценочная составляющая PR-биографии обусловлена целями PR-биографии и обязательно является положительной. Прибегая к терминологии Ю. М. Лотмана, можно сказать, что автор PR-биографии – это лицо не только без биографии, но и без имени (подробнее см. анализ категории авторства в PR-биографии, п. 4.2.2 данной главы).

5. Наконец, как уже было указано в главе 3 данной работы, PR-биография, в силу ее типичной соотнесенности с живым и активно действующим в социальной сфере лицом, является текстом незавершенным, поскольку жизненный путь этого лица также является незавершенным. Это также сближает PR-биографию с автобиографической модификацией общей, наддискурсной жанровой модели биографии (см. п. 3.2 данной работы).

Последний момент, будучи чрезвычайно ярким проявлением сходства PR-биографии, пожалуй, является наименее значимым из всех перечисленных. Незавершенность PR-биографии является следствием, побочным эффектом обстоятельств порождения текста, тогда как первые четыре признака непосредственно проявляют себя при создании и функционировании PR-биографии, а также напрямую отражают мотивацию, стоящую за такими текстами.

С другой стороны, такой связи между PR-биографией и изображаемым в ней лицом недостаточно для того, чтобы признать этот текст автобиографическим. Имеется целый ряд признаков, по которым PR-биография является текстом биографическим (в узком смысле этого слова).

1. Пожалуй, самым важным фактором оказывается то, что PR-биография создается не самим биографируемым лицом, а исполнителем, PR-специалистом. Различие между автором и героем представляет собой едва ли не самый сильный признак, на основании которого биографический текст противопоставляется автобиографическому. Хотя эта расщепленность при функционировании PR-биографии в подавляющем большинстве случаев остается «за кулисами», она все-таки может быть очевидной для аудитории и как бы предполагается.

Отчасти это обусловлено очевидностью коммуникативного контекста, в котором функционирует рассматриваемый речевой жанр. В частности, можно предположить, что значительной части получателей PR-сообщений известно, что созданием этих текстов занимаются PR-специалисты. Более того, подразумевается, что базисный субъект PR не должен обязательно быть автором текста. В силу этого дистанция между реальным автором и источником распространения PR-биографии ясна не только отправляющей стороне, но и получателям сообщения. И по этой причине автобиографическая форма в контексте PR-коммуникаций может восприниматься как симуляция, что отрицательно сказывается на впечатлении о достоверности и искренности текста. (Возможно, именно этим обусловлено избегание довольно низкого процента использования автобиографической формы в исследованном материале, на что было указано в главе 3 данного исследования.)

2. Нельзя не учитывать формальных свойств PR-биографии. В подавляющем большинстве случаев PR-биография, несмотря на свою «квазиавтобиографичность», с формальной точки зрения является биографическим текстом в узком смысле слова, то есть представляет собой повествование от третьего лица. Хотя эта форма вступает в определенное противоречие со способом распространения PR-биографии, она чрезвычайно частотна. И эта частотность определяется не только инерцией жанровой формы биографии, но и другими факторами. Среди них можно перечислить следующие.

а) Реальный автор PR-биографии, то есть специалист-исполнитель, может выбирать форму третьего лица автоматически в силу ее соответствия реальным обстоятельствам создания текста и коммуникации. Использование повествования от 1-го лица требует дополнительных усилий при создании текста, в частности, постановки себя на место героя биографии.

б) Повествование от третьего лица может рассматриваться как «фигура вежливости», которая смягчает тот факт, что базисное лицо говорит о себе, причем в положительном ключе (это находит подтверждение в способах

выражения положительной оценки, которые будут проанализированы далее, в п. 4.3 данной главы).

в) PR-биография может выполнять и нередко выполняет справочную функцию, то есть служит источником информации для журналистов. Поэтому нельзя исключить, что в ряде случаев она создается с учетом потребностей журналистов. В таком контексте повествование от первого лица оказывается неуместным. Оно не обеспечивает чистой информативности, поскольку не лишено субъективности, интимности, персональности, исповедальности, присущих автобиографическому тексту. Перволичная (автобиографическая) форма уместна только в контексте прямого обращения к аудитории (например, поклонникам). К тому же перволичная форма делает неизбежной дополнительную обработку при использовании материалов PR-биографии, то есть переводение в форму третьего лица, тогда как повествование от 3-го лица допускает простое копирование необходимых сведений.

Таким образом, PR-биография с точки зрения структуры коммуникативной ситуации, в которой она функционирует, оказывается промежуточным, гибридным явлением, сочетающим в себе черты биографического и автобиографического текстов. Перечисленные факты не позволяют считать рассматриваемый речевой жанр ни биографическим, ни автобиографическим в чистом виде.

Как уже было указано, квазиавтобиографичность PR-биографии очевидна при анализе коммуникативных условий, то есть условий ее создания и функционирования, а сама эта ситуация не получает прямого, непосредственного формального выражения, как это происходит в каноническом биографическом и автобиографическом изложении. Однако нельзя не отметить косвенных и не всегда очевидных последствий квазиавтобиографичности PR-биографии для формальной стороны текста.

Дело в том, что условия создания и функционирования PR-биографии фактически делают не адекватными коммуникативной ситуации как собственно биографическую, так и автобиографическую модель изложения. Повествования

от 1-го или 3-го лица, то есть устойчивые формальные структуры, посредством которых оформляются конкретные PR-биографии, не сообщают и не способны сообщить о том, в каком коммуникативном контексте создавался и функционирует текст, и передать структуру этой ситуации. Они утрачивают информативность и мотивированность и превращаются в чисто формальное явление, которое сохраняется в силу его привычности. Использование личных форм в PR-биографии в большей степени напоминает их функционирование в художественной литературе, чем в биографических и автобиографических текстах. Именно это делает возможным использование в PR-биографии как собственно биографических, так и автобиографических форм, а также их смешение в рамках одного текста – явление, которое было проанализировано в главе 3 данного исследования.

Можно также добавить, что условия создания и функционирования PR-биографии являются гораздо более сложными и многоаспектными, а потому не могут получить адекватного отражения в тексте.

При этом создаются условия для переосмысления этих устойчивых структур. В частности, сформулированные в главе 3 данной работы (см. п. 3.3.3) наблюдения о том, что изложение от 1-го лица в PR-биографии создает впечатление интимности, персональности, искренности, исповедальности обращения, тогда как изложение от 3-го лица оказывается одним из средств формирования «сухого», официального, объективного стиля сообщения, вполне способны очертить общее направление данного переосмысления. В силу возможности выбора формы изложения от 1-го и 3-го лица из явлений грамматических превращаются в явления стилистические, причем с обеими формами связан и особый характер воздействия, которое текст оказывает на читателя, и черты формируемого образа героя PR-биографии.

Имеется еще два важных свойства, которые вытекают из квазиавтобиографичности PR-биографии и проявляются в том числе формально, через языковые средства. Во-первых, это особенности реализации текстовой категории авторства в PR-биографии; во-вторых, это специфичное

выражение оценочности. Указанные свойства будут рассмотрены далее в данной главе.

4.2 Паратекстовая категория авторства в PR-биографии

Говоря об авторстве применительно к PR-биографии, мы имеем в виду прежде всего наличие подписи, то есть имени автора, создавшего текст. Понимаемое таким образом авторство, несомненно, примыкает к репрезентации фигуры говорящего в речи и тексте, которая осуществляется посредством личных местоимений, а также других элементов дейксиса, отсылающих к моменту «здесь и сейчас» речевого акта. Однако категория авторства – это более сложное и генетически более позднее явление. Она гораздо ярче выражена в жанрах письменной речи и не реализуется в текстах так же регулярно, как в них воплощается фигура говорящего. В силу этого, а также особого статуса имени автора по отношению к тексту мы считаем необходимым рассматривать имя автора как элемент паратекста.

4.2.1 Имя автора как элемент паратекста

Термин «паратекст» в данном контексте используется в смысле, восходящем к работам Ж. Женетта. Под паратекстом в этом случае понимаются любые текстовые элементы, которые, не будучи неотъемлемой частью текста, направляют внимание читателя, являются важными для восприятия текста и часто выполняют роль своего рода посредника между текстом и реальностью. Элементами паратекста являются заглавия [Веселова, 1998; Куликовская, 2016], примечания [Остапенко, 2015], эпиграфы [Казакова, 2012], посвящения, предисловия, послесловия, аннотации и т. д. В сообщениях, имеющих смешанную аудиовизуальную природу, в качестве паратекста рассматриваются субтитры [Духовная, 2017]. Помимо этого значения, термин «паратекст» иногда используется для обозначения различных модификаций внешнего вида текста

(например, текстовых выделений) [Комлев, 2000]. От последнего значения термина «паратекст» в дальнейшем обсуждении мы абстрагируемся.

Хотя исходно понятие паратекста является преимущественно литературоведческим, не вызывает сомнений его общелингвистический потенциал. Ж. Женетт анализировал паратекст как своего рода сопровождение литературного произведения, которое превращает текст в книгу [Колотов, 2011], однако эта категория может быть полезной при исследовании текстов иной функционально-стилистической природы и, в частности, категории авторства. Об этом свидетельствуют работы, в которых рассматривается паратекст в составе произведений других функциональных стилей, например, публицистики [Шильникова, 2011], в том числе телевизионной [Loewe 2015 а-б].

В целом имеются основания утверждать, что отдельные жанры, группы жанров и сферы речи вырабатывают собственные паратексты [Шмелева, 2009, с. 145-146]. В частности, необходимо отметить, что между структурой и составом паратекста в различных жанрах и видах словесности имеются существенные различия. В этом отношении показательны работы, в которых анализируются уникальные черты паратекста драматических произведений, включающего авторские ремарки, то есть «совокупность выполняющих металингвистическую роль сценических указаний (авторских ремарок), не произносимых актерами и непосредственно не воспринимаемых зрителем, необходимых для понимания или указания манеры представления пьесы, а также конструирования смысла пьесы адресатом» [Серова, Гордеева, 2017, с. 133], ср. [Борботько, 2011; Носов, 2010; Толчеева, 2015].

Имя автора является самостоятельной и важной частью паратекста. Во-первых, любой текст имеет автора или авторов, хотя не каждый текст однозначно атрибутирован или нуждается в атрибуции. В силу этого мы можем противопоставить тексты, которые опубликованы с именем (или даже псевдонимом) автора произведения, и тексты, опубликованные анонимно либо изначально не атрибутированные. Эта альтернатива типична для художественной литературы, науки, публицистики, однако при обращении к иным сферам

бытования языка обнаруживается, что существует чрезвычайно широкий круг письменных текстов, которые не предполагают указания имени автора (то есть анонимность является их жанровой чертой). Примером таких текстов могут служить публичные объявления (надписи запретительного и рекомендательного характера в общественных местах), инструкции, которые сопровождают технические устройства, средства бытовой химии, лекарства, тексты законов. Необязательность наличия имени автора свидетельствует о том, что это – самостоятельный элемент паратекста, который может служить важным признаком и при характеристике конкретного текста, и при характеристике речевого жанра.

Во-вторых, в соответствии с разграничением, предложенным Ж. Женеттом, имя автора может быть частью автографического (создаваемого автором) и аллографического (создаваемого другим лицом) паратекстов [Колотов, 2011, с. 37]. В первом случае автор сам подписывает свое произведение, во втором – имя автора ставится кем-то другим (например, исследователем в результате атрибуции текста или экспертом в результате автороведческой экспертизы). Применительно к книге или литературному произведению, имя автора как часть автотекста стоит в одном ряду с заглавием произведения, посвящением, названиями глав, авторскими примечаниями, авторским предисловием и т. д. Как часть аллотекста, имя автора оказывается в одном ряду с предисловием и послесловием, созданными другими авторами, комментариями, аннотацией, выходными данными книги и т. д., то есть всеми теми элементами, которыми «обрастает» текст в его бытовании и которые создаются не его автором, а издателем, редактором, исследователем.

4.2.2 Фигура автора в PR-биографии

Теоретически с точки зрения наличия/отсутствия имени автора PR-биография может быть как анонимной, так и авторской. Очевидно, что имеются предпосылки для обоих вариантов. С одной стороны, PR-биография типично создается третьим лицом, то есть PR-специалистом, а потому имеет

реального автора. С другой стороны, PR-биография распространяется от имени базисного субъекта PR и является инструментом его позиционирования, а реальный автор в этой ситуации исполняет скорее техническую роль.

Фактический материал характеризуется абсолютным преобладанием анонимных, не содержащих подписи автора PR-биографий. Из 141 PR-биографий, которые были проанализированы, лишь 11 содержат те или иные проявления фигуры автора, причем в это число входят PR-биографии, в которых фигура автора проявляется косвенно и минимально. Именно поэтому кажется важным анализ PR-биографий, в которых фигура автора представлена более или менее явно, а также возможных эффектов этого в плане восприятия и интерпретации текста. По нашему мнению, явное, эксплицитное присутствие фигуры автора может служить основанием для содержательных выводов, касающихся PR-биографии как особого жанра.

Как показывает материал, можно выделить три формы присутствия автора в тексте PR-биографии: 1) несомненная автобиографичность текста, которая предполагает тождество героя и автора, 2) косвенное присутствие автора, то есть наличие указаний на нетождественность автора текста и его героя (без упоминания имени автора), и 3) прямое указание на авторство.

1) Прежде всего, тривиальным случаем присутствия фигуры автора в тексте является PR-автобиография. Характерным примером может служить автобиография Д. Рубиной, которая уже упоминалась в главе 3 данной работы (см. п. 3.3). Этот текст, несмотря на характеристику «биография», представляет собой автобиографическое повествование, причем автобиографичность, в отличие от примеров, упомянутых в главе 3 исследования, в этом случае не моделируется. На это прямо указывает содержащийся в тексте рассказ о предыстории, причинах его создания, а также о мотивации, с которой он создавался:

Обычно я довольно равнодушно отношусь к подобным вещам, полагая, что никто их и не читает. В сущности, кому какое дело — что за институт закончил автор того или иного романа, сколько у него братьев или сестер, сколько детей, мужей и прочего жизненного баракла...

Некоторое время меня даже раздражала просьба создателей моего сайта — написать собственную биографию. В конце концов, у любого писателя биография расщеплена на мелкие и крупные щепы для растопки творческого костра, на котором мы сами и корчимся всю свою литературную жизнь.

Потом я решила взглянуть на это дело с точки зрения мастеровой. Вот, мол, есть некая второстепенная героиня ненаписанного пока романа. Взять и — где конспективно, где более проработанно — набросать некий рисунок жизненного пути. На том и порешила (Рубина).

Из этого фрагмента можно однозначно сделать вывод, что текст, с которым мы имеем дело, является автобиографическим в полном смысле этого слова, то есть героиня биографии и автор текста – это действительно одно лицо. Тот факт, что Д. Рубина при создании собственной автобиографии объективировала собственный образ, описывая его так, как описывают персонажа, по сути, ничего не меняет.

В данном контексте важен сам факт прямого подтверждения авторства в изложении. В этом отношении кажется необходимым отличать собственно автобиографические PR-тексты, которые действительно были написаны самим автором, от PR-текстов, которые лишь «мимикрируют» под автобиографические, а на самом деле были подготовлены PR-специалистом. По большому счету, автобиография Д. Рубиной является единственным примером PR-биографий, о котором можно с полной достоверностью утверждать, что он является автобиографическим. В этом находит еще одно подтверждение высказанная ранее гипотеза о том, что форма автобиографии в контексте PR-коммуникаций не отражает обстоятельства создания текста, а используется как самостоятельная форма воздействия на читателя.

2) Фигура реального автора в PR-биографии может быть представлена косвенно. Например, это может выражаться в комментирующих подписях к биографиям, из которых следует, что биография написана не самим биографируемым лицом.

Так, подпись *«Подготовлено по интервью и публикациям Захара Прилепина»* под биографией З. Прилепина, опубликованной на его официальном сайте (*Прилепин*), однозначно свидетельствует о том, что, во-первых, этот текст был создан другим лицом, а во-вторых, участие самого писателя в создании этого текста было минимальным или даже нулевым. Точно так же подпись *«Биография согласована и скорректирована Владимиром Познером»* под биографией на официальном сайте известного журналиста (*Познер*) свидетельствует о том, что этот текст создан другим лицом. В последнем случае подпись дополняется другой подписью, отсылающей к более подробному и достоверному источнику (*Подробная биография в книге «Прощание с иллюзиями»*), однако само утверждение о личном участии В. Познера в корректировке биографии еще больше повышает степень ее достоверности.

Разумеется, цель таких комментариев заключается не в том, чтобы прямо указать на наличие реального автора, который отличается от героя биографии. Скорее, этот реальный автор проявляет себя нецеленаправленно. Представляется очевидным, что в обоих случаях основная цель комментария заключается в подтверждении достоверности информации, которую можно получить из текста.

Стоит обратить внимание, что эти комментарии, будучи в целом нетипичными для PR-биографий, позволяют также составить представление о том, каким образом подобные тексты создаются. В частности, на их основании можно сделать вывод о том, принимал ли герой биографии в подготовке этого текста, и о степени его участия; кроме того, в комментарии к биографии З. Прилепина содержится указание на источники информации.

3) В отдельных случаях автор биографии не только проявляет себя косвенно, но и называется по имени. Довольно интересной в этом отношении является биография Е. Ваенги (*Ваенга*), к которой мы уже обращались в главе 3 данной работы. Прежде всего, эта биография подписана, и подпись содержит не только фамилию, но и указание на род занятий автора, а также место его проживания: *Автор – петербургский журналист и писатель Михаил Садчиков.*

Наличие подписи может интерпретироваться в нескольких смыслах. С одной стороны, наличие подписи как бы подчеркивает, что данная биография является не стандартным текстом, а авторской работой, продуктом творческой деятельности. Это согласуется с необычностью самого текста, который, как было указано в главе 3, строится по модели интервью, а также выделяется в силу его экспрессивности и формируемого в нем персонального обращения. С другой стороны, наличие подписи может восприниматься как намек на дружеские отношения между певицей и писателем. В силу этого образ Е. Ваенги дополняется еще одной чертой, а именно ее характеристикой через круг ее знакомств и общения, то есть через ее отождествление с «интеллигентской» средой, к которой она принадлежит или сама себя отождествляет. Не исключена также ассоциация «взаимного пиара», то есть продвижения знакомого писателя через публикацию подготовленной биографии. Однако такой «взаимный пиар» не носит агрессивного характера, скорее, это проявление приятельских, дружеских отношений. Автор не является «знаковой» фигурой, а потому его привлечение для создания биографии вряд ли можно считать ходом, направленным на повышение значительности образа героини (о значимости соседства героя PR-биографии к значимым персонажам публичной сферы будет сказано далее, в п. 4.3.3 данной главы). И одновременно в тексте подчеркивается, что автор не является PR-специалистом, то есть он не исполняет исключительно техническую функцию.

Разумеется, предложенные интерпретации носят исключительно ассоциативный характер и не основаны на фактических данных. Однако их появление у внимательного читателя представляется закономерным. Более того, имеются все основания рассматривать эти ассоциации как результат сознательно избранной PR-тактики, которая в конечном счете работает на образ героини.

Заслуживают внимания другие проявления авторского присутствия в тексте. Оно выражается не только в подписи, которая сообщает его имя, но и, например, в ремарках, которые внедряются в рассказ от 1-го лица: *Я отвратная пианистка, если сравнивать меня с Рихтером (улыбается), я плохая пианистка в сравнении с Женей Кисиным; Со временем, наверное, я бы захотела стать педагогом*

музыкальной литературы, потому что сольфеджио, теория, гармония – вообще не мое, это математика в музыке, тут я полный дуб (*смеется*). Такие ремарки не могут принадлежать к речи героини, поскольку они указывают на нее в третьем лице, а, следовательно, вводятся с внешней позиции.

В отдельных случаях встречаются комментарии, поясняющие некоторые детали повествования. Прежде всего, это пояснения, касающиеся упоминаемых людей: *Не буду говорить его фамилию... Хотя нет, скажу – это был Юра Чернавский (известный композитор, аранжировщик, автор песен для Пугачевой, Леонтьева, Преснякова. – Прим. авт.); Я не могла возвращаться в театральную академию, но узнала, что на кафедре театрального искусства в Балтийском институте экономики, политики и права набирает курс Петр Сергеевич Вельяминов (знаменитый советский киноактер, народный артист России, маститый педагог. – Прим. авт.)*. В других случаях это разъяснения местных реалий или аллюзий на художественные произведения: *Да, были встречи с поклонниками в том же «Буквоеде» (крупнейший книжный салон Петербурга. – Прим. авт.)*, очень душевно проходили, но там все равно я говорю, отвечаю на вопросы; *У меня был тромбонист, Сережа Долженков, он сибиряк, человек из Кемерово (игра слов – «Человек из Кемерово» – название песни Бориса Гребенщикова. – Прим. авт.)*, он про сибирскую публику знал все. Как видно, во всех случаях комментарии сопровождаются указанием на их источник.

Наличие этих элементов свидетельствует о том, что авторство не скрывается, хотя очевидно, что оно и не подчеркивается. В частности, несмотря на характеристику биографии как интервью, в тексте отсутствуют вопросы, исходящие от интервьюера. Это также можно интерпретировать как проявление стремления минимизировать присутствие фигуры автора, тем не менее, не скрывая его совсем.

Кроме того, наличие подобных вкраплений оказывается для читателя подтверждением того, что предлагаемый ему текст достоверно и максимально точно (практически дословно) воспроизводит реальный рассказ Е. Ваенги о своем жизненном пути. Предполагается, что это воспроизведение является настолько

точным, то необходимые уточнения вносятся в виде комментариев, особым образом выделенных, а потому четко отграниченных от речи героини. Этот тонкий прием позволяет повысить доверие к тексту, усиливает впечатление о его достоверности и честности, что полностью соответствует общей установке данной PR-биографии на персональность обращения и исповедальность, о чем было сказано в главе 3 данного исследования.

Наконец, необходимо остановиться на биографии Э. Лимонова, распространяемой через его официальный сайт, созданной для президентской кампании 2012 года, к участию в которой Лимонов, впрочем, не был допущен (*Лимонов*). Автором этой биографии является З. Прилепин. Имя автора фигурирует только в конце текста, однако само заглавие биографии, «Его имя – Эдуард Лимонов», по своей стилистике публицистическое, вполне однозначно указывает, что изложение будет вестись с внешней позиции.

Видимо, именно наличие у этой биографии автора, который рассматривается как заслуживающий доверия источник оценки, делает возможным возвышенный и эмоционально-образный нефактологический стиль текста. В качестве иллюстрации можно привести следующий фрагмент: *Мыслитель. Солдат. Зэка. Поэт – в том самом высоком смысле этого слова, которое означает не мятущуюся душу, но ясное понимание многообразия и волшебства мира. И, наконец – политик, чья деятельность в последние полтора десятилетия была едва ли не единственным оправданием существования самого слова «политика» в России.* В данном случае герой биографии характеризуется не через его действия и конкретные достижения, что в целом типично для PR-биографии (см. п. 4.3 данной работы), а через обобщенные образы, своего рода «амплуа», которыми герой известен поклонникам и широкой аудитории.

Преыдущий пример содержит оценку, которая выделяет героя биографии на фоне многих других людей (*политик, чья деятельность... была едва ли не единственным оправданием...*). В другом месте такой противопоставление приобретает еще большую силу, герой биографии противопоставляется «всем остальным»: *Если Лимонов говорит, что как бы не повернулась его судьба,*

но у него «будет, как и сейчас, два или три скромных костюма, автомобиль "Волга", и все это будет куплено на литературные доходы» – ему верят, как никому другому. Потому что он не соврал в своей жизни ни разу: ему незачем. *А все, или почти все остальные соврали уже тысячу раз, и рот свой используют они только для того, чтобы сладострастно лгать.* При этом данное противопоставление подчеркивается подбором экспрессивных номинаций: *сладострастно лгать, соврали тысячу раз, не соврал ни разу.* В PR-биографии (в силу ее распространения от лица базисного субъекта PR) такие оценки являются невозможными, так как они будут восприняты как самовосхваление. Однако наличие у PR-биографии автора снимает это ограничение, поскольку ответственность за высказанные оценки перекладывается на плечи автора. Текст З. Прилепина может рассматриваться как самостоятельное, автономное публицистическое произведение, а точнее, публицистический портрет, который был просто привлечен для характеристики героя на сайте.

Если в случае с биографией Е. Ваенги автор-писатель не обладает громким именем, то в случае с биографией Э. Лимонова ее автор по популярности и известности вполне сопоставим с героем текста. В силу этого привлечение З. Прилепина в качестве автора биографии (либо использование текста, созданного для других целей) можно рассматривать как дополнительный инструмент усиления значительности и привлекательности образа героя биографии. Кроме того, при анализе данного примера нельзя не учитывать близость политических убеждений Э. Лимонова и З. Прилепина и их политическое сотрудничество, что фактически превращает данную биографию в выражение почтения и солидарности со стороны «младшего соратника».

Применительно к текстам, подобным биографии Э. Лимонова, возможно говорить об особом подтипе PR-биографии – «авторской биографии». В одной из работ [Бондаренко, 2016] нами было предложено использовать этот термин для обозначения PR-биографий, действительно или формально написанных некоторыми значимыми лицами. Для данного подтипа характерно не только наличие явного авторства, но и то, что автор обладает теми или иными

качествами, которые делают его привлекательным в глазах целевой аудитории (например, он может обладать авторитетом). Другими важными признаками «авторской биографии» являются неформальность стиля и ярко выраженная, открытая положительная оценочность, введение которой оказывается возможным в силу того, что источник этой оценки указан прямо, а потому она не воспринимается как самовосхваление.

В исследованном материале данный подтип PR-биографии представлен единичным примером (в некоторой степени эта характеристика применима и к проанализированной ранее биографии Е. Ваенги, хотя ее автор не обладает такой же известностью, как З. Прилепин). В целом редкость таких текстов не является случайной: создание авторской биографии предполагает наличие человека, который способен (хотя бы в глазах аудитории) создать привлекательный, законченный, содержательный текст, а также выступить в качестве единственного автора биографического текста. Последнее важно, например, потому, что создатель «авторской биографии» выступает источником оценки достижений или личностных качеств героя, а потому должен обладать чрезвычайно высоким авторитетом. Такая ситуация возможна далеко не во всех PR-кампаниях. Однако наличие такой модели, по нашему мнению, должно учитываться и в теории, и в практике связей с общественностью.

4.2.3 Фигура автора: PR-биография в сопоставлении с панегириком

В данном контексте представляется уместным сопоставить PR-биографию с панегириком. Этот анализ позволит показать, что категория авторства является не только значимой с точки зрения структуры жанра PR-биографии, но и может служить различительным признаком при противопоставлении данного жанра другим. Различие между PR-биографией и панегириком реализуется именно в сфере авторства. В остальных отношениях эти жанры являются сходными почти до неразличимости. Прежде всего, это касается объекта изображения и положительной оценочности. Жанровая модель панегирика предполагает

последовательную положительную оценку, а типичным объектом изображения в панегирике является некоторое лицо. Следовательно, с точки зрения интенции панегирик близок к PR-биографии, которая также предполагает безусловную положительную оценку лица, жизнь которого описывается.

Сходство между панегириком и PR-биографией представляется на первый взгляд очевидным: обе жанровые модели объединяет положительная оценка. Например, В. Н. Руднев отмечает, что «речевой жанр панегирика активно используется современными политиками, журналистами, общественными деятелями, пиар-технологами. Особенно востребован данный жанр в ходе предвыборных и избирательных кампаний» [Руднев, 2011, с. 187]. Очевидно, что в последнем случае автор указывает на PR-биографии, обслуживающие предвыборные и избирательные кампании. Вряд ли можно утверждать, что это мнение является абсолютно неверным. Тем не менее, оно нуждается в уточнении.

Термин «панегирик» толкуют как «обозначение позитивно-оценочного речевого жанра, похвалы, хвалебной речи с дополнительным смыслом неумеренности похвал» [Культура русской речи, 2003, с. 441]. Коммуникативной целью панегирика является «высказывание хвалебного, восторженного отзыва о ком-то или о чем-то» [Рыжикова, 2015, Электронный ресурс]. У данного жанра существует также латинское наименование, которое не получило столь же широкого распространения в отечественной традиции, – энкомий. В настоящее время в науке для обозначения хвалебных речей также используется выражение «лаудативный дискурс» (см., например, работы [Рыжикова, 2015; Уткина, 2015; Фоменко, 2009]). Этот термин, впрочем, кажется избыточным, поскольку эпитеты «хвалебный», «эпидейктический» и термин «панегирик» прочно закрепились в отечественной традиции, а термин «лаудативный дискурс» не вносит ничего нового в рассматриваемый объект.

На протяжении истории под влиянием социокультурных условий жанровая модель панегирика неоднократно трансформировалась, однако это не умаляет его значимости и популярности. В. Н. Руднев, рассматривая панегирик в исторической перспективе, справедливо относит к проявлениям этого жанра

хвалебные речи античности, житийную литературу, социально-политические и агитационно-пропагандистские тексты более позднего времени (похвальные слова Ф. Прокоповича, оды Ломоносова, поэму «Хорошо!» Маяковского, риторические тексты советского времени, современные пропагандистские и рекламные тексты) [Руднев, 2011]. Примечательно, что исследователи, не согласные с осмыслением житийной литературы как разновидности биографического повествования, указывают на ее генетическое родство с панегириком (см. п. 1.1.2 данной работы, в которой анализируется этот вопрос).

Панегирик иногда считается частным жанром эпидейктического (хвалебного) красноречия, однако термин «панегирик» традиционно закрепился за хвалебным красноречием в целом, и в настоящее время при его помощи часто называют всякое восхваление, независимо от жанра, в котором оно выражено [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 717]. На универсальность жанра панегирика указывает В. Н. Руднев: «панегирик был в течение многих веков и остается в XXI столетии универсальным речевым жанром, позволяющим выражать позитивную оценку того или иного политика, общественного деятеля, харизматического лидера, нации в целом» [Руднев, 2011, с. 188], ср. также [Балышева, 2014, с. 37].

Универсальность панегирика, в котором могут изображаться самые разные объекты, позволяет утверждать, что панегирик – это абстрактная, чрезвычайно обобщенная жанровая модель, которая реализуется в виде ряда жанров, как сосуществующих в одном историческом срезе (прежде всего, в силу наличия разных коммуникативных контекстов и дискурсивных сфер), так и сменяющих друг друга в исторической перспективе (такие трансформации объясняются изменением культурно-исторических и социально-политических условий).

В этом отношении панегирик очень похож на биографию. И панегирик, и биография – это обобщенные жанровые модели, которые реализуются в виде целого ряда конкретных жанровых форм, привязанных к той или иной дискурсивной традиции. В силу этого вопрос о включении одной из жанровых моделей в состав другой оказывается бессмысленным. Скорее, следовало

бы утверждать, что пересечение между множествами текстов, в которых воплощаются эти жанровые модели, является непустым. Панегирик может брать в качестве структурного принципа биографическое изложение, но эта возможность не является ни единственной, ни обязательной. Биография, в свою очередь, может обладать позитивно-оценочным характером, свойственным панегирику, однако это также не является обязательным, поскольку биография может предполагать и положительную, и отрицательную, и смешанную оценку, а также стремиться к фактологичности и нейтральной безоценочности. По этой причине представляется неуместным вопрос о статусе житийной литературы по отношению к биографическим жанрам. Житие реализует обе эти модели, то есть одновременно принадлежит как к полю биографических жанров, так и к полю хвалебных речей.

Однако универсальность модели вряд ли является сущностным признаком речевого жанра. Более важным «общим знаменателем» для рассматриваемых жанров является позитивно-оценочный характер: объект отображения представляется положительно, его яркие, заслуживающие внимания и похвалы качества акцентируются и даже преувеличиваются, а качества отрицательные или нейтральные, наоборот, «убираются в тень». Кстати, такое сопоставление вносит ясность в соотношение общей биографической жанровой модели и ее PR-модификации, показывая, что положительная оценочность является отличительным свойством PR-биографии, не характерным (и не обязательным) для значительной части биографических текстов.

Аналогичны, хотя и не тождественны панегирик и PR-биография также в плане объекта изображения. Для обеих жанровых моделей типична соотнесенность с конкретным лицом. Для PR-биографии это свойство является скорее обязательным, поскольку его отсутствие превращает текст в реализацию другой жанровой модели. Для панегирика соотнесенность с конкретным лицом является одной из возможных «конфигураций» (наряду с восхвалением коллективов: нации, партии, жителей города, сотрудников предприятия и т. п.). В частности, В. П. Руднев рассматривает как варианты панегириков «Оду

революции» и поэму «Хорошо!» В. В. Маяковского, а также упоминает восхваление в советское время фигур защитника Родины (военный) и человека труда (рабочего, колхозника, инженера, учителя) [Руднев, 2011, с. 187]. В первом случае мы имеем дело с восхвалением социального явления, во втором – социального типа (идеала). В обоих случаях на первый план, в конечном счете, выходит пропагандистско-агитационная составляющая.

Впрочем, как было указано в главе 1 данного исследования (п. 1.1.5), для современного дискурса характерно использование биографической модели при изображении нетипичных явлений (объектов, созданных человеком, городов и т.д.). В этом можно увидеть еще одну точку пересечения между биографией и панегириком. Однако необходимо иметь в виду, что это сходство является чрезвычайно общим, абстрактным, а подобные факты в обоих случаях являются отклонениями, то есть нетипичными, особыми реализациями обеих жанровых моделей.

В то же время между жанровыми моделями биографии и панегирика имеются существенные различия. Едва ли не самое существенное различие связано с коммуникативным контекстом, в котором функционируют эти типы текстов, то есть с фигурами автора и получателя (получателей) текста. Остановимся на этом моменте подробнее.

Для панегирика характерна выраженность авторской фигуры: панегирик – это текст, который обычно имеет явного автора. При этом фигура автора является самостоятельной по отношению к объекту изображения личностью, в силу чего сам панегирик предстает как выражение автором личного мнения.

Не случайно, анализируя русскую панегирическую поэзию и пытаясь объяснить ее распространение, И. Клейн уделяет внимание ориентации поэтов XVII-XVIII вв. на императорский двор и придворную публику, а также заинтересованности поэтов в признании не только у императора, но и у этой аудитории, что было обусловлено отсутствием гражданского общества и литературного рынка [Клейн, 2015, с. 38], то есть отсутствием других значимых аудиторий, к которым мог бы обращаться поэт. При этом текст панегирика может

оказаться для автора инструментом воздействия на восхваляемое лицо, тривиальным примером этого является лесть придворного поэта королю или императору с целью получения выгоды (подарков, привилегий и т.п.), ср.: «Во взаимоотношениях российского императора и поэтов-панегиристов осуществлялся очень древний симбиоз. Поэты добивались благосклонности правителя, а тот, со своей стороны, нуждался в поэтах — они должны были восхвалять его подвиги, чтобы спасти его от забвения — второй смерти» [там же, с. 39]. Переводя это на язык коммуникативистики, можно сказать, что панегирик одновременно адресуется тому, кто в нем изображается (поэты «добивались благосклонности правителя»), и более широкой публике, в том числе принадлежащей к будущему (поэты «должны были спасти его от забвения»).

Фигура автора важна для панегирика еще и потому, что авторство (в силу качеств, статуса, авторитета или признания автора) может служить дополнительным «аргументом», усиливающим эффект хвалебной речи, то есть ее убедительность. В конкретном контексте зависимость или независимость автора панегирика может намеренно подчеркиваться. Хотя М. Д. Рыжикова пишет, что отправителем хвалебной речи «может быть любой человек, вне зависимости от социального статуса» [Рыжикова, 2015, Электронный ресурс], нельзя не согласиться с Т. В. Шмелевой, которая обращает внимание на то, что «...не каждый может похвалить или поругать, для этого важна социальная и возрастная дистанция между автором и адресатом. Ценность оценочного жанра зависит от того, кто его автор» [Шмелева, 2014, с. 388].

Проецируя перечисленные свойства панегирика на PR-биографию, можно увидеть, что полного совпадения между этими жанровыми моделями нет, а различия оказываются довольно существенными. Для PR-биографии явное присутствие автора нетипично, и реальный автор текста не обладает самостоятельностью, которая позволила бы ему стать полноценным субъектом оценки. Создавая текст, автор PR-биографии выполняет техническую задачу, которая, несомненно, должна быть вознаграждена, однако не является его личным выражением и в целом не может таким образом восприниматься. В этом, кстати,

проявляется отличие PR-биографии не только от панегирика, но и от традиционных форм биографических текстов, в которых создаваемый автором текст является полноценным коммуникативным инструментом, которым автор располагает в полной мере.

Таким образом, хвалебные речи в собственном смысле слова необходимо последовательно отличать от PR-биографий, относя к панегирикам лишь те тексты, которым исходят от лиц, в той или иной степени посторонних по отношению к положительно оцениваемому лицу, то есть объекту панегирика. PR-биография очевидно не попадает в число этих текстов, поскольку данный тип текстов исходит от лица, жизненный путь которого в них описывается. В любом случае, различие проявляется в том, как в этих двух видах текстов представлена категория авторства. Оно прямо отражается в паратекстовой категории авторства: панегирик – это текст, преимущественно имеющий подпись, PR-биография – это преимущественно текст без автора.

В то же время, как показывает исследованный материал, явное присутствие фигуры автора в PR-биографии возможно, хотя и не является типичным. В частности, проанализированный в п. 4.2.2 пример «авторской биографии» Э. Лимонова, написанной З. Прилепиным, воплощает именно эту возможность. При этом данная возможность органично вписывается в потенции PR-дискурса. Несколько преувеличивая, можно даже сказать, что явно выраженная фигура автора в пределе совпадает с таким элементом биографии, как высказывание «лидера мнений» (см. п. 4.3.4) – при условии, что автор в глазах общественности обладает необходимым для этого весом. И отличие суждения «лидера мнений» заключается в том, что оно инкорпорировано в текст в качестве его части, тогда как авторская PR-биография целиком представляет собой такое «чужое слово».

Впрочем, даже если фигура автора в PR-биографии не уводится на второй план и не скрывается, ее нельзя признать тождественной фигуре автора панегирика. В частности, между автором текста и лицом, которое в тексте изображается, нет и не может быть тех же «напряженных» отношений, связанных с поиском признания, которые могут наблюдаться между автором панегирика

и изображаемой в нем персоной. Точно так же автор PR-биографии при любых условиях не может использовать текст в качестве инструмента воздействия на изображаемое лицо.

Необходимо добавить, что «авторскую биографию», функционирующую в PR-дискурсе, правомерно рассматривать как заимствование PR-биографией еще одной жанровой модели, то есть еще одно проявление полиморфизма данного жанра.

Самостоятельность и независимость автора от лица, изображаемого в панегирике, делает возможным прямое выражение положительной оценки. И в этом обнаруживается еще одно отличие PR-биографии от панегирика: в PR-биографии, в силу ее связи с ее героем и зависимости автора текста от героя, такое же прямолинейное выражение положительной оценки в обычном случае оказывается невозможным. С этим связано еще одно косвенное проявление квазиавтобиографичности PR-биографии, которое будет рассмотрено в следующем параграфе.

4.3 Система средств выражения положительной оценки в PR-биографии

Для PR-биографии характерна особая система средств выражения положительной оценки. Определяющую роль в формировании этой системы играют два фактора:

1) обязательность положительной оценки, что определяется целеполаганием PR-дискурса, направленного на формирование положительного имиджа лица и организации в восприятии общественности и формирования благоприятной среды вокруг них;

2) более или менее последовательный отказ от прямой положительной оценки, что определяется «квазиавтобиографичностью» PR-биографии, то есть тем фактом, что PR-биография распространяется от имени базисного субъекта PR,

в силу чего использование прямой положительной оценки воспринималось бы как самовосхваление.

Одновременное присутствие этих двух разнонаправленных факторов имеет прагматическое объяснение. Самовосхваление противоречит и интенции, и содержанию PR-биографии. Если принять, что целью биографии является формирование положительного образа ее героя, то наличие явных признаков самовосхваления оказывается своего рода «иллокутивным самоубийством».

3. Вендлер, который ввел понятие «иллокутивного самоубийства», обратил внимание на то, что перформативное употребление некоторых глаголов (*лгать, хвастаться, наекать, льстить* и т. д.) приводит к тому, что говорящий упраздняет (опровергает) иллокутивную силу высказывания. Например, перформативные высказывания *Я вас прощаю, Клянусь, Благодарю* равнозначны совершению коммуникативного действия, то есть прощению, клятве и благодарности соответственно. Однако если мы возьмем перформативное высказывание *Я вам лгу, что...*, то мы получаем аномалию, поскольку ложь предполагает неочевидность речевого акта лжи, в котором утверждается нечто, не соответствующее действительности. То же можно сказать о фразах *Я клеветую на вас, что...* или *Я хвастаюсь, что меня избрали председателем* [Вендлер, 1985].

Разумеется, в PR-биографии не используются глаголы в перформативном употреблении, которые выражали бы коммуникативное намерение сформировать положительный образ человека, а иллокутивная сила реализуется на уровне текста в целом. Поскольку эта иллокутивная цель заключается в формировании положительного образа, прямые положительные оценки героя в составе PR-биографии явно вступают в противоречие с этой целью. По крайней мере, это справедливо для европейской культуры, в которой такие оценки воспринимаются как самовосхваление, похвальба, а эти качества не считаются положительными.

4.3.1 Прямая положительная оценка и ее метонимическое смещение в PR-биографии

Прямая оценочность воплощается в виде положительных (часто хвалебных) эпитетов, соотносящихся с качествами героя биографии. В отдельных случаях оценочность в PR-биографии может быть прямой, хотя, как показывает исследованный материал, таких примеров немного. Например, биография К. Собчак на ее личном сайте (*Собчак*) начинается с однородного ряда эпитетов, которые, по мнению автора, наиболее точно характеризуют героя биографии: *Яркая, неординарная, целеустремленная и настойчивая, местами скандальная и эпатажная... Этот список можно продолжать до бесконечности, но факт остается фактом — равнодушных людей к личности Ксении Собчак практически не существует, и она продолжает оставаться одной из самых обсуждаемых фигур нашей страны!* Впрочем, необходимо обратить внимание на то, что в процитированном примере оценка не является личным мнением автора, она, скорее, претендует на отражение качеств образа, которые сложились в массовом сознании. Тем более, эту оценку нельзя отождествить с выражением мнения самой К. Собчак о себе.

Заметно чаще оценочность смещается по метонимическому принципу, и в результате этого смещения хвалебные эпитеты соотносятся с другими аспектами, прежде всего, характеристикой действий и деятельности героя биографии. Для иллюстрации приведем фрагмент биографии депутата Государственной думы РФ М. В. Емельянова, в настоящее время представляющего фракцию «Единая Россия» (*Емельянов*). В ней также содержатся отдельные положительные характеристики, которые затрагивают героя биографии прямо, ср.: *За двадцать лет работы в Федеральном Собрании РФ заслужил репутацию одного из самых результативных законодателей и всеми уважаемых парламентариев.* Однако в остальных случаях оценка осуществляется посредством указания на факты.

Помимо указаний на факты, демонстрирующие его превосходство и эффективность (этапы биографии, многократное успешное участие на выборах, первые позиции в рейтингах, наличие званий, ученых степеней, научных публикаций, государственных наград и т. д.), то есть достижений (см. п. 4.3.2), важную роль играют положительные характеристики, относящиеся к деятельности депутата. Даже в приведенном ранее примере оценочное выражение *один из самых результативных законодателей* связано с действием и неявно предполагает измеримость достижений. Оценки могут выражаться при помощи прилагательных в превосходной степени (*Имеет богатейший опыт политического управления*) либо прилагательных со значением большого количества (*Занимая пост первого заместителя руководителя парламентской фракции СР, ведёт большую работу по организации деятельности фракции; На протяжении всего срока работы в Госдуме уделял огромное значение защите интересов Ростова-на-Дону и Ростовской области*). Они также могут выражаться посредством наречий, которые более или менее явно акцентируют активность героя биографии (*Много и плодотворно занимается законотворческой деятельностью*). Разумеется, эти характеристики могут сочетаться в одной фразе, ср.: *Регулярно выступает в средствах массовой информации по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики*.

Такое метонимическое смещение оценки является общим свойством PR-биографий и не зависит от сферы деятельности героя. Подобные явления обнаруживаются, например, в биографии певицы Пелагеи (*Пелагея*). Например, оценочным признаком в превосходной степени в следующем примере наделяются сценические площадки, на которых выступала певица: *Будучи стипендиатом фонда «Юные дарования Сибири» и участницей Международной программы ООН «Новые имена Планеты», она все чаще выступает на самых престижных площадках страны – таких как Театр Эстрады, ГКЗ Россия, Васильевский спуск на Красной площади, Кремлевский Дворец*. Такая высокая оценка сценических площадок смещается на певицу, поскольку подразумевается, что на самых престижных концертных площадках выступают только музыканты, достигшие

высот в своем мастерстве и признанные как публикой, так и авторитетными представителями искусства и музыкального бизнеса. Эта оценка также носит косвенный характер, причем в приведенном примере она еще больше смещается с личности героини, хотя и не утрачивает с ее личностью связи.

По нашему мнению, такое смещение оценки является основным инструментом избегания иллюзии самовосхваления. И оно имеет определяющее значение с точки зрения формирования системы средств оценки в PR-биографии, а точнее, таких типичных для этого жанра средств выражения оценки, как упоминание достижений, насыщение текста значимыми объектами и персонами, а также высказывания «лидеров мнений».

4.3.2 Достижения героя как средство характеристики героя PR-биографии

В PR-биографиях часто используется косвенная оценочность, которая воплощается через подбор фактов. Данная стратегия осмысливается в теории связей с общественностью как «селективность» информации.

Обычно подобная косвенная оценочность воплощается в виде описания или перечисления достижений лица. Закономерным представляется стремление авторов PR-текстов приводить факты, которые являются документированными и доказуемыми, а также сообщают о реальных действиях и их результатах. Примером данной стратегии является следующий фрагмент из официальной биографии Г. А. Явлинского: *Летом 1992 года под руководством Явлинского готовятся конкретные предложения по проведению региональных реформ. В частности, в Нижегородской области был разработан и проведен первый региональный выпуск облигаций областного займа, который решил проблему отсутствия наличных денег, крупные производители были освобождены от непроизводственных расходов (предложена схема реформы ЖКХ), внедрена информационная система адресной социальной помощи (Явлинский).* В данном фрагменте описывается не только программа, но и конкретные решения, которые

были приняты и реализованы, причем их реализация принесла пользу обществу, широкой общественности. В то же время факты, приводимые автором биографии, допускают интерпретацию в качестве подтверждения способности героя предлагать, продвигать и реализовывать решения, что в перспективе (например, при условии избрания героя на государственную должность) означает, что герой потенциально полезен для избирателей.

Кроме того в биографии Г. А. Явлинского упоминаются факты, иллюстрирующие способность героя формулировать предложения и идеи, которые способны найти отклик у других политиков, в том числе у политиков из других стран, например: *Явлинский – политик, признаваемый и уважаемый мировой демократической общественностью. На заседании международного «Форума 2000» (Прага, 2001 г.), посвященном вопросам борьбы с мировым терроризмом, поправка Явлинского о необходимости всеобщего начального бесплатного образования для детей во всем мире была внесена в Пражскую декларацию и имела положительный резонанс в мире (Явлинский)*. Данный конкретный пример в контексте PR-коммуникаций может быть интерпретирован как проявление глубокого понимания героем проблем современного общества, а также его способности вступать в конструктивное взаимодействие с другими политиками и действовать на международной арене.

Обращает на себя внимание развернутость доказательства способности героя биографии к конструктивным, продуктивным действиям. Фактически это означает, что на описываемое качество не только указывается, его наличие подтверждается, аргументируется посредством конкретных примеров. Такая доказательность характеристики, несомненно, снижает ее голословность.

Типичным проявлением апелляции к достижениям является информация о наградах премиях, победах и т. д. героя биографии. Например, биография В. В. Жириновского, опубликованная на официальном сайте ЛДПР (*Жириновский*), помимо собственно биографической информации, то есть основных этапов жизни и краткой информации о семейном положении, содержит указание на его образование, наличие ученой степени доктора философских наук,

перечень почетных академических степеней, включающий 10 наименований, перечень наград (19 наименований), информацию о публикациях (500 книг, в том числе 100 томов собрания сочинений «Политическая классика»). Очевидно, что эти данные позволяют косвенно сообщить сразу о многих качествах биографируемого лица: его статусе, исключительном интеллекте, способностях, феноменальной работоспособности, профессионализме, признании его заслуг со стороны людей. Некоторые черты портрета, который мы получаем в результате, несут на себе очевидный отпечаток раблезианского преувеличения, однако это можно объяснить спецификой целевой аудитории, к которой апеллирует политик.

Под достижениями не обязательно следует понимать яркие и чрезвычайно значимые в социальном плане события, выделяющие человека на фоне других. В контексте PR-биографии могут оказаться значимыми и гораздо менее яркие биографические вехи. Это можно проиллюстрировать биографической справкой Дениса Курнакова, технического директора компании «Ассист», специализирующейся в области электронных платежей (*Курнаков*).

Денис Курнаков

Технический директор

Работает в компании ASSIST с июня 2005 г. Отвечает за формирование стратегии технического развития, осуществляет руководство программными разработками.

Ранее Денис вел проекты разработки программного обеспечения в ряде ИТ-компаний, специализирующихся на разработке программного обеспечения для автоматизации производства. В частности, в компании ООО "РОЛИС" (Российские логистические информационные системы) руководил проектами разработки систем автоматизации различных аспектов жизнедеятельности морского порта.

Денис окончил Санкт-Петербургский Государственный Технический Университет.

Присуждена научная степень “Магистр техники и технологий”.

Имеет сертификат IBM по курсу “Концепции и принципы управления проектами”.

В данной биографии можно выделить три смысловых блока, которые тематически связаны друг с другом: 1) длительность занятия должности (трудовой стаж героя в качестве технического директора составляет более 10 лет); 2) опыт работы (герой имеет аналогичный опыт работы, эта информация представлена конкретно, то есть аргументируется фактами); 3) образование, которое соответствует профилю работы героя и уровень которого повышается (эта информация также представлена конкретно). Общую смысловую доминанту данной биографии можно сформулировать как «высокий уровень профессионализма», относительно самостоятельные смысловые блоки выделяются лишь в силу того, что эта ключевая тема раскрывается с разных сторон. При этом все остальные аспекты жизни героя биографии (личная жизнь, хобби, происхождение и т. д.) оказываются за пределами текста. Такая ориентация не является случайной. Эта биография не выделяется как самостоятельный текст и служит дополнением к бэкграундеру, описывающему историю компании. И потому она оказывается дополнительным (причем не самым главным) аргументом в пользу того, что компания является серьезной и надежной. В конечном счете, она акцентирует профессиональные качества и стремление полностью подчиниться делу, не отвлекаясь на частности, которые не имеют к нему отношения.

Довольно часто оценка героя PR-биографии осуществляется через перечисления его заслуг, достижений, наград и т. д. Например, в биографии Л. Парфенова содержится фрагмент, в котором подытоживаются результаты его творческой деятельности: *За свою биографию Леонид Парфёнов выступил автором многих проектов. Среди них: «Песни о главном», цикл «Новейшая история», несколько циклов «Намедни», множество телефильмов («Весь Жванецкий», «Птица Гоголь», «Жизнь Солженицына», «Современница», «Век*

*Набокова» и многие другие) (Парфенов). Характерным примером также является следующий фрагмент из биографии В. А. Гергиева: *Художественные достижения Гергиева отмечены многочисленными званиями и наградами. Среди них – звание Народного артиста России (1996), Государственные премии России (1994, 1999 и 2015), правительственные награды Германии (Крест I-го класса «За заслуги»), Италии (Grand'ufficiale dell'Ordine al merito), Франции (Орден искусств и литературы), Нидерландов («Рыцарь ордена Нидерландского Льва»), Японии (Орден Восходящего солнца), почетное звание «Артист мира ЮНЕСКО», премия Шведской королевской музыкальной академии Polar Music Prize и европейская премия Glashütte Original Music Festival Prize 2010 года за поддержку молодых талантливых музыкантов (Гергиев).**

Такие конструкции с чрезвычайно развернутыми перечислениями представляются естественными для PR-биографии. Во-первых, они представляют собой естественный способ организации информации: однотипные проявления человека закономерно объединяются в группы, в основе которых лежит некоторое общее свойство. При такой организации отчасти нарушается ведущий для биографического жанра принцип хронологической организации информации, а личность оказывается скорее совокупностью свойств, аспектов, сторон, каждая из которых освещается отдельно. Это делает образ личности статичным.

Очевидно, что аналогичная информация может излагаться в соответствии с хронологическим принципом. Для этого достаточно расположить события (например, получение наград) в хронологическом порядке. Иллюстрацией этого может служить биография певца С. Лазарева. Следующий фрагмент этой биографии, например, представляет собой перечисление достижений, относящихся к одному периоду (году): *В мае 2015 г. на 10-й Премии «Самые стильные в России» журнал «Hello!» назвал Сергея Лазарева «Самым стильным мужчиной». В юбилейный, 10-й год сольного творчества, Сергей Лазарев был отмечен многочисленными наградами: «Лучший певец» (Премия Ru-TV), «Fashion Певец Года» (премия «Fashion People Awards – 2015»), а клип «7 цифр» взял тарелочку как «Лучшее мужское видео» на Премии Муз-ТВ. В 2015 г. Сергей*

вместе в Екатерине Варнавой был ведущим проекта "Танцуй!" на Первом канале (Лазарев).

Однако на практике хронологический принцип используется непоследовательно. В приведенном ранее фрагменте из биографии В. А. Гергиева, по всей видимости, организующим является принцип значимости: сначала перечисляются российские награды, поскольку российское является более близким читателю (биография написана на русском языке и адресована русскому читателю), затем награды других государств, причем сначала упоминаются награды европейских государств, и, наконец, награды организаций. С другой стороны, даже если внутри таких тематических блоков ведущим оказывается хронологический принцип, он все равно не позволяет увидеть его личность в становлении, поскольку отдельные стороны и проявления личности освещаются самостоятельно, вне общей картины развития. Чтобы развитие личности было видно, хронологический принцип должен быть ведущим принципом организации всего текста в целом.

Нельзя не отметить, что характерной чертой перечислений в PR-биографии является некоторая избыточность. Приводимый в главе 3 данной работы фрагмент из биографии В. А. Гергиева (см. с. 123) не является в строгом смысле перечислением, однако он содержит в себе многоаспектное описание достижений, целью которого является демонстрация успешности героя, а также подтверждение признания его таланта и заслуг. Это проявляется и в упоминании различных оркестров, и в географических наименованиях, с которыми была связана деятельность знаменитого дирижера, и в событиях, к которым герой был причастен. Такая избыточная развернутость манифестирует установку, стоящую за любой PR-биографией, – создание положительного образа некоторого лица, которое позиционируется к тому же как исключительное и успешное. При этом фактор количества оказывается не менее значимым, чем фактор качества достижений.

Как было указано в главе 3 данного исследования, представление сведений о жизни и деятельности героя PR-биографии в виде связного текста не является

единственно возможным вариантом. Например, биография Ф. Бондарчука (*Бондарчук*), которая опубликована на сайте компании «Art Pictures Studio», соучредителем которой он является, содержит собственно биографическую часть, которая повествует о его жизни (наиболее важные достижения, профессиональные заслуги, занимаемые должности, происхождение) и представлена всего несколькими абзацами, а также подробное перечисление наград и премий, полученных героем биографии, и развернутый перечень фильмов, в которых он принял участие. Каждый компонент второй части озаглавлен в соответствии с аспектом деятельности Ф. Бондарчука («Награды», «Фильмография (режиссер)», «Фильмография (продюсер)», «Фильмография (актер)») и оформлен в виде перечня. Можно предположить, что, выбирая такую форму, авторы биографии исходили из того, что реальные достижения более красноречивы, чем слова, и посетитель сайта, желающий ознакомиться с биографией, способен самостоятельно сделать необходимые выводы о личности героя. При этом по объему эти перечисления гораздо превосходят собственно биографическую часть, с которой начинается текст.

Стоит сказать несколько слов о контексте, в котором функционирует рассматриваемая биография, поскольку этот контекст в некоторой степени определяет ее формальную организацию. Прежде всего, эта биография опубликована на официальном сайте компании «Art Pictures Studio», соучредителем которой является Федор Бондарчук, и ссылка на нее размещена на странице «О компании», в разделе «Руководство». Таким образом, биография Ф. Бондарчука расположена не на первой странице, что указывает на ее включенность в связи с общественностью компании. Вторым важным моментом заключается в том, что большинство фигурирующих в перечнях фильмов, к созданию которых в той или иной степени причастен Ф. Бондарчук, представляют собой ссылки, ведущие на страницу, которая посвящена данному фильму. Эти ссылки включают название фильма, фрагмент синопсиса, обрываемый многоточием (полная версия синопсиса приводится на странице фильма) и изображением – афишей. Фильмы, выпущенные другими

производителями, во-первых, приводятся не в виде ссылок, а в виде списка; во-вторых, они расположены в конце каждой из рубрик, после фильмов, произведенных компанией «Art Pictures Studio». Очевидно, что биография в данном случае обслуживает прежде всего PR-интересы компании, а не Ф. Бондарчука. Конечно, отделить компанию от человека, который представляет собой ее учредителя, руководителя и основного режиссера, довольно трудно. Тем не менее, организация сайта и место биографии в его структуре демонстрируют, что создатели посчитали необходимым акцентировать единство этих моментов.

Выбор достижений в качестве ведущего средства характеристики героя биографии не является случайным. Рассказ о достижениях как средство характеристики не только прекрасно вписывается в контекст PR-дискурса и современные представления об успехе, но и имеют опору на традиции биографического жанра. Ориентация на достижения – это проявление традиционного и имеющего долгую историю типа биографии, который М. М. Бахтин характеризовал как «энергетический». Для этих биографий, прототипом которых являются жизнеописания, созданные Плутархом, характерно представление человека не через состояние, а через деятельность, то есть выражение характера в поступках и словах. «Энергетический» тип биографии противостоит «аналитическому» типу, который предполагает анализ личности с точки зрения тематических рубрик (вроде «наружность», «добродетели», «пороки», «семейная жизнь», «общественная жизнь» и т. д.) и был наиболее полно разработан другим античным автором, Светонием [Бахтин, 2012, с. 394-396]. Хотя в проанализированных PR-биографиях оба типа в той или иной степени смешиваются, представляется, что благодаря преобладанию выбора «энергетического» типа биографии авторам удается достичь более глубокой, правдоподобной характеристики человека и одновременно сформировать его привлекательный и положительный образ, то есть решить задачу, стоящую перед любой PR-биографией.

4.3.3 Соседство со значимыми объектами и персонами

Другое важное средство непрямо́й оценочности в PR-биографии заключается в постановке героя в один ряд с другими значимыми личностями, а также культурными объектами. Герой биографии, будучи помещенным в окружение значимых личностей, вольно или невольно уподобляется им, обретает те же качества, которые им присущи. Употребление имени музыканта в контексте с именами других музыкантов естественно, и то же можно сказать о представителе любой профессии, тем более профессии, предполагающей публичность. Точно так же употребление имени героя биографии в одном контексте с именами известных, знаменитых, влиятельных людей повышает статус героя, делает его частью того мира, к которому принадлежат упоминаемые лица.

В частности, показателен следующий фрагмент из биографии певицы Валерии, опубликованной на ее официальном сайте (*Валерия*): *В марте 2008 года Валерия выпустила новый альбом «Out of Control» («Неподконтрольно»). В создании альбома приняли участие Рэй СентДжон (автор композиции Шаде «Smooth Operator»), Дэвид Ричардс (продюсер нескольких альбомов Queen), Шанталь Кревзук (автор многих хитов Аврил Лавин, Гвен Стефани и Келли Кларксон), а также Франческа Эшлиманн, Джордж де Анджелис и Сергей Галоян, написавший известные хиты для группы «Тату». Сведением альбома занимался Саймон Горджерли (обладатель Grammy — 2006 за работу над альбомом U2 «How to dismantle an atomic bomb»). Одним из треков стала каверверсия «Stayin' alive» знаменитой группы «Bee Gees», которую Валерия исполнила вместе с автором Робинот Гиббом.*

Выход нового альбома, несомненно, является важной вехой в творческом пути музыканта. Однако в данном случае заслуживает внимания то, что, во-первых, к работе над альбомом были привлечены профессионалы, возможно, не известные для широкой публики, но явно зарекомендовавшие себя; во-вторых, в тексте перечисляются достижения этих специалистов, то есть удачные,

получившие популярность и признание работы со всемирно известными исполнителями. В конечном счете, это работает на образ героини биографии, которая оказывается в одном ряду с такими мировыми знаменитостями, как Шаде, «Queen», «U2», «Bee Gees» и др. Примечательно, что в том же ряду стоит знаменитая песня группы «Bee Gees», включенная в состав альбома.

Представляется очевидным, что подобные элементы, особенно в составе развернутых перечислений, формируют фон, на котором воспринимается герой биографии. В данном случае речь не идет о личных достижениях героя; скорее, цель таких перечней заключается в выстраивании ряда, к которому, в соответствии с намерениями автора текста, принадлежит герой.

Провести однозначную границу между личными достижениями, с одной стороны, и значимыми объектами и персонами – с другой, не всегда возможно. В примере из биографии Пелагеи, который был разобран в п. 4.3.2, мы имеем дело со значимыми объектами – известными концертными площадками, на которых выступала певица. Эти площадки являются известными и авторитетными сами по себе, и этот момент, по всей видимости, усиливает характеристику успешности героини. В любом случае, упоминание об активной концертной деятельности выглядит не так ярко, как перечисление известных площадок, на которых состоялись выступления.

4.3.4 Оценки лидеров мнений: «Чужое слово» как средство выражения оценки

Необходимость выражения положительных оценок делает закономерным вовлечение в текст PR-биографии суждений значимых лиц. В терминологии PR для обозначения таких лиц используется выражение «лидер мнений». Это понятие было введено социологами Э. Катцем и П. Лазарсфельдом в книге «Personal influence» [Katz, Lazarsfeld, 1955]. В настоящее время так называют человека (как правило, эксперта), который обладает авторитетом в малой или большой группе, а потому способен оказывать влияние на ее членов. С точки зрения PR, лидер мнений – это самостоятельный субъект PR-деятельности

(в противоположность объекту, то есть целевым аудиториям) [Галактионова, 2017, с. 64]. «В качестве посредника для общения с целевой аудиторией традиционно выступают люди-бренды» [Скнарев, 2022].

Оценки лидеров мнений в тексте PR-биографии, как правило, реализуются в виде цитат, то есть оформляются в форме прямой речи. Представляется закономерным, что в PR-биографии преобладают атрибутивные [Фатеева, с. 122-125; Фатеева, 2007] цитаты, то есть цитаты, которые, во-первых, явно оформлены как цитаты, а во-вторых, содержат в себе прямое указание на автора. (Подобного рода цитаты характеризуются также как эксплицитные [Арнольд, 1999], маркированные [Арнольд, 1993], прямые [Арутюнова, 1999]; некоторые авторы считают цитатами только выделенные кавычками слова, при которых указан источник, и противопоставляют их аппликациям и парафразам [Москвин, 2002]).

Единственный признак атрибутивной цитаты, который не реализуется в цитатах в PR-биографиях абсолютно последовательно, – это указание на претекст, то есть текст, из которого заимствуется суждение. Причин отсутствия такого указания, по всей видимости, довольно много. Можно предположить, что отсутствие указания на источник обусловлено либо техническими причинами (невозможностью или нежелательностью введения источника во избежание излишней «загроможденности» текста), либо тем фактом, что такие высказывания были получены напрямую или, например, придуманы реальным автором текста (возможно, с согласия лица, которому приписывается суждение о герое биографии), либо стремлением выдержать избранную стилистику.

Впрочем, как следует из приводимых далее примеров, в отдельных случаях авторы PR-биографий включают в текст ссылки на источники. По всей видимости, здесь правомерно говорить о наличии у автора PR-биографии выбора, причем каждый вариант этого выбора может быть мотивирован. Наличие ссылок на источники высказываний «лидеров мнений», несомненно, повышает надежность и достоверность изложения (недоверчивому читателю как бы предлагается проверить точность цитат). Кроме того, наличие ссылок позволяет предложить читателю сторонние материалы, что может оказаться

полезным и для поклонника, и для журналиста. С другой стороны, наличие ссылок может нарушить стилистическую цельность PR-биографии, которая может планироваться как увлекательное повествование, которое читатель должен прочитать от начала до конца.

При анализе цитат в составе PR-биографий необходимо учитывать не только их структуру, но и их прагматику, тем более что «любая цитата, являясь актом коммуникации, осуществляет определенную иллокуцию, т. е. выступает как утверждение, вопрос, ответ, жалоба, требование, просьба, предупреждение... и т. д.» [Гриднева, 2008, с. 147]. Внимательный анализ материала показывает, что основная иллокутивная сила цитат в PR-биографии заключается в положительной оценке героя.

Разумеется, оценка «лидера мнений» должна исходить от человека, который обладает авторитетом. В частности, этот человек может быть признан за его реальные заслуги, как в следующем примере из биографии И. Григорьева (*Григорьев*): *По мнению композитора и продюсера Игоря Матвиенко, который являлся членом жюри конкурса, музыка Григорьева явилась «новым словом в жанре шоу-бизнеса на Первом канале».*

В следующем примере мнение также имеет необходимый вес в силу особенностей того, кто его выражает (музыкальный критик А. Троицкий известен своим прекрасным знанием европейской музыки и ассоциируется с современной европейской культурой в целом): *Артем Троицкий так потом прокомментировал эту работу: «Меня потрясло, как правильно он пел по-английски, практически безупречно интонировал... Мимика, жесты, “смайлы” Лас-Вегасовский – это было просто обворожительно! Это было в точку!» (Киркоров).* В другом примере из биографии Ф. Киркорова оценка исполнения песни исходит от другого певца, который исполнял ту же песню первым: *«Я послушал альбом Филиппа и, услышав в его исполнении SikiDim, был очень удивлен, потому что его версия очень похожа на мою версию... Мне понравилось... На вашем языке она звучит сексуально и душевно. Мне нравится его голос», – сказал Таркан (Киркоров).*

В следующем фрагменте из биографии Пелагеи в качестве источников оценки выступают президенты Франции и России (хотелось бы обратить внимание на использование в нем кавычек, что следует интерпретировать в том смысле, что их слова представляют собой более или менее точную цитату): *Впервые со времен 2-ой Мировой войны встречаются главы сразу трех держав: Франции, Германии и России. И на этой встрече единственной культурной программой Протоколом предусматривается небольшой сольный концерт Пелагеи. Информационные агентства разносят по всему миру: Жак Ширак назвал девочку «русской Эдит Пиаф!», а Борис Ельцин, прослезившись, – «символом возрождающейся России» (Пелагея).*

Обращает на себя внимание способ, которым передаются слова французского президента. Это оформление очевидно является аномальным. Оценка, высказываемая французским президентом, оформляется при помощи восклицательного знака, который в нарушение существующих норм относится не к предложению в целом, а к словосочетанию в творительном падеже, которое взято в кавычки и занимает в предложении подчиненную позицию. Очевидно, что такое оформление имеет целью передать восхищение, которое выразил президент Франции. Однако с точки зрения норм русской пунктуации было бы более приемлемым оформление слов президента Франции как цитаты, например: *Жак Ширак восхитился: «Русская Эдит Пиаф!»*. Допустимым также представляется оформление как восклицательной всей фразы: *Жак Ширак назвал девочку русской Эдит Пиаф!* Но последний вариант изменил бы характеристику высказывания по цели и сделал бы его выражением гордости автора текста достижениями соотечественницы, а не выражением восхищения французского президента. В случае с передачей слов президента России мы имеем дело с более каноническим оформлением чужой речи, которая, по всей видимости, сопровождается изменением грамматической формы.

Впрочем, в данном контексте существенно то, что для выражения оценки привлекаются значимые, значительные фигуры. Хотя ссылка на авторитеты является одним из наиболее распространенных аргументов, в контексте

PR-биографии ее использование позволяет решить специфическую задачу. Прибегая к высказываниям «лидеров мнений», автор PR-биографии получает возможность выразить положительную оценку напрямую и одновременно снять ответственность за эту оценку как с себя, так и с базисного субъекта PR, от чьего имени PR-биография будет распространяться. При этом такая оценка все равно сохраняет некоторую (довольно высокую) степень объективности, поскольку она выступает в составе чужой речи (формально – прямой или косвенной). В силу этого такие высказывания не могут быть напрямую отождествлены ни с автором текста, ни с базисным субъектом PR-коммуникации.

Эта объективность, несомненно, иллюзорна: автор текста осуществляет отбор высказываний, которые будут фигурировать в тексте, а потому можно утверждать, что все суждения в тексте, в том числе и цитируемая чужая речь, в некотором смысле принадлежат ему. При этом очевидно, что из множества реально существующих высказываний о публичном лице можно отобрать суждения, содержащие самые разные оценки. Тем не менее, наличие у цитируемого высказывания непосредственного источника, который прямо указывается, создает дистанцию между этим высказыванием, с одной стороны, и лицом, изображаемым в PR-биографии, а также автором PR-биографии – с другой.

Еще один важный момент заключается в том, что в контексте PR-биографии чрезвычайно важным оказывается не только указание на автора положительного оценочного суждения, но и статус автора такого суждения. Прежде всего, автор сам должен быть публичным лицом (мнение рядового человека не имеет того же веса, что и мнение известного человека, обладающего репутацией). В этом заключается первичная функция указания автора цитаты в PR-биографии. Вторичная функция заключается в том, что наличие такой цитаты, приписываемой некоторому публичному лицу, ставит героя биографии в один ряд с этим публичным лицом.

При этом в контексте PR-биографии оказывается значимой не только компетентность источника положительной оценки, но и его статус, причем

последний может перевешивать. Например, в биографии певицы Пелагеи, размещенной на ее персональном сайте, содержатся ссылки на оценочные суждения, приписываемые Б. Н. Ельцину и Ж. Шираку. Политики не представляют особой ценности как источники объективной оценки творчества, поскольку не являются ни музыкантами, ни деятелями искусства. Однако по-настоящему значимым в данном случае является их статус, который, по большому счету, превосходит статус подавляющего большинства деятелей культуры. Типичное для PR-биографии отсутствие указания на текст – источник цитаты, содержащей оценку, может также служить косвенным подтверждением того, что для PR-биографии гораздо более важным является автор высказывания, причем он важен именно как лицо, обладающее статусом, авторитетом, известностью. Указание на авторство цитаты в PR-биографии гораздо более частотно, чем указание на текст, из которого эта цитата взята.

К оценкам «лидеров мнений» можно также отнести ссылки на оценки прессы. В некоторых случаях такие оценки остаются анонимными, в тексте содержится только указание на источник – издание, из которого взято то или иное суждение, ср.:

Начало 2012 года ознаменовалось участием Игоря Григорьева в очередном четвёртом сезоне шоу Первого канала «Две звезды», в котором он выступил в неожиданном дуэте с шансонной дивой Любовью Успенской.

«Проект „Две звезды“ на Первом канале уже не раз скрещивал ужа с ежом, получая на выходе дуэты различной степени занятости. Однако на этот раз тандем получился бесповоротно сногшибательным: Игорь Григорьев, завершивший недавно запись своего дебютного альбома в Лондоне, и шансондива Любовь Успенская» (Журнал Афиша, февраль 2012) (Григорьев).

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что ссылка на журнал «Афиша», интегрированная в текст, не является единственной: в процитированной биографии приводятся более точные ссылки на электронные источники (с указанием URL-адреса).

В других случаях ссылка на источник интегрируется в текст: *Британская газета «The Independent» в рубрике «Альбомом недели» отмечала: «Этот впечатляющий двойной CD с концертами Листа, плюс “Орфей” и “Героическая элегия”, воплощает всю русскую мощь. Пианизм Мацуева обладает героической силой и точно выверенным контролем...» (Мацуев).* Хотелось бы обратить внимание, что ссылка на рубрику знаменитой газеты косвенно работает на положительную характеристику героя PR-биографии – пианиста Д. Мацуева. В конечном счете, аналогичные рубрики специально создаются для продвижения тех или иных исполнителей, причем двусмысленность названий таких рубрик не случайна. В частности, в данном случае название может интерпретироваться и как указание на лучший альбом недели, и на альбом, который редакция решила оценить на данной неделе.

Цитата на журналистский источник может сопровождаться указанием на ее автора. Пример этого мы находим в биографии Д. Мацуева: *«Первый фортепианный концерт Чайковского был записан такое множество раз, что справедливо возникает вопрос – нужна ли нам еще одна запись? Послушайте этот диск, и все сомнения рассеются. Неважно, насколько хорошо вы знакомы с этим произведением – я гарантирую, что данное исполнение полностью перевернет ваше представление о нем», – пишет Джереми Николас, – «Я уже не говорю о том, что эталонных интерпретаций Первого и Второго концертов для фортепиано Чайковского на одном диске практически не существует в природе – а это именно то, что мы обретаем здесь, поскольку трактовка Мацуевым и Гергиевым Второго фортепианного концерта столь же впечатляюща» (Мацуев).* Указание на автора цитаты является не случайным, поскольку Джереми Николас является довольно известным деятелем культуры, причем не только музыкальным критиком, но и актером, радиоведущим, композитором и поэтом. В силу этого данная оценка воспринимается как исходящая от другого человека творческой профессии, добившегося широкого признания, и работает на усиление соответствующих черт образа героя

биографии, фактически смыкаясь с таким средством, как соседство со значимыми персонажами.

В отдельных случаях ссылки на мнение прессы не обязательно отсылают к конкретным журналистам и изданиям, они могут носить обобщенный характер: *Зарубежная пресса не раз отмечала уникальный тембр голоса, прекрасную технику, широкий диапазон, чувство стиля, артистизм и музыкальность (Басков)*. Впрочем, такие ссылки на лидеров мнений не являются абсолютно безупречными. С одной стороны, они работают на создание образа героя и обладают довольно мощным весом, поскольку отсылают к разным источникам оценки, потенциально многочисленным. Однако, с другой стороны, они могут быть восприняты читателем как голословные, так как текст не содержит ни указаний на конкретные источники, ни даже самих высказываний.

В качестве примера, который одновременно подтверждает и опровергает важность мнения значимых личностей, можно привести характерное и необычное оспаривание лидеров мнений и, шире, высказываний других личностей. В автобиографии певицы Линды (*Линда*) имеется раздел «Слухи», который строится как пара «высказывание – комментарий»: Линда, как героиня биографии, отвечает на отдельные суждения, высказанные в ее адрес. Например, биография становится полигоном для продолжения полемики с ее бывшим продюсером Максимом Фадеевым (пунктуационные особенности оформления текста воспроизводятся без изменений):

Максим Фадеев: *«Линда, как артистка, создана мной от А до Я, а ее внешний облик как стилист придумывала моя жена... К этой работе я привлёк всех своих друзей. Привез группу «Конвой», где я пел с юности лет и даже оплачивал им жилье... Тащил в поте лица за собой целую толпу... Ел голубей и содержал всю команду.»*

Линда: *«Без комментариев... или совсем немного «такое тотальное ЧУДО» так гордиться этим эпизодом в своей парадоксально-гениальной жизни. Как говорил М. Жванецкий о насыщенной, нескучной жизни: «Весь день не спишь, всю ночь не ешь! – конечно, устаёшь!» (Линда).*

В данном разделе комментируется еще три высказывания, которые, правда, не приписываются конкретным личностям, их авторство остается неясным и обозначается посредством ремарок «кто-то из журналистов» и «в одной из газет». Эти высказывания касаются мнимых занятий певицы магией, ее употребления наркотиков, а также скандала, связанного с клипом на песню «Ворона», идею которого у нее якобы украла Мадонна.

Примечательно, что в данном случае высказывания используются не как подкрепление, то есть еще одно средство формирования положительного образа, а как основание для полемики и даже очищения образа певицы. Отчасти это можно объяснить ее имиджем, стремлением подчеркнуть нонконформизм и нежелание участвовать в человеческой «возне». И действительно, биография Линды представляет собой единственный пример подобной явной полемики в исследованных текстах. В более широком контексте это показывает, что публичные высказывания о герое в составе PR-биографии могут использоваться не только в положительном ключе, хотя обязательно в итоге работают на образ героя. Тем не менее, в исследованном материале подобные примеры встречаются в минимальном количестве, а это позволяет прийти к заключению, что оценки лидеров мнений по преимуществу используются в PR-биографии как дополнительное средство формирования положительного образа.

Выводы по 4 главе

Особенности коммуникативной ситуации, в которой создается и функционирует PR-биография, делают необходимой квалификацию такого текста как квазиавтобиографического. С одной стороны, PR-биография в сознании аудитории отождествляется с базисным субъектом PR не только потому, что рассказывает о нем, но и потому, что распространяется от его имени. Представляется очевидным и то, что PR-биография создается по инициативе и с участием базисного субъекта PR. С другой стороны, реальным автором PR-биографии за исключением чрезвычайно редких случаев является стороннее

лицо, PR-специалист, который создает текст в рамках поставленного перед ним задания. В силу этого PR-биографию нельзя определить ни как автобиографический, ни как биографический (в узком смысле) текст; в коммуникативной перспективе данный текст сочетает в себе признаки биографии и автобиографии.

Коммуникативная ситуация, в которой создается и функционирует PR-биография, не получает и не может получить адекватного выражения в грамматической организации текста. В силу этого традиционные формы повествования от 1-го и 3-го лица получают переосмысление и становятся стилистическим средством, при помощи которого осуществляется воздействие на аудиторию и одновременно формируется ракурс представления героя (персонализированное обращение/официальный тон).

В то же время квазиавтобиографичность PR-биографии находит косвенное отражение в формальных свойствах текста, связанных с категорией авторства и выражением оценки героя биографии.

В PR-биографии специфически реализуется текстовая (паратекстовая) категория авторства. Прежде всего, PR-биография – это преимущественно анонимный, не подписанный текст, который распространяется от лица базисного субъекта PR. Однако в отдельных случаях автор представлен явно, что всегда следует трактовать как отклонение и нарушение стандарта: 1) PR-биография является автобиографией в собственном смысле слова, то есть написана самим героем (этот случай следует отличать от стилизации под автобиографическую форму); 2) текст PR-биографии содержит отдельные признаки присутствия авторской фигуры (комментарии внутри и после текста), но имя автора не называется; 3) PR-биография представляет собой полноценный авторский текст, подписанный конкретным человеком. В последнем случае, особенно если автор является публичным лицом, обладающим авторитетом, это позволяет ввести прямые оценки героя биографии, поскольку источником такой оценки оказывается реальный автор текста и автора текста нельзя отождествить с героем биографии.

Что касается положительной оценочности, то для PR-биографии характерна уникальная система средств выражения оценки, которая предполагает намеренное метонимическое смещение акцента с фигуры героя текста на смежные явления. Это смещение может иметь различные формы: а) смещение с качеств личности на конкретные действия героя, его достижения, события его жизни, показывающие его успешность, талант, исключительность или другие значимые качества; б) положительная оценка героя может косвенно выражаться посредством наполнения изложения значимыми культурными объектами и персонами, которые выступают в качестве фона или окружения героя; в) в PR-биографии включаются оценочные суждения «лидеров мнений», то есть известных личностей, экспертов, журналистов.

Такое смещение при выражении положительной оценки обусловлено тем фактом, что PR-биография распространяется от лица базисного субъекта PR и в сознании аудитории отождествляется с ним. Прямое выражение положительной оценки в таком контексте воспринималось бы как самовосхваление, а потому было бы равнозначно «иллокутивному самоубийству» (самовосхваление не воспринимается как положительное качество). С другой стороны, обязательность общей положительной оценочности задается контекстом PR-дискурса, который нацелен на формирование положительного образа базисного субъекта PR.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет подтвердить гипотезу о том, что PR-биография представляет собой модификацию общей биографической жанровой модели, возникающую в контексте дискурса связей с общественностью. Адаптация биографической модели к целям и правилам PR-дискурса приводит к тому, что биографическая модель трансформируется, приобретает новые свойства, а отдельные составляющие этой модели получают переосмысление.

Имеется ряд признаков, благодаря которым PR-биография должна рассматриваться как модификация общей биографической жанровой модели:

– для PR-биографии характерно наличие двух структурных признаков, которые присущи любому биографическому тексту: а) в PR-биографии изображается конкретное лицо и б) изложение подчинено хронологическому принципу, потенциально позволяющему представить личность героя в развитии;

– PR-биография опирается на традицию биографического жанра, что проявляется в активном использовании сложившихся форм выражения (собственно биографического и, реже, автобиографического, конспективного и повествовательного изложения, стилистических и композиционных средств, характерных для официально-деловых и литературно-художественных текстов);

– PR-биография актуализирует потенциал общей биографической модели, что проявляется, например, в примате положительной оценочности, которая для биографии не обязательна, но не противоречит ее сущности.

В то же время правомерно говорить о наличии ярких специфических признаков, которые делают PR-биографию самостоятельным явлением в ряду модификаций общей жанровой биографической модели.

1. PR-биография не вырабатывает собственного стандарта оформления, что характерно для модификаций биографической модели в других стилях и дискурсах. Специфика PR-биографии заключается не столько в формальных (структурных и языковых), сколько в ее коммуникативных признаках. Коммуникативные цели, которым подчинена PR-биография, определяются

целями PR-дискурса, а именно – формированием положительного образа базисного субъекта PR, то есть публичного лица (политика, общественного, государственного деятеля, деятеля культуры, журналиста и т. д.), а также организации, которая может формировать собственный образ в сознании целевых аудиторий посредством PR-биографий значимых фигур (руководителей, сотрудников, как действующих, так и бывших).

Вследствие этого PR-биография, не вырабатывая собственной специфической формы построения, заимствует формы и модели изложения, выработанные другими модификациями биографической жанровой модели или даже другими жанрами. Данное свойство в рамках работы характеризуется как полиморфность PR-биографии. Полиморфность проявляется в использовании различных жанровых прототипов, принадлежащих к полю биографических текстов (деловая биография, биографическое повествование, художественно-публицистическая биография, автобиографические формы), либо в заимствовании моделей небюграфических жанров (например, интервью, информационной заметки, публицистической статьи, панегирика). Заимствуемые формы органично вписываются в контекст PR-дискурса и, превращаясь в стилистическое средство, позволяют решать специфические задачи в рамках конкретной PR-кампании. В отдельных случаях эти формы смешиваются в рамках одного текста, что ведет, например, к сосуществованию в одной PR-биографии биографических и автобиографических фрагментов. PR-биография также испытывает воздействие общих тенденций, обусловленных развитием технических средств представления текстовой информации, что отличает ее от других биографических текстов.

2. Коммуникативные условия, в которых создаются и функционируют PR-биографии, не могут быть адекватно переданы посредством традиционных форм построения биографического текста. PR-биографию нельзя считать ни собственно биографическим, ни автобиографическим текстом. С одной стороны, PR-биография типично создается не ее героем, а специалистом, нанимаемым для проведения PR-кампании, что формально делает этот текст биографическим. Однако, с другой стороны, PR-биография создается

по инициативе базисного субъекта PR, распространяется от его лица и предназначена для формирования положительного образа базисного субъекта, то есть обладает признаками автобиографического текста. Эта особенность PR-биографии в работе характеризуется как «квазиавтобиографичность».

Следствием таких коммуникативных признаков PR-биографии становится неадекватность традиционных форм изложения, которая ведет к переосмыслению грамматических и стилистических средств оформления высказывания. В частности, в контексте PR-биографии автобиографическое изложение (от 1-го лица) становится средством формирования доверительного, интимного, исповедального тона, а изложение от 3-го лица – средством подчеркнуть официальность, информативность текста.

В то же время квазиавтобиографичность получает косвенное формальное выражение. Во-первых, это происходит в рамках паратекстовой категории авторства. PR-биография типично является анонимным текстом, и это напрямую коррелирует с тем, что она распространяется от лица базисного субъекта PR. Отдельные и довольно редкие манифестации фигуры автора, будучи отклонениями от этого принципа, всегда сопряжены со значимыми эффектами. В процессе исследования удалось выявить ряд форм присутствия в тексте авторской фигуры: а) PR-биография написана героем текста и является подлинным автобиографическим повествованием (в противоположность стилизации под автобиографическую форму), б) автор выражает свое присутствие в виде комментариев и пояснений к тексту, в) PR-биография создается и подписывается другим человеком, который обладает достаточным весом и авторитетом в глазах общественности. Последний случай, по нашему мнению, близок панегирику и является особой разновидностью PR-биографии – авторской PR-биографией.

Во-вторых, квазиавтобиографичность PR-биографии находит отражение в системе средств выражения положительной оценки. С одной стороны, PR-биография, будучи инструментом связей с общественностью, предполагает обязательное изображение ее героя в положительном ключе. Однако, с другой стороны, такая положительная характеристика в силу распространения

PR-биографии от лица базисного субъекта PR воспринималась бы как самовосхваление, которое не является положительным качеством. Это парадоксальное сочетание приводит к формированию в PR-биографии особой системы выражения положительной оценки. В основе этой системы лежит принцип метонимического смещения с личности биографируемого лица. В результате этого смещения внимание читателя переводится на а) действия и достижения героя биографии, б) фон и окружение, на которых изображается герой биографии, и в) положительные суждения лидеров мнений о герое. В первом случае положительная оценка не только выражается, но и аргументируется; во втором случае герой изображается в одном ряду с другими значимыми личностями или культурными объектами, которые выражают его статус. Использование хвалебных суждений, исходящих от лидеров мнений (экспертов, авторитетных личностей и т. д.), позволяет включить в PR-биографию прямые положительные оценки, поскольку ответственность за них несет автор суждения, а не автор биографии или ее герой.

Изучение PR-биографии в ее отношении к другим жанрам (как биографическим, так и не биографическим, например, к панегирику) позволяет сформулировать гипотезу относительно устройства жанровой системы в целом, которая подтверждается на материале PR-биографий, но должна быть проверена на материале других жанровых моделей. Наличие большого количества модификаций общей жанровой модели биографии позволяет сформулировать предположение о том, что речевой жанр представляет собой наддискурсное образование. Жанровая модель, существующая в сознании носителей языка, производящих и интерпретирующих высказывания, является достаточно общей. Однако в условиях дискурсивного контекста эта модель конкретизируется и отчасти модифицируется, подчиняясь коммуникативным целям и прочим институциональным рамкам, которые устанавливает данный дискурс. Дискурсивные реализации представляют собой компромисс между правилами и признаками жанровой модели и правилами дискурса, в котором она реализуется

(речевой жанр, адаптируясь к условиям конкретного дискурса, трансформируется и приобретает новые свойства).

Это находит отражение в языковой форме речевого жанра. Жанровая модель представлена небольшим набором общих свойств и не обязательно может быть описана с точки зрения ее языкового выражения (возможно, такое описание содержит небольшое число конкретных языковых признаков). Дискурсная модификация жанра, наоборот, с точки зрения ее языковых признаков гораздо более конкретна и детализирована.

Выявленные факты позволяют усомниться в возможности полного синтеза теории дискурса и теории речевого жанра. Многообразие дискурсных модификаций жанра биографии показывает, что пространство жанров и пространство дискурсов взаимодействуют и пересекаются, однако обладают самостоятельностью, что требует сохранения автономности этих двух теорий.

Что касается перспектив дальнейшего исследования, то, во-первых, представляется интересным сопоставительное изучение PR-биографий на материале различных языков. Такой выбор материала позволяет поставить целый ряд важных вопросов о сходстве и различиях PR-биографий в различных культурах, о принципах их организации. В частности, сопоставительный анализ на материале различных языков способен стать основанием для обобщения полученных в данном исследовании выводов или, наоборот, увидеть в них специфичную черту русскоязычной PR-биографии. Во-вторых, перспективным представляется выявление других жанровых моделей или их признаков (компонентов), которые могут осваиваться и ассимилироваться PR-биографией. Предположение о том, что полученный в процессе исследования список жанровых прототипов, которые используются в PR-биографии, является неполным, представляется вероятным, поскольку необычные гибридные жанровые образования не являются частотными и формируют периферию PR-биографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Научная и учебно-методическая литература**

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. – М.: Изд-во "Наука", 1981. – С. 83-97.
2. Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 157-190.
3. Аги У., Кэмерон Г. и др. Самое главное в PR. – СПб.: Питер, 2004. – 560 с.
4. Аксенова А. В. Языковые маркеры жанров имиджевой рекламы: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. – 175 с.
5. Аксенова А. В., Анисимова Т. В. Принципы построения системы PR-жанров // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 1. – С. 20-25.
6. Алексеев А. Письмо, дневник, автобиография: Многообразие форм и сопряжение смыслов (Теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007. – № 4. – С. 46-56.
7. Алексеева Т. С. PR и медиатексты в дискурсивной парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – Т. 7. – № 2. – С. 104-113.
8. Алефиренко Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – Т. 4. – № 3. – С. 16-21.
9. Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров и маркетеров. – М.: Гном-Пресс, 1997. – 256 с.
10. Андреев В.И. Деловая риторика. Практический курс для творческого саморазвития делового общения, полемического и ораторского мастерства. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1993. – 250 с.

11. Андреюшкина Т. Н. Этапы развития жанра стихотворения-биографии в немецкой поэзии XX века // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. Под редакцией Т. В. Мальцевой. СПб., 2013. С. 87-97.
12. Анисимова Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Сер. Языкознание. – Вып. 15 (675). – Ч. II. – С. 9-22.
13. Анисимова Т. В. Пиар, PR и связи с общественностью // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2013. – № 3. – С. 221-228.
14. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 349 с.
15. Антонова Ю. А. Жанр интервью в газетном дискурсе // Политическая лингвистика. – 2006. – № 18. – С. 5-9.
16. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 444 с.
17. Арнольд И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб., 1993. – С. 4-12.
18. Артемникова И.П. Общество оценщиков PR // Экономика и жизнь. – 1995. – № 6. – С. 20-46.
19. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 175 с.
20. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
21. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-56.
22. Арутюнова Н. Д. Чужая речь: «свое» и «чужое» // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

23. Атьман О. В. Жанровая специфика президентского дискурса США // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2(21). – С.14-16.
24. Ахренова Н. А. Основные способы классификации жанров интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 9. – С. 166-174.
25. Ашукин Н. Биография // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>
26. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 200 с.
27. Балахонская Л. В. Современные подходы к определению PR-текста // Российская школа связей с общественностью. – 2016. – № 8. – С. 30-41.
28. Балахонская Л. В., Быков И. А. Специфика PR-текстов в сети интернет: коммуникативно-прагматический аспект // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2014. – № 2 (22). – С. 41-59.
29. Балашова Л. В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // Жанры речи / под ред. В. В. Дементьева. – Вып. 6. Жанр и язык. – Саратов: ИЦ «Наука», 2009. – С. 59–79.
30. Балышева Ю. В. Сравнения в публицистике А. А. Проханова (на основе статей, относящихся к жанру «панегирик») // Основные проблемы гуманитарных наук: Сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград: Инновационный центр развития образования и науки, 2014. С. 37-38.
31. Барбашева С. С., Волова В. М. Деловая медицинская корреспонденция на английском языке. – Самара: «Криптен-Волга», 2013. – 120 с.
32. Бауман, З. Текущая современность / Пер. с англ. С. А. Комарова; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

33. Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. М.: Русские словари, 1997 (б). С. 207-286.
34. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. Т. 3. Теория романа (1930-1961). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340-503.
35. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. М.: Русские словари, 1997. – С. 159-206.
36. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970-х гг. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. С. 371-439.
37. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. Т. 3: Теория романа (1930-1961). М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.
38. Бацевич Ф.С. Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи. – Вып. 4. Жанр и концепт. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – С. 112-122.
39. Белогурова Т. А. Биография дорог: Москва-Брест // Мир транспорта. – 2011. – Т. 9. – № 4 (37). – С. 162-167.
40. Беляевская Е. Г. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 21-26.
41. Бенуа В. Л. Функциональная теория дискурса политической кампании // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – 2006. – Вып. 19. – С. 18-43.
42. Бешукова Ф. Б. Медиадискурс постмодернистского литературного пространства: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 50 с.
43. Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? М.: Агентство печати «Новости», 1990. – 240 с.
44. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. – 2008. - № 1. – С. 162-167.

45. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 40 с.
46. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. – Саратов: «Колледж», 1997. – С. 12-22.
47. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
48. Бондарева Л. М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2006. – № 2. – С. 69-74.
49. Бондарева Л.М. Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 21 с.
50. Борботько Л. А. О разграничении понятий «метатекст», «паратекст», «интертекст» и «сверхтекст» (на материале современных пьес) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 2. – С. 19-23.
51. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 1999. – 895 с.
52. Бузинова А. А. Визуальный PR-текст в управлении публичными коммуникациями: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2015. – 27 с.
53. Букеева М. Е. Гибридные жанры презентационного дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 24 с.
54. Буланин Д. М. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. В 2 т. / Д.М. Буланин, С.И. Николаев, Р.Ю. Данилевский [и др.]; под ред. Ю.Д. Левина. – СПб.: – Дмитрий Буланин: Böhlau, 1995. – Т. I. Проза. – 316 с.

55. Быков И. А., Филатова О. Г. Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: Смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9. – 2011. № 2. – С. 226-237.
56. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Рус. яз., 1995. – 175 с.
57. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99-111.
58. Векслер А. История Public relations: попытка хронологии // Советник. – 1999. – № 1 (37). – С. 38-40.
59. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.
60. Веселова И. С. Чебурашка. Биография символа // Временник Зубовского института. – 2010. – № 5. – С. 33-38.
61. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.
62. Волошина С. В. Автобиографические тексты в интернете: жанровый и дискурсивный аспекты анализа // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 6 (26). – С. 5-13.
63. Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2 (27). – С. 267-273.
64. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа как фрагмент энциклопедии речевых жанров // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 52-61.
65. Волошина С. В., Литвинов А. В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – № 1 (10). – С. 40-54.

66. Воробьева Н. В. О понятии «жанр» в современной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 17 (677). – С. 126-135.
67. Ворожцова Н. В. Предвыборный дискурс и его жанры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 2 (10). – С. 106-113.
68. Гайда С. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. – Пермь: Наука, 1986. – С. 22-28.
69. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 211 с.
70. Галактионова Н. А. Преподаватель высшей школы в оптике PR-деятельности: лидер мнений или целевой объект // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22-1. – С. 63-64.
71. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дисс. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 212 с.
72. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 73. – С. 32-35.
73. Голубева Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 22 с.
74. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 23-33.
75. Горбунова М. В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 244-247.
76. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.

77. Горобец Л. Н. Риторические жанры педагогического дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 62. – С. 219-225.
78. Горохов В. М., Гринберг Т. Э. Концепция рекламы и публик рилейшнз в теории массовых коммуникаций // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика. – 2002. – № 1. – С. 60–64.
79. Горошко Е. И., Павлова Л. В. Интернет-жанры // Жанры речи. – 2015. – № 1 (11). – С. 122-136.
80. Горячев А. А. Убеждающие тексты в сфере связей с общественностью: Опыт интенционально-стилистического анализа. Статья 1 // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 77-88.
81. Гриднева Н. А. О прагматическом потенциале цитат (на материале современных англоязычных словарей цитат) // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 1 (60). – С. 145-153.
82. Громов А. Н., Малиновский А. М. Вселенная. Полная биография. – Москва, 2011. – 416 с.
83. Гундарин М. В. Книга руководителя отдела PR: практические рекомендации. – СПб.: «Питер», 2008. – 368 с.
84. Гусева И. И. Биография и автобиография как жанры исторического исследования // Наука и общество. – 2013. – № 1 (10). – С. 26-30.
85. Данилина В. В., Луканина М. В., Минаева Л. В., Салиева Л. К. Связи с общественностью. Составление документов: Теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.
86. Данилова С. А. Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 345-349.
87. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
88. Дементьев В. В. Жанровая структура фатической коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1995. – 19 с.

89. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. – 2015. – № 2 (12). – С. 9-26.
90. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
91. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1998. – 107 с.
92. Денисова О. И. «Номинативизация» компонентов с обстоятельственным значением в кратких новостях как проявление межуровневого синкретизма // Приволжской научный вестник. – 2015. – № 12-1 (52). – С. 84-88.
93. Дивисенко К. С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 36-52.
94. Дивисенко К.С. Биографическое исследование жизненного мира // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2009. – № 5. – С. 41–45.
95. Донец П. Н. Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи. – Вып. 6: Жанр и язык. – Саратов: Наука, 2009. – С. 227-232.
96. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 100-119.
97. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. – 2014. – Вып. 1-2 (9-10). – С. 50-57.
98. Духовная Т. В. Текстовый статус субтитров // Дискурс в синтагматике и парадигматике. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. – С. 119-126.
99. Евграфова Т. В. Характеристики современного англоязычного резюме как жанра частной деловой документации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 4-6. – С. 1542-1547.

100. Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В. Политическая реклама. – М.: Никколо М, 1999. – 240 с.
101. Эйгер Г. В., Юхт В. Л. К построению текстов // Лингвистика текста: Материалы конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 103-109.
102. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 328 с.
103. Ерилова С. Л. Метафоризация как способ смыслопостроения в политическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 174 с.
104. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 250 с.
105. Жуков И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998-2000 гг.: дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 212 с.
106. Задорина Г. А. Практики формирования биографического нарратива персонажа в предвыборном дискурсе // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 85-94.
107. Замятина В. С. Проблема определения термина «паблик рилейшнз» // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 35-37.
108. Зотеева Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 133-143.
109. Зуева Т. Г. Речевые ошибки в работах ЕГЭ и в средствах массовой информации: Общие болевые точки // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – № 25. С. 111-114.
110. Иванова К. А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. – СПб.: Питер, 2005. – 144 с.
111. Игнатъев Д., Бекетов Д. Настольная книга Public Relations. – 2-е изд. – М.: Альпина-Бизнес Букс, 2004. – 496 с.

112. Ильинский С. Энциклопедический словарь PR и рекламы. – Т. 1. – М., 2002. – 72 с.
113. Иркабаева М. В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 3. – С. 636-540.
114. Исаева В. Б. Феномен конверсации: конструирование религиозной идентичности в биографическом нарративе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т. XIII. – № 1. – С. 127-147.
115. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
116. Кадимова Р. Н. Франкоязычный деловой дискурс в модусно-жанровом аспекте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 10 (696). – С. 57-68.
117. Казакова Л. Н. Паратекст: эпитафьи-коды в американской прозе XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 51-55.
118. Казанцева Г. В. К проблеме сравнительно-сопоставительного анализа беллетризованной биографии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 13 (151). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 31. – С. 58–61.
119. Казиева Д. А. PR-дискурс в свете лингвистического научного инструментария: методология и перспективы изучения // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 3. – С. 11-14.
120. Казиева Д. А. Дискурсивная специфика PR-дискурса: структурно-функциональный аспект // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 4. – С. 192-195.
121. Казиева Д. А. Прагматика PR-дискурса: фактор адресата и коммуникативные стратегии // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 4. – С. 71-80.

122. Казиева Д. А. Разноуровневость имиджей в дискурсивном пространстве масс-медиа // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (57). – С. 34-37.

123. Казиева Д. А. Феномен медиадискурса в коммуникативном пространстве постмодернизма // Вестник Пятигорского государственного университета. 2016. № 1. С. 90-92.

124. Календр А. А. Рекомендация как жанр популярно-медицинского дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 8 (103). – С. 142-147.

125. Карасик В. И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. – Волгоград, 2004. – С. 48-50.

126. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

127. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

128. Каратанова О. А. Лингвистические релевантные нарушения педагогического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 181 с.

129. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. в виде науч. доклада ... докт. филол. наук. – М., 2003. – 90 с.

130. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.

131. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. – М.: Русские словари, 1999. – 396 с.

132. Китанина Э.А. Языковой статус макаронической лексики в высказывании и тексте // коллективная монография «Слово и текст», посвященная

90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Южного федерального университета Галины Федоровны Гавриловой. Ростов-на-Дону: ООО Донское книжное издательство, 2020. С. 12-24.

133. Клейн И. Похвала властителю: панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne. 2015. Т. IV. № 2. С. 36-71.

134. Клушина Н.И. Медиастилистика. Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 69 –77.

135. Коваль Б. И. Штрихи к биографии института // Латинская Америка. – 2011. – № 12. – С. 6-13.

136. Кованова Е. А. Анализ факторов, обуславливающих характер самопрезентации автора автобиографического дискурса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 47. – С. 81–86.

137. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 52–61.

138. Козлова С. М. Биография велосипеда // Мир транспорта. – 2009. – Т. 7. – № 3 (27). – С. 172-178.

139. Козьяков Р. В. Корпоративный имидж учебного заведения // PR в образовании. – 2005. – № 1. – С. 108–112.

140. Колотов А. А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении // I-я Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – 196 с. – С.37- 41.

141. Колотов А.А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении // I-я Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – 196 с. – С.37-41.

142. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. – М.: Издательство Московского университета, 1995. – 144 с.
143. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 1308 с.
144. Комлева Е. В. Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – С. 296-300.
145. Коптева Э. И. Традиции риторической биографии в «греческой повести» Д. И. Фонвизина «Каллисфен» // Научно-технические ведомости СПбГУ. – Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 1 (118). – С. 307-312.
146. Коротеева О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 205 с.
147. Косицкая Ф. Л. Дискурс моды и его жанровая дифференциация // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (145). – С. 22-27.
148. Косолапова Т. В. Типологические различия, проявляемые в текстах англоязычных резюме мужчин и женщин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – Т. 72. – № 8. – С. 108-111.
149. Костомаров В.Г. Стилистика, любовь моей жизни... - СПб.: Златоуст, М.: Гос ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. – 184 с.
150. Кочеткова А. В., Тарасов А. С. Современная пресс-служба. – М.: ЭКСМО, 2009. – 272 с.
151. Красивова А.Н. Деловой русский язык: Учебно-практическое пособие. – М.: Изд-во МФА, 2001. – 80 с.
152. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
153. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 288 с.

154. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – 2-е изд., доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
155. Кривонос А. Д. Жанры PR-текста. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 135 с.
156. Кривонос А. Д. Основы теории связей с общественностью / А. Д. Кривонос, О. Г. Филатова, М. А. Шишкина. – СПб.: Питер, 2012. – 384 с.
157. Крысин Л. П. Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров // Коммуникативные исследования. – 2015. - № 1 (3). – С. 49-54.
158. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 560 с.
159. Кузнецова В. С., Куленко В. Г. Биография кафедры технологического оборудования // Молочнохозяйственный вестник. – 2011. – № 4. – С. 12-15.
160. Куликовская Е. В. Заголовок как паратекст // Электронный научный журнал. 2016. № 10-1 (13). С. 202-205.
161. Култышева И. В. Анализ использования средств речевого воздействия в официальных биографиях губернаторов Свердловской области // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 26-28 августа 2014 г.). Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2014. С. 53-57.
162. Культура русской речи: энциклопедический словарь справочник. – М., 2003.
163. Лапина Е. В. Внутрикорпоративная газета как инструмент связей с общественностью: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 24 с.
164. Левашов М. В. Бренд и текст // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 214-221.
165. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
166. Логунова Л. Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитекtonика // Вестник Кемеровского государственного

университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2016. – № 1 (1). – С. 17-23.

167. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб.: «Искусство – СПб», 1997. – С. 804-816.

168. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 39 с.

169. Любимова Н. В. Стилистический смысл гибридизации жанров на стыке различных дискурсов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 5 (638). – С. 311-322.

170. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: «Гнозис», 2003. – 280 с.

171. Макаров М. Л. Проблема структуры дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. – 2005. – Вып. 1 (7). – С. 80-96.

172. Мальцева Н. Г. Устный дискурс русских и английских детей в возрасте 5-6 лет: дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 207 с.

173. Мануильский М. А. Биография в структуре жизненного мира индивида // Человек. – 2005. – № 5. – С. 30-43.

174. Маркасов М. Ю. Цифра (дата) и «вещь» в биографическом дискурсе современной журнальной периодики // Журналистика в коммуникативной культуре современности: новые журналисты для новых медиа: Материалы второй международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2012. – С. 24-25.

175. Месеняшина Л. А. Диалогический жанр? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22. – С. 77-81.

176. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 210 с.
177. Москвин В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63-70.
178. Мурзин Д. А. Феномен внутрикорпоративной прессы. – М.: Издательский дом «Хроникер», 2005. – 192 с.
179. Наркевич А. Ю. Биография // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – Т. 1: Аарне – Гаврилов. — М.: Сов. энцикл., 1962. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-0701.htm>
180. Нечаева Е. А. Современный PR-дискурс как объект комплексного лингвистического исследования // Коммуникация в современном поликультурном мире: диалог культур: Ежегодный сборник научных трудов / Отв. ред. Т. А. Барановская. – М., 2014. – С. 57-67.
181. Носов С. О. Паратекст как средство конструирования художественного пространства в драме: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 18 с.
182. Овчинникова Е. А. Биография вокзала // Мир транспорта. – 2012. – Т. 10. – № 2 (40). – С. 204-210.
183. Огнева К. П. Ключевые жанры политических PR-текстов // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: материалы Международной научной конференции / гл. ред. И.В. Култышева ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; ФГБОУ ВПО «Нижегород. гос. соц.-пед. акад». – Екатеринбург, 2014. – С. 76-89.
184. Ожегов С. Ю., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. - М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
185. Оломская Н. Н. Аудио- и визуальные уровни коммуникативно-информационных каналов: общая характеристика и дискурс PR // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 151-154.
186. Ольшанский Д. Политический PR. – СПб.: Питер, 2003. – 324 с.

187. Ослопова В. Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 19-22.

188. Остапенко Д. И. Транстекстуальный аспект в исследовании примечаний (на материале переводческих примечаний к произведениям художественной литературы) // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 58-62.

189. Панкратова О. А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 228 с.

190. Пастухов А. Г. Медиатексты в дискурсивных сообществах // Язык средств массовой информации как предмет междисциплинарного исследования: Материалы 2-й Междунар. конф. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 209-212.

191. Патюкова Р. В., Оломская Н. Н. Публичная коммуникация vs PR-дискурс: общее и специфическое // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 3. – № 4. – С. 72-76.

192. Пескова Е. Н. Биографическое интервью в имиджевом издании: жанрообразующие признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12. – № 2. – С. 39–43.

193. Петрягина Д. С. Редактор и автор PR-текста // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2011. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1224/8544_164b.pdf

194. Плигина Е. С. Документный текст как инструмент PR-коммуникации // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1 (44). – С. 192-195.

195. Погосян В. А. Дискурсивное сообщество университета // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 1. – С. 228-231.

196. Покровская Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевые жанры в диалоге культур. – Ростов-на-Дону: Foundation, 2011. – 200 с.
197. Полунова М. Как составить блестящее резюме // Карьерист. – 2009. – Т. 2. – № 1. – С. 19-22.
198. Поляков А. Н. Биография и история: Проблема соотношения жанров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2013. – № 2. – С. 39-44.
199. Полякова И. А. Биография города: жизнь, история, судьба // Вопросы культурологии. – 2011. – № 8. – С. 24-28.
200. Пономарев С. В. Вербальные коммуникации в системе публичных рилейшнз [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – Режим доступа: <http://ponomariov2002.narod.ru/disser.html>
201. Почепцов Г. Г. Публичных рилейшнз для профессионалов. – М.: Рефлбук, К.: Ваклер, 2002. – 624 с.
202. Розанова Ю. Н. Путеводитель как жанр туристического дискурса: диахронический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5. – С. 281-285.
203. Розенталь Д. Э. Говорите и пишите по-русски правильно. – М.: Айрис-пресс, 2016. – 256 с.
204. Руднев В. Н. Панегирик как речевой жанр // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2011. № 1. С. 183-188.
205. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.
206. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 282 с.
207. Рыжикова М. Д. Характерные черты панегирика как жанра лаудативного дискурса (на примере английского языка) // Филологический аспект. – 2015. – № 9. – Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/article/характерные-черты-панегирика-как-жан>

208. Рыльщикова Л. М. Типология жанров современного научно-фантастического дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13. – № 2-1. – С. 193-196.

209. Савенкова Е. С. К вопросу о современных подходах в обучении студентов оформлению деловых документов (жанр резюме) // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. – 2013. – № 4 (101). – С. 290-296.

210. Сафиуллина Г. Р., Шакиров А. И. Трансформация журналистики в условиях «визуального поворота» // Вестник Челябинского Государственного Университета. Филология. Искусствоведение. – 2015. – Вып. 94. – № 5 (360). – С. 425-431.

211. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия. – М.: «Лабиринт», 2011. – 336 с.

212. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 13-26.

213. Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дисс. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1999. – 453 с.

214. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 7-38.

215. Селезнева Л. В. PR-дискурс в рамках таксономии дискурсов // Дискурс-Пи. – 2015 (а). – Т. 12. – № 1 (18). – С. 56-62.

216. Селезнева Л. В. Public relations как совокупность профессиональных дискурсивных практик // Медиалингвистика: IV Международный научно-практический семинар: сб. ст. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2015 (б). – С. 140-144.

217. Семилет В. Фрагментарность новостного дискурса в современной медиакультуре // Медиасреда. – 2006. – № 1. – С. 90-94.

218. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12-53.

219. Серова И. Г., Гордеева Е. Д. Реализация глобального замысла пьесы через авторский паратекст // Перевод. Язык. Культура: VIII международная научно-практическая конференция. Ответственный редактор Е.В. Дворецкая. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 132-136.

220. Сидорова М. А. Речевой жанр «портретирование человека» в системе современного жанроведения // Вестник Омского университета. – 2003. – Вып. 4. – С. 159-165.

221. Синельникова Л. Н. PR-дискурс как динамичное и открытое социально-коммуникативное пространство // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Пастухов А. Г. – Орел, 2013. – С. 53-65.

222. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 26-31.

223. Скнарев Д.С. Образ посредника в рекламной коммуникации как инструмент риторического воздействия на целевую аудиторию // Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практикесовременного общества: Сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике (2–4 февраля 2022 г.) / составители-редакторы: В. И. Аннушкин, А. Г. Жукова, Л. В. Селезнева. – Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022 – 543 с.

224. Словарь-справочник по рекламе, связям с общественностью, средствам массовой информации / Сост. А. А. Чесанов. – СПб.: СПбГУ, 1998. – 319 с.

225. Современное зарубежное литературоведение: Страны Западной Европы и США: Концепции, школы, термины / Сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. – М.: Интрада, 1996. – 319 с.

226. Соловьева И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. – № 6. – С. 141-145.

227. Соловьева И. В. Специфика автобиографии и биографии как коммуникативно-грамматических типов текста: характеристика рамки // *Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков.* – 2014. – Вып. 6. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. – С. 188-197.

228. Спешилова А. Ю. Принципы выбора канала распространения информации в построении имиджевой коммуникации // *Вестник Тверского государственного университета.* – Серия: Филология. – 2014. – № 3. – С. 242-246.

229. Спиридовский О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // *Политическая лингвистика.* – 2006. – Вып. 20. – С. 161-169.

230. Ставровская И. В. Фрагментарность представления информации в структуре различных жанров глянцевого журнала // *Медиалингвистика.* – 2014. – Т. 3. – С. 159-162.

231. Стеблецова А. О. Дискурсивные особенности текстов коммуникативной сферы трудоустройства // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* – 2009. – Т. 44. – № 10. – С. 43-47.

232. Стексова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика.* – 2011. – № 4. – С. 63-66.

233. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // *Язык и наука конца 20 века.* – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 35-73.

234. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

235. Теоретические основы PR-риторики / Анисимова Т. В., Аксенова А. В., Мухина М. В., Рыженко Е.С.; под общ. ред. Анисимовой Т. В. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – 511 с.

236. Терских М. В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 274-283.
237. Тихонова Т. Ю. Биография фуникулёра: факты и адреса // Мир транспорта. – 2010. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 184-190.
238. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. – Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2009. – 356 с.
239. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. - М.: «Радуга», 1983. – С. 355-369.
240. Толчеева К. В. Динамика стилистически маркированных языковых средств в драматургическом паратексте в контексте актуализации коммуникативно-прагматической оси «автор-адресат» // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 19. С. 129-133.
241. Тупикова С. Е. Разграничение понятий «высказывание», «дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – № 3 (95). – С. 148-154.
242. Туровская Л. Т. Биография автобуса // Мир транспорта. – 2006. – Т. 4. – № 1 (13). – С. 144-154.
243. Туровская Л. Т. Биография автобуса // Мир транспорта. – 2006. – Т. 4. – № 2 (14). – С. 144-153.
244. Тюпа В. И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 31-42.
245. Уилкоккс Д. Л. Как создавать PR-тексты и эффективно взаимодействовать со СМИ: Пер. с англ. 4-е изд. – М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-КОНТАКТ»: ИНФРА-М, 2004. – XVI, 761 с.
246. Уткина И. В. Номинации субъекта лаудативной речи в русском языке (на основе анализа словарных дефиниций) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. Т. 1. № 42. С. 96-105.
247. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. – СПб.: КомКнига, 2007. – 282 с.

248. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
249. Федорова С. А. Жанровая особенность интернет-дискурса // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 12. – С. 330-335.
250. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. – №5. – С. 102-120.
251. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Rhema. – 2012. – № 2. – С. 76-82.
252. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. : дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 163 с.
253. Фоменко О. С. Лаудативний дискурс: прагматичний та лінгвокультурологічний аспекти (на матеріалі англійської мови) // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – Вип. 12. – Т. VII (132). – 360 с. – С. 5-12.
254. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. – Киев: Ника-Центр, 1996 (а). – 208 с.
255. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. – М.: Касталь, 1996 (б). – 448 с.
256. Хазагеров Г. Г., Щаренская Н. М. Советский «житийный канон» в биографии ученого и проблема его преодоления // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – № 1. – С. 141-135.
257. Хазагеров Г. Г., Щемелева Е. Ю. Проблема создания образа ученого в юбилейных материалах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4 (46). – Ч. II. – С. 203-206.
258. Халатян А. Б. Жанровая организация предвыборного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (9). – С. 177-182.

259. Харченко В. К. Больничный дискурс: нарративы, реплики, диалоги // Жанры речи. – 2016. – № 1 (13). – С. 100-112.
260. Хахалева А. Ю. Типологические признаки PR-дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 8 (668). – С. 81-96.
261. Хачиков В. А. Пятигорск в биографиях улиц и площадей. – Ставрополь: Издательство Кузьминых, 2010. – 268 с.
262. Хомутова Т. Н. Типология жанра: От теории к практике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Лингвистика. – 2006. – № 6 (61). – С. 60-64.
263. Худяков А. В. Современные исследования президентского дискурса: Теоретические предпосылки и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). – Ч. II. – С. 206-208.
264. Черкашина Г. С. Мемуарная автобиография и автобиографические мемуары: Схожесть и различие понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 196-199.
265. Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 208 с.
266. Чернобров А. А. Специфика религиозного дискурса в лингвистике // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 94-98. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/chernobrov-07.htm>.
267. Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 53-55.
268. Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? [Электронный ресурс] // Когниция, коммуникация, дискурс: Междунар. эл. сб. научн. трудов. – Харьков, 2011. – Вып. 3. – С. 86-95. – Режим

доступа: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/cernavskaa-v-e>

269. Чуйкина С. Биографическое интервью и социология памяти // *Ab imperio*. – 2004. – № 1. – С. 291-309.

270. Чумиков А. Н. Связи с общественностью. – 3-е изд. – М.: Дело, 2001. – 296 с.

271. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика: Учебное пособие. М.: Дело, 2003. – 496 с.

272. Чумиков А.Н. Креативные технологии «Паблик рилейшнз». – М.: Унив. гуманитар. лицей, 1998. – 216 с.

273. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 432 с.

274. Шестакова Д. В. Конкурентоспособное портфолио как условие успешного трудоустройства // *Высшее образование в России*. – 2012. – № 6. – С. 91-95.

275. Шефер О. В. PR-дискурс в корпоративном ньюсмейкинге // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. – 2016. – № 1 (10). – С. 116-119.

276. Шильникова О. Г. К проблеме типологии текстов СМИ: паратексты как структурно-содержательный компонент «толстого» журнала // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Вып. 10*. – 2011. – № 1 (13.) – С. 50–67.

277. Широкова Е. В. Лингвостилистический анализ PR-биографии: учебно-методический аспект // *Общественные науки*. 2015. – № 6-1. – С. 245-258.

278. Шмелева Т. В. Оценочные жанры речи // *Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник*. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 388-389.

279. Шмелева Т. В. Паратекст медийного текста // *Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: Сб. научн. статей / Отв. ред. О.М. Чупашева*. – Мурманск: МГПУ, 2009. – С. 145-149.

280. Шомели Ж., Уисман Д. Связи с общественностью. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 128 с.

281. Шубина А. В. Биография города как новый тип исторического повествования (Питер Акройд «Лондон: Биография») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 228-231.

282. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование: Учеб. пособие. – Воронеж: Родная речь, 2004. – 194 с.

283. Ян Жуй. Жанрово-стилистические характеристики биографического текста в русской лингвокультуре. Дисс. ... канд. филол. наук., 2023. – 220 с.

284. Ясиновская Е. Г. О специфике религиозного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 616. – С. 179-186.

285. Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal Influence: The part played by people in the flow of mass communications. Glencoe, IL: The Free Press, 1955. 400 p.

286. Loewe I. Paratexts on television. Part 1 // Медиалингвистика. 2015 а. № 2 (8). С. 69-77.

287. Loewe I. Paratexts on television. Part 2 // Медиалингвистика. 2015 б. № 3 (9). С. 75-84.

288. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 261 p.

Словари и энциклопедические источники

289. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Слов. разговор. Выражений / В.П. Белянин, И.А. Бутенко // – М.: ПАИМС, 1994. –192 с.

290. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок. 150000 слов. / А 64 Сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; под общ. рук. И. Р. Гальперина. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1979. Т. 1. А —L. 824 с.

291. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. – 1534.
292. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. Ред. В.Н. Телия. – Москва: АСТ–ПРЕСС ШКОЛА, –2023. – 784 с.
293. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд "Ленингр. галерея", 2002. - 1628 с.
294. Гуревич П.С., Шульман В.И. Ментальность, менталитет// Культурология XX век. Энциклопедия. Т.2. / П.С. Гуревич, В.И. Шульман. – СПб.: Университетская книга; 1998. 447 с.
295. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. –808 с.
296. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
297. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
298. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
299. Лисаковский И.Н. Художественная культура: термины, понятия, значения: [Слов.-справ.] / И.И. Лисаковский. – Москва: Изд-во РАГС, 2002. – 238 с.
300. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
301. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний/ М. И. Михельсон. – Посмертное изд. - Санкт-Петербург: Тип. АО "Брокгауз - Ефрон", 1912. - XII, 1046, 103 с.

302. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 784 с.
303. Новая философская энциклопедия: в 4 т./ Ин-т философии РАН, Нац. Общ. -научн. Фонд; – М.: Мысль, Т 2. – 2010. С. 634.
304. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и Образование, 2016. – 1376 с.
305. Панькин В.М. Языковые контакты: [Электронный ресурс] краткий словарь/ В.М. Панькин, А.В. Филиппов. -4-е изд. стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2021. –159 с.
306. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.
307. Современный толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Москва: Рипол-Норинт; Санкт-Петербург: Рипол-Норинт, 2008. - 959 с.
308. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. –590 с.
309. Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.И. Котюрова, А.П. Сквородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
310. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. – М: Русский язык, 1998.
311. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складчиковой. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Пресс». СПб., 1998.
312. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
313. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

314. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – Т. IV. Битбург – Босха. – СПб., 1891. – 488 с.

Источники исследуемого материала

315. Басков – Биография [Электронный ресурс] // Николай Басков – Официальный сайт. – Режим доступа: <http://baskov.ru/life/bio/>

316. Белоконь – Белоконь Александр Владимирович [Электронный ресурс] // Южный федеральный университет: офиц. сайт. – Режим доступа: [https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/s1/D¶ms=\(p_per_id=>48\)](https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UNI/s1/D¶ms=(p_per_id=>48))

317. Билан – Биография [Электронный ресурс] // Дима Билан: официальный сайт. – Режим доступа: <http://bilandima.ru/biography/>

318. Ваенга – Елена Ваенга, музыкант [Электронный ресурс] // Vaenga.ru: официальный сайт Е. Ваенги. – Режим доступа: <http://www.vaenga.ru/biography/>

319. Валерия – Биография [Электронный ресурс] // Валерия: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.valeriya.net/bio/>

320. Гагарина – Все обо мне (About me) [Электронный ресурс] // Полина Гагарина [Официальный сайт.] – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160603212214/http://www.gagarina.com/>

321. Гергиев – Биография [Электронный ресурс] // Валерий Гергиев: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.valery-gergiev.ru/>

322. Григорьев – О герое [Электронный ресурс] // Игорь Григорьев – Официальный сайт. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160921121135/http://igorgrigorev.com:80/site/about>

323. Емельянов – Биография [Электронный ресурс] // «Справедливая Россия» Емельянова Михаила Викторовича. – Режим доступа: http://emeljanov.ru/section_18/

324. Жданов – Юрий Андреевич Жданов [Электронный ресурс] // Южный федеральный университет: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://zhdanov.sfedu.ru/page01/01/01.htm>

325. Жириновский – Биография. Жириновский Владимир Вольфович [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЛДПР. – Режим доступа: <http://ldpr.ru/leader/biography/>

326. Киркоров – Филипп Киркоров. Полная биография [Электронный ресурс] // Филипп Киркоров: официальный сайт. – Режим доступа: https://kirkorov.ru/uploads/KIRKOROV_Biographiya.pdf

327. Курнаков – Денис Курнаков. Технический директор [Электронный ресурс] // ASSIST – провайдер электронных платежей. – Режим доступа: <https://www.assist.ru/about/aboutus.htm>

328. Лавров – Лавров Сергей Викторович, министр иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/about/structure/minister>

329. Лазарев – Биография Сергея Лазарева [Электронный ресурс] // Сергей Лазарев (официальный сайт). – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160710232232/http://sergeylazarev.ru:80/bio>

330. Лепс – История [Электронный ресурс] // Григорий Лепс: официальный сайт. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160711020657/http://www.grigoryleps.ru/history>

331. Лимонов – Прилепин З. Его имя — Эдуард Лимонов [Электронный ресурс] // Лимонов-2012. – Режим доступа: <http://www.limonov2012.ru/biography.html>

332. Линда – Эмоциогамма [Электронный ресурс] // LINDA – официальный сайт. – Режим доступа: <http://lindamusic.ru/bio/>

333. Макаревич – Биография: Обо мне [Электронный ресурс] // Личный сайт Андрея Макаревича. – Режим доступа: <http://ru.makar.info/biography>

334. Мацуев – Биография [Электронный ресурс] // Денис Мацуев (официальный сайт). – Режим доступа: <http://matsuev.ru/about/>

335. Меладзе – Биография. Творческий путь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Валерия Меладзе. – Режим доступа: <http://meladze.ru/biografiya>

336. Миллер – Алексей Борисович Миллер [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром»: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/management/board/miller/>

337. Миронов – Евгений Витальевич Миронов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евгения Миронова. – Режим доступа: <http://emironov.ru/biografiya/>

338. Михайлов – Биография [Электронный ресурс] // Официальная страница Стаса Михайлова. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20170606135722/http://stas-mihaylov.ru/bio>

339. Панайотов – Биография [Электронный ресурс] // Александр Панайотов, певец: официальный сайт. Режим доступа: <http://panayotov.ru/bio/>

340. Парфенов – Биография [Электронный ресурс] // Официальный сайт Леонида Парфенова. – Режим доступа: <http://leonidparfenov.ru/biografiya/>

341. Пелагея – Биография [Электронный ресурс] // Пелагея – официальный сайт – рок-этно арт-фолк группа. – Режим доступа: <http://www.pelagea.ru/biography>

342. Познер – Биография [Электронный ресурс] // Познер Online: Официальный сайт телеведущего и журналиста Владимира Познера. – Режим доступа: <http://pozneronline.ru/biografiya/>

343. Прилепин – Биография [Электронный ресурс] // Захар Прилепин: официальный сайт писателя. – Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/bio.html>

344. Романовская – Биография: Необычная история Ольги Романовской [Электронный ресурс] // Ольга Романская: персональный сайт. – Режим доступа: <http://romanovskayaolga.com/>

345. Рубина – Биография [Электронный ресурс] // Сайт Дины Рубиной. – Режим доступа: <http://www.dinarubina.com/biography.html>

346. Савичева – История [Электронный ресурс] // Юлия Савичева: официальный сайт. – Режим доступа: <http://savicheva.ru/history>

347. Собчак – Биография [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ксении Собчак. – Режим доступа: <http://ksenia-sobchak.com/biografiya>

348. Сорокин – Автобиография [Электронный ресурс] // Официальный сайт Владимира Сорокина. – Режим доступа: <http://srkn.ru/biography>

349. Сытин – Краткая биография [Электронный ресурс] // Сытин Георгий Николаевич – Центр психологической поддержки человека по методу академика Г. Н. Сытина. – Режим доступа: <http://sytin-gn.ru/kratkaya-biografiya/>

350. Явлинский – Краткая биография [Электронный ресурс] // Григорий Явлинский – кандидат в Президенты России. – Режим доступа: <https://www.yavlinsky.ru/>